

Ли
Фатхи

A watercolor illustration of a blue dragon with orange eyes and a lightning bolt on its chest, set against a background of blue and white watercolor washes.

ПОЧТОВЫЕ

Почта России. Казань. Татьяна Еремеева в поисках работы с неохотой устраивается в Специальный отдел, не подозревая, что за блеклыми конторками скучающих операторов связи, складами и коридорами скрывается нечто необыкновенное и захватывающее.

Магия. Параллельный мир. Немного безумные коллеги, мифические животные и демонические слуги!

Спокойная жизнь прекращается в один миг, когда Почтовых начинают устранять одного за другим. Смогут ли они оказать сопротивление? А спасти мир?

1245 год провозглашения Империи Во / 1984 год по григорианскому календарю

— Это и есть тот самый свиток? Джоэсс Луиджи говорил, что пергаменту несколько сотен лет.

Высокий, очень худой мужчина, закутанный в кожаный плащ из тонко выделанной серо-зеленой кожи, с сомнением осмотрел пыльную рукопись.

— Су-шен Игнат, — вежливо ответил его собеседник, — джоэсс совершенно прав: свитку больше тысячи лет. Кроме того, он копия еще более древнего документа.

— Я поражен, чилун. Можно ли верить тому, что здесь написано? — бледно-голубые глаза худого мужчины недоверчиво блеснули. — В нашем мире подлогом древних манускриптов никого не удивишь.

Собеседник Игната — чилун, служитель храма — носил длинное светло-золотое одеяние, отделанное зеленой каймой и напоминавшее сутану. Несмотря на юный возраст, он занимал высокое звание в общине церковных братьев Империи. Именно он на свой страх и риск провел Игната в эту старинную библиотеку в столичном храме. И все благодаря просьбе джоэсс Витале Луиджи, который, сгорая от нетерпения, ждал Игната внизу, на первом этаже храма.

Игнат склонился над пергаментом:

— Это староимперский? Я неплохо его знаю. Могу я достать лупу?

— Перевести вам?

— Не стоит, я справлюсь.

Через полчаса Игнат, убрав лупу в глубокий карман синего жилета, спустился к старому артефактору. Витале казался спокойным, но Игната не проведешь. Он хорошо знал старика, еще со времен своих первых лет работы в Ревизионном управлении Специального отдела. Витале еле сдерживал нетерпение, светло-зеленые глаза блестели, как у молодого юноши на свидании. Остатки когда-то роскошной рыжей шевелюры стояли дыбом.

На улице джоэсс Луиджи схватил Игната за руку и прошептал:

— Ну что? Что там в пергаменте?

— Все как вы говорили, — ответил Игнат, — легенда о призрачном драконе. Странно: почему эта информация настолько засекречена?

— Церковные братья все легенды о драконе и его камнях охраняют как зеницу ока.

— Тем более удивительно, что меня допустили к этой информации.

— Э-э-м, — джоэсс смутился, — я забыл предупредить вас, друг...

— Что? — нахмурился Игнат. — Да ладно! Вы добились чего хотели — узнали старую легенду. А сейчас вдруг окажется, что это было незаконно?! Вы подставили меня и Управление?!

— Это все ради науки, су-шен Игнат!

Когда Витале начинал величать Игната господином, тот понимал, что сейчас начнется тирада о необходимости жертвовать всем ради прогресса и науки.

И она последовала, но Игнат не слушал: он лихорадочно размышлял. Церковные братья, конечно, скоро обнаружат, что чужак узнал секретную информацию. Чилун в золотом одеянии укажет на Луиджи. Но у Луиджи в этом мире большое влияние, и к тому же он всегда сможет скрыться на Островах, которые находятся вне юрисдикции церковных

братьев.

Артефакторика была, можно сказать, религией Содружества Свободных Островов. Туда бежали увлеченные этой наукой изгои из других стран, их принимали, давали кров и возможность работать. Результатом было технологическое опережение Островами не только Империи, но и Архейской торговой лиги, которая тоже не жалела денег на магические разработки. А еще среди жителей Островов было огромное количество людей, восприимчивых к магии и поэтому способных изучать и использовать магические кристаллы.

Ну а старый Бартоломео Луиджи, старейшина и глава клана Луиджи, конечно, не даст в обиду любимого младшего братца.

А что делать Игнату? Бежать! Скорее всего церковные братья запретят ему посещать Империю, но ссориться с Управлением не захотят.

Все обдумав, Игнат прислушался к тому, что продолжал ему говорить старый ученый.

— И вот поэтому, — вещал старик Витале, — вы должны отнестись к этому с пониманием. И главное, что было в пергаменте, су-шен Игнат?

— Обычная старая байка. Даже не предсказание, как вы надеялись, джоэсс. И я тоже, вместе с вами. В записи говорилось, что Призрачного дракона можно увидеть только перед смертью. Что он суть вашей магии и мира.

Витале даже затрясся от возбуждения:

— Это подтверждает наши исследования, су-шен Игнат! Дорогой друг, что еще вы узнали?

— Лучше бы вы сами прочитали, — вздохнул Игнат. — Еще там говорилось о Луэ, но я не понял, кто это. И о том, что можно запечатать трещину между мирами, создав Печать дракона. Процесс сложный, с использованием крови демонов, людей и еще чего-то. Не смог разобрать слово, там текст на сгибе листа почти стерся. Короче, очень веселая легенда!

Витале не отвечал, слушая Игната с безумной счастливой улыбкой.

— Эта часть скорее всего миф, — наконец сказал он, — все знают, что кровь демонов убивает людей. Луэ — старая детская сказка о глазе дракона. Но я обдумую все, что вы мне рассказали. Вдруг это иносказание? Что еще удалось прочитать?

— О природе магических кристаллов, но там просто подтверждение вашей теории о том, что все они производное от крови и других выделений Призрачного дракона. Ничего нового.

— И все?

— Все, — покачал головой Игнат, — а теперь прошу оказать содействие: мне срочно нужно на станцию.

Джоэсс Луиджи кивнул и, подняв голову, издал громкий разбойничий свист.

— О нет! — Игнат схватился за голову. — Опять ваша летающая джонка?

— Новейшая модель, — радостно заявил Витале Луиджи. — Подарок от младшего брата. Прекрасная вещь!

Сверху спустилась джонка с личным флагом джоэсс Луиджи на мачте. Игнат поднялся на борт. Странное предчувствие охватило его. Он кое-что утаил от Витале. В конце свитка карандашом еле различимо была приписана фраза, которая неприятно удивила и встревожила его: «...жертва должна быть добровольной».

Глава первая

Наши дни. Казань. Россия

— У нас есть только вакансия в Специальный отдел стажером, — неуверенно произнесла девушка и еще раз проверила списки на экране монитора. — Да, точно. Уже года три висит. Но, вы знаете, я не уверена, что это вам подойдет. Хотя... мало ли. И все же я должна вас сразу предупредить: Муса Ахмедович очень строг к кандидатам!

Разговор в отделе кадров Почты России не вдохновлял. Свободных вакансий экономистов в отделениях Почты не было. Я вздохнула:

— Но меня направили к вам из центра занятости. Сказали, есть работа.

— А кто вам направление подписал? — неожиданно оживилась девушка. — Иван Константинович?

— Нет, женщина какая-то, — я протянула бумажку.

Девушка взглянула на подпись:

— Надо же, Валентина Игнатьевна.

Помолчав секунду, она подняла трубку многоканального офисного телефона и, набрав короткий внутренний номер, сказала:

— Муса, тут тебе, похоже, стажера наши. Направление Кондратьева подписала. Да, сама. Я что, по-твоему, подпись вашей Игнатьевны не узнаю?

— С ума сойти, — обратилась она ко мне, положив трубку, — впервые за последние три года в Специальный отдел стажера прислали.

Я молчала, размышляя над названием отдела. Воображение рисовало металлические двери, кодовые замки, номенклатурные справочники, на худой конец — сердитого вахтера с толстым журналом посещений.

Но тут дверь резко распахнулась, будто отлетев от удара ногой, и в конуру отдела кадров вошел невысокий, приземистый, очень смуглый мужчина неопределенного возраста, одетый в синий складской халат. Ему можно было дать и сорок, и шестьдесят лет: черные короткие волосы, подстриженные ежиком, скуластое восточное лицо, глаза такие темные, что не различить зрачков, тяжелые монголоидные веки. Загорелое лицо с глубокими складками от носа к углам рта неожиданно располагало к себе.

— И кто тут у нас? — спросил он негромким спокойным голосом.

— Вот, — кивнула на меня девушка, — Еремеева Татьяна, экономист, двадцать три года.

Муса Ахмедович молча и с удивлением рассматривал меня.

— Валя прислала? — уточнил он, потом наклонил голову и слегка прищурился, словно никак не мог сфокусировать взгляд на моем лице.

— Она, — твердо ответила девушка, предвкушая новость, которая понесется дальше по отделам.

— Как вы попали к Валентине Игнатьевне? — спросил Муса. — В последнее время она не занималась соискателями.

— Пришла за направлением на работу в центр занятости, — я пожала плечами. — В сто шестнадцатый кабинет.

— Валентина Игнатьевна вам в кабинете направление выдала? — продолжал спрашивать Муса Ахмедович.

— Нет, в коридоре. Она пила воду, — сказала я, — из фонтанчика. Такого, знаете, питьевого. И вдруг поперхнулась. Я просто помогла ей откашляться.

Девушка слушала мои ответы в восторженном изумлении, а Муса Ахмедович — с усталой задумчивостью.

— Валентина Игнатьевна пила из фонтанчика? — спросила девушка.

— Ну да, — неуверенно ответила я, чувствуя себя очень глупо. — В коридоре кулер, то есть нет, фонтанчик.

Я замолчала, припоминая, кулер там или фонтанчик. А если фонтанчик, откуда он? Сейчас везде кулеры вроде. Что за анахронизм в этом центре занятости?

— Так, ладно, — быстро сказал Муса, прекратив мои мучения, — вы нам подходите. Ваши документы?

Выхватив из моих рук папку, он резко развернулся и направился внутрь отделения Почты, скомандовав:

— За мной.

— Я могу узнать, что за вакансия стажера? — спросила я, еле поспевая за ним. — Я думала, меня по специальности возьмут. Послушайте! Куда мы идем?

— Работа интересная, условия отличные, — сказал Муса, ускорив шаг. — Стажер в Специальный отдел. Через месяц переведем в специалисты. В трудовой напишем как положено: почтальон второго класса. График работы ненормированный. Зарплата — копейки. В общем, те еще галеры. Устраивает?

«Нет», — хотела ответить я, но почему-то в полном изумлении промямлила:

— Да.

Муса Ахмедович рассмеялся:

— Не стоит переживать. Конечно, у нас в отделе ненормированный график, но не сразу, а только после прохождения стажировки, да и зарплата достойная. Честно, честно! Знаете, наша работа в Специальном — это лучшее, что с вами могло случиться в жизни. Поверьте мне, старому человеку.

И «старый человек» припустил так, что профессиональный бегун бы заплакал от зависти. Мне пришлось изо всех сил поспевать за ним по узкому коридору, чтобы не отстать. Я надеялась, что не упаду, и радовалась удобным ботинкам. Муса, казалось, не замечал скорости, он даже не запыхался.

— Долго нам еще? — задыхаясь от бега, спросила я.

— Хотелось бы мне знать, — развел руками Муса.

Коридор все не кончался. Он тянулся и тянулся, как пожарный шланг, уходя то вправо, то влево. Двери, двери, поворот. Снова двери, снова поворот. И так по новой.

«Мистика какая-то, — подумала я, — что за здание такое длинное? И сколько же у них кабинетов?».

— Что-то не так? — спросил Муса Ахмедович, продолжая идти.

— Мне кажется, мы проходили эту дверь, — я ткнула в зеленый дермантин, надеясь, что не сошла с ума.

— Верно, — Муса с облегчением остановился. — Думал, не дойдем. Ну, я рад! Что же вот мы и пришли.

Я присмотрелась: на двери висела табличка «Специальный отдел. Ревизионное управление». И ничего более, никаких кодовых замков или строгой и подозрительной вахтерши, только хлипкая дверь, обитая дешевым зеленым дермантином.

— Проходите, не стесняйтесь, — сказал Муса и вошел первым.

Я прошла в кабинет и с удивлением завертела головой. Сразу после учебы в университете я проработала год экономистом в крупной сети продовольственных магазинов. И уж на кабинеты там насмотрелась: стандартная офисная мебель, кресла на колесиках, куча канцелярии, шкафы с папками. Картины, статуэтки, календари, цветы, кубик Рубика — это уже на усмотрение хозяина стола, стены или, если повезет, всей комнаты.

И все же Почта смогла меня удивить.

Кабинет ревизионного управления был совсем небольшим.

— Не душно? — спросил Муса. — Сейчас открою окно.

Он распахнул круглое оконце высоко под потолком. Для этого ему пришлось встать на стул.

Там, за этим странным не то чердачным окошком, не то иллюминатором светило солнце, освещая стилизованные под дерево панели на стенах и пыльную люстру с тремя рожками, точно такую же, как у моей бабушки на кухне. В углу стоял, занимая половину тесной комнаты, большой деревянный стол, заваленный бумагами.

Стол был монументальный — настоящий партийный письменный раритет из красного дерева с зеленой суконной столешницей, прямо как из старых фильмов. С тремя выдвижными ящиками, закрытыми на ключ.

— Да что же такое, — проворчал Муса Ахмедович и сдвинул старый дисковый телефон, подзорную трубу, пустую чернильницу и циркуль к краю стола, — порядка нет! Всякий хлам развели. Сейчас, погодите, я освобожу тут. А то даже подписать заявление негде.

Он подошел к шкафу с папками, открыл стеклянную дверцу и убрал часть бумаг на пустую полку. Потом выпихнул из-под стола тумбу и переставил на нее глобус и какой-то прибор, то ли компас, то ли манометр. Расчистив небольшой кусочек столешницы, он с радостным вздохом выхватил из кипы листов чистый и сказал:

— Давайте пишите заявление. Компьютера у меня нет, вот только это, — он указал на древнюю печатную машинку. — Но она не работает: лента высохла.

— А что значит «Специальный отдел»? — спросила я, усевшись на единственный стул для посетителя и рассматривая клейкую ленту от мух, которая свисала с бабушкиной люстры.

Муса Ахмедович в своем синем складском халате казался в этом необычном кабинете совершенно чужим, как, впрочем, и я сама.

— Занимаемся специальными поручениями, — коротко ответил Муса Ахмедович.

— Негабаритными грузами, что ли?

— Ими тоже, — Муса выхватил у меня из рук заявление о приеме на работу, быстро прочитал, черкнул в верхнем левом углу согласие и вложил в старую картонную папку. — Трудовой договор в кадрах подпишете, а положение об отделе и должностные выдаст Мария, мой заместитель. Она пока в отпуске, будет через пару дней. Инструктаж и прочую чепуху проведем побыстрее.

— Извините, — я словно очнулась, — как-то не уверена, что смогу работать у вас. Я экономист, а не почтальон. Грузы, письма — это не мое.

— Еще пенсии и газеты, — сказал Муса и проникновенно добавил: — Я понимаю, но выбора-то нет. Другой стажер нам не светит, и так три года на эту должность никого найти не могли. Я уж думал, Валентина Игнатьевна решила покинуть нас окончательно, ан нет, все же она бдила.

— Получить направление от нее — это не типичная ситуация?

— Ну как вам сказать, наверное, да. Валентина Игнатьевна там не работает.

— В центре? А где она работает?

— Сейчас нигде, — пожал плечами Муса Ахмедович, — а раньше возглавляла Специальный отдел.

Ситуация была странная. Поди туда — не знаю куда, подпиши у того, кого нет. Может, у них на Почте все больны? Может, я больна и лежу с жаром?

— Не переживайте так, Татьяна. Устраивайтесь к нам. Большая организация. Есть перспективы роста. Государственная контора, отпуск, все льготы положены. Ну что вы, в самом деле! Пройдете стажировку и перейдете на постоянную работу. У нас широкий список вакансий, — уговаривал Муса.

— Девушка сказала, что есть только в Специальный отдел. И только стажером.

— Да бросьте, у нас столько отделений, а она отвечает только за центральное, — отмахнулся Муса.

Я молчала. С одной стороны, мне хотелось работать в центре города в большой организации, по специальности и с хорошей заработной платой. С другой стороны, сейчас срочно нужна работа и хоть какие-то деньги. И даже пособие по безработице от центра занятости было нелишним. А уж зарплата — и вовсе прекрасно. Перспективы роста опять же. И, кстати, куда я тут вырасту?

— Зарботная плата не ниже, чем на прошлой работе. Имеем такую возможность, да. У нас тут ненормированный график, а за это всегда идет доплата, — разливался Муса Ахмедович, наблюдая за моими мучениями.

— Ну хорошо, давайте, — решила я.

— Отлично, — просиял Муса Ахмедович, — я уверен, что вы не пожалеете.

Глава вторая

— Осторожно, двери закрываются. Следующая станция — Козья слобода.

Я открыла глаза и осмотрелась: потертые сиденья, серый салон. Лампы заливали лица пассажиров бледно-голубым светом, и казалось, будто в вагон набилась толпа хорошо разложившихся зомби. Я натянула капюшон поплотнее: восемь утра — час пик, все спешат на работу. И дремлют. Я тоже сплю утром в поезде: стоит мне только присесть, как глаза сами собой закрываются.

— Станция Козья Слобода... — поставленный голос диктора пробил пелену сна.

Послышался щелчок, потом странные звуки, как будто кого-то стошнило, хихиканье, а затем гадкий козлиный голос проблеял:

— Ку-ка-ре-ку! Почтовая служба, двери открываются!! На зарядку станови-ись!

Вздрагнув, я окончательно проснулась.

Это наваждение продолжалось неделю, ровно с того дня, как я заступила на должность стажера в Специальный отдел Почты России. Резкий вопль звучал каждый раз, когда возникала опасность, что я проеду свою станцию. Что только не орал мерзкий Козлиный: и простое короткое «Вставай», и «Проснись и пой», иногда даже читал матерные стихи или пел частушки. И конечно же, кроме меня, никто из пассажиров не выказывал удивления от криков и кривляния.

В первый раз я решила, что мне почудилось. Во второй возникло легкое беспокойство, все ли со мной в порядке. Сейчас же я была серьезно озабочена этими голосовыми не то галлюцинациями, не то повторяющимися сновидениями. Каждое утро, услышав Козлиного, я клялась себе, что запишусь к врачу, но к вечеру забывала, и так повторялось снова и снова. Обсудить проблему можно было бы со Светкой Моховой: мы дружили все пять лет учебы в университете, но сейчас она на месяц уехала к родителям в Набережные Челны.

— Нашла время, — разозлилась я на подругу.

«Светка, когда приедешь? — набрала ей сообщение в мессенджере. — Мне кажется, у меня крыша едет».

«Не кажется, а уже неделю как уехала, — немедленно отписалась подруга, — с такой-то работой».

Тяжело вздохнув, я сунула телефон в карман и стала пробираться к выходу, расталкивая недовольных сонных пассажиров. В полной тишине вагон остановился и я вывалилась наружу.

— Ну что за люди, — я с ворчанием пробилась сквозь стену студентов и служащих, поднялась на эскалаторе и распахнула тяжеленные двери метрополитена.

На улице было хорошо: прохладно и тепло одновременно, как это бывает ранней осенью. Середина сентября — самое лучшее время в Казани: трава еще зеленая, листва кое-где на деревьях пожелтела или покраснела и местами начала опадать. Я вдохнула полной грудью утренний, еще свежий запах города и направилась на работу.

Я опаздывала: третье почтовое отделение на улице Черноморской было открыто с восьми утра. Располагалось оно в здании старой пятиэтажки — маленькое и тесное, с неторопливыми работниками, недовольными, но покорными посетителями и бесконечными очередями.

«Господи, скукота какая!» — подумала я и вспомнила вчерашний разговор с братом. Он

позвонил, как обычно, в четверг и спросил, нашла ли я работу. Узнав, куда устроилась, вздохнул:

— С ума сойти, стажером на Почту. Вот была у тебя нормальная работа, а теперь что? Даже не по специальности. И вообще, ну кто работает на Почте? Что там за работа? Сумки таскать?

В разговоре с братом я всю использовала свое суперумение — молчать. Спорить с ним бесполезно: Олег старше на семь лет и считает, что я еще совсем не разбираюсь в жизни. Хорошо, что он живет в Москве и не может контролировать каждый мой шаг.

Я ускорила шаг, пожала плечами и подумала: «Работа как работа. Сейчас у меня нет возможности перебирать. Не просить же на жизнь у родителей или брата. Нет, нет, только не это».

В легком раздражении я распахнула серую дверь отделения и была встречена возгласом Алсу Ибрагимовны:

— Муса Ахмедович! Еремеева твоя снова опоздала.

Алсу Ибрагимовна — оператор связи, женщина неплохая, но въедливая. Ко мне отнеслась с умеренным любопытством, за опоздания осуждала, зато разрешала брать молоко из холодильника и подкармливала печеньем.

Выглянул Муса, заметил меня, кивнул и никак не отреагировал на опоздание. Мне даже показалось, что он заговорщицки ухмыльнулся.

Первые недели стажировки проходили под руководством Гены — почтальона третьего класса. Обычно его длинная и тощая, похожая на жердь фигура уныло маячила то в зале, то на складе, но сегодня утром он куда-то запропастился. Нашла я его подсобке, которая служила кухней. Гена дремал над стаканом растворимого кофе, увидел меня, встрепенулся и кивнул на пакет с пряниками.

— Угощайся, сегодня кто-то из экспедиторов проставился за отпуск. Еще торт в холодильнике.

Основательно перекусив пряниками, мы с Геной принялись разбирать дела. Полдня прошли бестолково: разгребали склад, раскладывали посылки, заполняли бумаги, выставляли товары и ценники, пили чай.

«Вот чем занимается стажер на бессмысленной и бесполезной работе, — вздыхала я, — ничем. Ходит и перекладывает бумажки». Периодически я выглядывала в зал полюбоваться на безмолвную очередь и неторопливых работников почты.

В первый же день работы мне выдали складскую форму — комбинезон синего цвета и лазурную футболку.

«Здесь нет большого склада или сортировочного центра. Зачем же мне комбинезон? — думала я, заглядывая в огромную, как труба парохода, штанину. — Если только заблудиться в нем. Или поорать сюда от скуки. Интересно, ответит ли мне кто-то с того конца?».

К форме с еще большим интересом отнесся Гена. По его словам, сотрудникам Специального отдела форма не полагалась. И вообще про отдел ходили странные слухи, о чем Гена мне немедленно сообщил.

— А правда, что к вам берут только спортсменов? — спросил он меня однажды.

— Не знаю, я не спортсменка.

— Интересно. А мне Мария Альбертовна говорила, нужно нормативы сдавать... — озадаченно протянул Гена.

Еще у меня спрашивали: умею ли я вправлять вывихи подручными средствами и

готовить на костре, знакома ли с верховой ездой, сколько вязанок хвороста могу поднять за один раз и какими языками владею. Больше всех удивили операторы связи с вопросом, знаю ли я заговоры от сглаза.

— Нет, — озадаченно ответила я, — а зачем работнику почты это знать?

— Специальные должны все знать, — уверенно заявили операторы и, наконец, потеряли ко мне интерес.

Дни тянулись медленно. Стажировка не радовала, я изнывала от скуки и с нетерпением ожидала, когда начнется обучение работе Специального отдела. Но пока этого не происходило.

— Вот на сегодня, — сказал Гена после очередного обеденного перерыва.

Пачка писем, реклам и бесплатных газет шлепнулась передо мной на стойку.

— Не слишком много.

— Не радуйся, под столом еще два баула.

Меня спасло появление Марии Альбертовны, заместителя Мусы Ахмедовича.

Я сидела за конторкой у операторов и сортировала письма. Работала неторопливо, как и все почтовые. Спешить-то куда? Тут дверь со склада распахнулась и в зал вышла Мария, или Мари, как ее за глаза называл Гена.

— Гена, — крикнула она на весь зал, — где тут моя стажерка? Пусть зайдет.

— Ты видела, чтобы она заходила? — удивился Гена. — Откуда она там оказалась?

— Может, зашла с пожарного входа? — неуверенно предположила я, с изумлением рассматривая невысокую хрупкую фигурку в потертых кожаных галифе и синем жилете со множеством кармашков.

Кабинет Мусы Ахмедовича был пуст, Мария устало опустилась на стул и сказала:

— Мусы сегодня не будет. Я Мария Альбертовна, второй человек в нашем отделе. Как дела? Сколько ты уже с Геной работаешь?

— Почти две недели, — ответила я.

— И как?

— Скучно, — я пожала плечами, решив, что терять нечего.

— Верю, — понимающе улыбнулась Мария.

— Скажите, долго мне еще там сидеть?

— Стажировка длится четыре недели, — пояснила Мария, — недельку еще там посидишь, и заберем к нам. Трех недель обычно хватает с лихвой.

— Хватает на что?

— На все, — коротко ответила Мария и поднялась. — В Специальном пять сотрудников. К концу месяца придут Павел и Тимур. И весь отдел наконец-то будет в сборе.

Она прошла к шкафу, достала толстую папку и протянула мне:

— Тут Положение об отделе, должностные изучишь чуть позднее. Пока не ясно, кем ты будешь.

Я удивилась:

— Это как?

— Почитай пока Положение об отделе, — повторила Мария.

Да, искусством уходить от вопросов Мария владела в совершенстве. Желание расспрашивать дальше как-то само собой пропало: было что-то в выражении ее светлых, почти желтых глаз, пресекающее излишнее любопытство, в горделивой посадке

головой и идеально подстриженных до плеч темно-русых волосах. Я сразу вспомнила свою непослушную кудрявую копну и с трудом удержалась от желания пригласить ее.

— Есть еще вопросы? Если нет, то отпускаю домой. И сама уйду пораньше, последнее дежурство меня вымотало.

Она потерла глаза, и сквозь усталость складками вокруг рта и парой морщин в углах глаз проступил возраст. Я поняла, что она старше меня лет на пятнадцать, хотя сначала показалась совсем молодой.

— Да, Таня, как с деньгами? В первый месяц можем пробить аванс пораньше.

Я помотала головой, мол, не надо, и забрала папку. Толщина документа впечатляла. Три дня я пыталась одолеть Положение. Честно, каждый вечер. И каждый раз засыпала на третьей странице. Отчаявшись победить, я обреченно отложила талмуд до лучших времен.

Глава третья

— Почтовая служба!!! — снова проорал Козлиный. — Почтовая! Почтовая! Почтовая!

— Да поняла, — пробурчала я, — встаю! Отвали уже, дрянь.

Открыла глаза и с раздражением посмотрела в окно. Ничего кроме серых и черных полос, каких-то мельтешений.

Я огляделась. Утро субботы — вагон был почти пуст. Напротив меня дремал молодой человек в наушниках. Поезд остановился, и я собралась выходить, но тут поняла, что это не моя станция. Мерзкое хихиканье резко оборвалось, и диктор объявила:

— Осторожно, двери закрываются. Следующая станция — Суконная слобода.

«Какого черта ты меня разбудил, змееныш!» — возмутилась я.

Потом вспомнила Алсу Ибрагимовну и сообщила Козлиному:

— Шайтан! Чтобы тебя приподняло да шлепнуло!

Это субботнее утро было каким-то особенно тяжелым. Голова гудела, уши как будто набили ватой, и где-то в районе затылка звенела боль, комариным зудом вонзалась в виски и отдавалась в районе лба.

«Класс, еще и отекла вся!» — я увидела свое отражение в окне вагона: казалось, что короткие кудрявые черные волосы шевелятся, как змеи.

«Просто сквозняк, — подумала я, продолжая разглядывать себя: в свете ламп смуглое лицо казалось зеленым, а глаза — двумя черными ямами. — Прямо как с похмелья! А ведь я даже не пила. Раздери Козлиный эту работу в выходной!».

В Специальном отделе выходных как таковых не было: кто-то всегда дежурил на рабочем месте.

«Ненормированный график», — сказал, подписывая заявление о приеме на работу, Муса Ахмедович. Вот теперь я прочувствовала на себе всю прелесть этих слов.

В отделении было тихо: ни одного посетителя, операторы связи дремали за конторками.

— Еремеева, твои пришли. Муса уже искал тебя, — любезно сообщили с первого окошка.

Мрачная, я прошла в кабинет, где меня ждали Муса Ахмедович и Мария. Свежие, отдохнувшие и бодрые. От их жизнерадостного приветствия настроение совсем упало.

— Проходи, Таня, — кивнул мне Муса Ахмедович.

Я напряглась.

— Как самочувствие? — спросила Мария.

— Нормально, — осторожно ответила я. — Вы меня увольнять собрались?

— Нет конечно, с чего ты взяла? — удивился Муса Ахмедович. — Ты прекрасно со всем справляешься.

В голове как будто натянули звенящую струну. Звон все усиливался, боль ото лба перетекла на глаза, соображать стало трудно.

Муса Ахмедович что-то сказал, но уши вдруг заложило так сильно, что я не расслышала.

— Что с Положением об отделе, удалось прочитать? — повторил он.

— Нет, — у меня хватило сил удивиться, — откуда вы знаете, что не смогла?

— На то я и начальник, чтобы знать. Ты точно хорошо себя чувствуешь?

— Муса, видишь же, что девчонке плохо, — прервала его Мария. — Ты уверен, что она нам подойдет? Не хватало еще, чтобы ее удар хватил.

— С вероятностью в девяносто девять процентов Татьяна — наш сотрудник, — заявил Муса.

— Откуда такая уверенность?

Они говорили так, как будто меня не было в кабинете. Сомнения Марии в моей профпригодности почему-то вызвали раздражение и даже обиду.

— Я уверен, и на то есть причины! Во-первых, Татьяну направила к нам Валентина. Это важно! Во-вторых, кабинет! Она довольно быстро нашла его.

— И что? Проколы случались и ранее. Были случаи, когда для соискателей все заканчивалось плачевно, — жестко сказала Мария и с беспокойством посмотрела на меня.

Боль в голове стала невыносимой. В глазах потемнело, я почти оглохла, и сквозь дурноту слышала, как Муса сказал:

— Надо проверить карты.

— Господи, неужели ты еще не проверил?

— Ты же знаешь, что еще рано! Нужно время.

Потом я уже ничего не понимала, так мне было плохо. Я схватилась за голову, ожидая, что она вот-вот взорвется и почувствовала, как кто-то помогает мне сесть. Боль стучала во лбу, в висках, пробила раскаленным гвоздём глаза, а затем, когда я решила, что уже все, мне конец, раздался хлопок. Что-то лопнуло в голове и пронеслось волной по телу. И все прошло. Уши разложило, голова прояснилась. Я очнулась вся в поту, дрожа от слабости, с пересохшим горлом.

— Ты как? — спросил Муса, который стоял передо мной со стаканом воды в руке. — Отошла?

Меня переполняли счастье и невероятная легкость. Я с жадностью опустошила стакан. Прохрипела:

— Нормально. Жить буду.

— Вроде обошлось, — с облегчением выдохнула Мария. — Ну и напугала ты нас!

— А что случилось?

— Просто твоя стажировка почти завершилась. К счастью, благополучно, — ответил Муса.

Я смотрела на них во все глаза, словно впервые увидела. Последние дни все вокруг словно застилала какая-то серая пелена, а сейчас мир прояснился, как будто после дождя. Яркосиний цвет складского халата Мусы Ахмедовича и жилета Марии словно объединил их в команду. Я вспомнила свой комбинезон: он был точно такого же оттенка.

— Фирменный цвет Почты? — спросила я.

— Верно, — кивнул Муса, — спрашивай дальше, Таня.

— Вы говорили о причинах, по которым меня приняли в отдел. Поясните!

Муса помолчал, потом неохотно заговорил:

— Мать-основательница отдела — Валентина Игнатьевна — редко ошибается в выборе сотрудников. На моей памяти таких случаев было всего два.

— И оба закончились печально, — добавила Мария. — Последний рывок выдержали не все.

— Это про головную боль? — уточнила я.

— Именно, — кивнула Мария.

— Ну хорошо, у вас тут какая-то аномалия, которая вызывает мигрень. Может, духота или оборудование вредное. Но при чем здесь ваша основательница?

— У нее редкий дар видеть людей, восприимчивых к магии.

Моя внутренняя сигнализация тренькнула. Я ее называла «внутренний Геннадий», измеряя нормальность события в Генах: он был самым обычным человеком в этом отделении и не отличался никакими странностями.

— Закономерность ее появления в тех или иных местах, где она встречается соискателей, тоже неизвестна, — добавил Муса.

— То есть? Не понимаю. Она работает в Специальном?

— Работала когда-то. Была первым сотрудником в сороковых годах прошлого века. Первым руководителем. Уже давно на пенсии. Была.

— Была. Ясно, — хмыкнула я. Мой внутренний Геннадий захихикал не хуже Козлиного. — А что насчет кабинета? Коридор этот странный... Идешь вроде вперед, но при этом по кругу.

— Это тоже особенность отдела. Коридор пройти не проблема, а вот кабинет могут увидеть только сотрудники. Или будущие работники Специального.

— Восприимчивые к магии? — уточнила я.

— Совершенно верно.

— А магия, значит, существует?

— Не для всех. Но для нас — да, — ответил Муса, — иначе как объяснить то, что подземелье обратилось к тебе?

Я вздрогнула:

— Это вы про голос в метро?

— А, так ты слышишь подземелье? — воскликнула Мария. — Муса, как ты это понял?

— Если она наш сотрудник, то уже должна слышать.

Я молча слушала, стараясь унять волнение. Верить им или нет? Может, мы все сошли с ума? Или только Муса и Мария сошли с ума? Или это все сон? Куча вопросов — голова снова начала болеть. Я закрыла глаза, приложила холодные ладони к вискам и прислушалась к себе.

«А если это правда? Ха-ха, ты волшебник, Гарри! Нет, это смешно. А если нет? Как поступить?» — размышляла я.

Когда открыла глаза, увидела, что Муса и Мария с интересом наблюдают за мной.

«Юные натуралисты, мать вашу, — рассердилась я. — Экспериментаторы! Шайка-лейка какая-то. Восприимчивая к магии».

— Почему подземелье-то? — я почувствовала, как на меня наваливается усталость.

— Так писали в старых документах во время основания службы. В Казани метро недавно отстроили, но по привычке называем по-прежнему: под землей — значит, подземелье, — пояснила Мария.

— Место возможного прорыва, — добавил Муса.

— Прорыва?

— Да, место, где возможен прорыв демонических существей.

— Ага, — сказала я, — ну да. Прорыв существей.

Мария укоризненно покачала головой:

— Муса Ахмедович, ты решил ее с ума свести? Кто же за один раз вываливает на человека столько информации?

Муса смутился:

— Как-то я не подумал.

И озабоченно посмотрел на мое усталое бледное лицо.

— А карты? — слабым голосом спросила я.

— Насчет карт, может, в другой раз? — неуверенно сказал Муса. — Чаю налить тебе?

Чай пили в полном молчании. Все устали, я переваривала новую информацию, слабо удивляясь, что еще не сбежала из этого странного места.

— Ну что? — заботливо спросил Муса, наливая мне третий стакан крепкого чая. — Как ты?

— Не знаю, — я вяло покачала головой, — спать очень хочется.

— Это хорошо, — бодро сказала Мария, — нормально, значит, все будет. Сейчас иди домой и ложись. Утро вечера мудренее.

Как добралась до дома, не помню. Очнулась уже утром задолго до звона будильника. В понедельник.

— И как это понимать? — растерянно сказала я будильнику. — Где мое воскресенье? Неужели я проспала почти двое суток? Господи, как есть хочется!

Глава четвертая

Погода стояла чудесная: ночью прошел дождь, и на улице пахло мокрым асфальтом и прелыми листьями. Нанесло их после ночного ветра знатно, дворники еще не успели замести всю красоту. В такие дни грех всю дорогу проспять под землей под насмешки Козлиного, и я решила часть пути проехать на автобусе. Доехала до Петербургской и вышла, чтобы пройти пешком.

Времени до начала работы оставалось полно. Еще только семь утра, а какие-то школьники уже прыгали в музей ретро-трамваев под открытым небом. Двухъярусный и тот, что когда-то работал на конной тяге, всегда самые популярные. Мальчишки развлекались тем, что сбрасывали школьные рюкзаки со второго этажа трамвая, и соревновались, кто закинет дальше.

Я быстрым шагом прошла мимо театра кукол «Экият», похожего на пряничный дворец, комплекса «Туган Авылым» с его деревянными, стилизованными под татарскую деревню домами, зашла в круглосуточную кофейню, заказала простой черный кофе и круассан с сыром.

«Второй завтрак», — подумала я, откусывая большой кусок сладкого горячего теста.

Но в метро спуститься все же пришлось. Тащиться всю дорогу до Черноморской было бы слишком долго и тяжело.

— Ой ду-у-ура! Ты такая ду-у-ура, — заныл Козлиный прямо на перроне, — иди домой. Выпей водки и ложись спать!

«А ты такой умный, я смотрю, — с неприязнью подумала я. — Сидишь тут и воешь. Алкаш!»

Хорошего настроения как не бывало. И даже солнечное утро уже не спасало от поднявшегося раздражения. Еще и дверь в отделение как будто заклинило, но я выместила злость, яростно пнув ее ногой.

— Еремеева! Ты чего так рано? — изумилась Алсу Ибрагимовна.

Я пожала плечами. Не объяснять же человеку, что спала больше суток.

Гена, как обычно, заправлялся растворимым кофе, с интересом рассматривая коричневую жижку в стакане.

— Как дела? — спросила я вместо приветствия.

— Нормально. Вот хочу увидеть будущее.

— И как? Пахнет какими-то грязными носками... — скривилась я.

— По всем признакам выходит, что я допью кофе и пойду работать, — вздохнул Гена. — А тебе велено под Марию переходить. Со мной, конечно, веселее работать, но, как говорится, с начальством не поспоришь!

— Это точно.

Я налила чай и прямо со стаканом в руке прошла в кабинет Специального отдела.

Мария и Муса Ахмедович как будто и не уходили. Мария улыбнулась мне, а Муса, поздоровавшись, сказал:

— Татьяна, униформа в отделе обязательна!

Я машинально кивнула и отхлебнула чай.

— Ну и? — нахмурился Муса. — Переодевайся и начнем.

— В комбинезон?

— И в футболку, — напомнил Муса и повернулся к Марии: — Просила мастера-наладчика? Вот и получай теперь. Сама будешь ее всему обучать.

— С удовольствием, — оживилась Мария.

Синий комбинезон, тяжелый, жесткий, с боковой застежкой на пуговицах, был ужасно неудобный.

— И вообще-то это полукомбинезон. Черт, да он на гигантов шился, что ли? Какой рост и вес я должна иметь, чтобы он стал мне впору? — проворчала я, подворачивая штанины. — А футболка — полиэстерная тряпка. Еще и кривая.

Я подтянула лямки, хмыкнув, с сомнением осмотрела себя в зеркале: худощавая фигура совсем потерялась в сидящей мешком одежде.

«Лазурная футболка вопиет», — подумала я и с огорчением признала, что цвет спецодежды не подошел моей смуглой коже и почти черным глазам. Горевать было некогда и я направилась в кабинет. По пути мне встретился только Гена с пачкой рекламных газет в руках. Он долго смеялся над моей униформой и сказал, что я похожа на похудевшего миньона.

— Другое дело, — одобрил Муса, когда я вошла в кабинет, — теперь пошли.

Он встал со стула, и я вдруг поняла, что форма велика не только мне: халат Мусы явно для него широковат, да и жилет Марии мог бы быть на пару размеров меньше.

Муса подошел к стене, за которой находился колбасный магазин, и толкнул еле заметную дверь без ручки.

— А это законно? — крикнула я ему в спину. Мария фыркнула и двинулась вслед за ним, махнув мне рукой.

Перешагнув порог, я на мгновение погрузилась в тишину и темноту, и тут же яркий свет ударил прямо в глаза. Пахло воском, немного пылью, металлом и кофе.

Я оказалась в светлом помещении с высокими потолками. Под потолком на толстых цепях висели бронзовые люстры, каждая метра полтора в диаметре.

— А где магазин? — спросила я, растерянно озираясь по сторонам.

Еще сильнее меня интересовало, откуда такое огромное помещение взялось в панельной пятиэтажке.

— Магазин там, где ему следует быть, — ответил Муса спокойно, словно ничего странного не произошло. — Не волнуйся, колбаса с прилавка не сбежала.

— Сколько света...

— Светодиоды, — коротко пояснил Муса и похвастался: — Экономично и современно. В прошлом году поставили. Еле протащили в бюджет отдела! Но не будем об этом, наши бюрократические трудности — тема для отдельной беседы.

— А я помню, как ты рассказывал про свечи в люстре, — вспомнила Мария.

— Свечи были до меня, а вот керосинки я застал!

Я в восторге вертела головой, стремясь рассмотреть все сразу. Посреди комнаты стоял стол для совещаний, заваленный чертежами и бумагами. А за ним, прямо в стене, виднелись крепостные ворота. Самые настоящие. Толстые, пропитанные каким-то маслом доски были тщательно подогнаны друг к другу, кованые петли и калитка на одной из створок дополняли необычную картину.

— Это База, — пояснил Муса и указал на ворота: — Там рабочие кабинеты, мастерские и конюшня Специального отдела.

— Точнее стойла или зверинец, но мы как-то привыкли называть их конюшней, —

добавила Мария. Она подошла к столу и принялась деловито заполнять какой-то документ.

Я ничего не поняла.

«Это сон, — уверенно сказал внутренний Геннадий. — Не может же все происходящее быть правдой?»

Я мысленно шикнула на этого зануду и спросила:

— Мы в Казани?

— Нет, — ответил Муса, — это Шанлу.

— Шанлу? — переспросила я, сердце заколотилось, в ушах слегка зазвенело. — Это город?

— Мир. Другой мир, — уточнил Муса. — Не Земля.

— И зачем мы тут?

— Работаем. Мы же почтальоны. Ну, кроме тебя.

— А я кто? — растерялась я.

— Мастер-наладчик.

— Нет. Я экономист, даже не инженер, специалист по таблицам, а не по механизмам!

— Как голова? — неожиданно спросила Мария. — Может, тебе присесть?

Я послушно опустила на стул.

— Голова не болит.

— Отлично! Нейронные связи почти сформировались!

Мария улыбнулась и похлопала меня по спине.

— Вот, — Муса протянул мне кожаный браслет с нанизанной на него одинокой бусиной из серого, как будто пыльного, камня, — надень.

Я с подозрением уставилась на браслет:

— Что это?

— Адаптатор. Поможет тебе ускоренно воспринимать информацию. Можно, конечно, подстегнуть мозг химией, но вряд ли ты согласишься. Да и я против такого воздействия.

Я молча нацепила ремешок на руку. Гром не грянул, все вокруг осталось прежним. Я немного успокоилась.

И тут кое-что бросилось мне в глаза. Как я раньше не заметила? Наша одежда изменилась: на Мусе был кожаный плащ, а на Марии — удлиненный жилет с высоким воротником.

— Драконья кожа, — пояснил Муса, — мягкая, прочная, огнеупорная! Настоящая броня, к тому же легкая и, что уж говорить, красивая. Мария вот не согласилась на плащ, ей жилет подавай.

— Просто плащ мне не идет, — Мария огладила жилет, сидевший на ней как влитой.

Я оказалась одета в полукombineзон из тонкой, но очень крепкой драконьей кожи защитного серо-зеленого цвета. Футболка превратилась в плотную кофту из какого-то блестящего красно-коричневого материала.

— И размер меньше стал, — заметила я.

— Точно, — кивнул Муса, — драконья кожа берет очень много материала при переходе.

На поясе теперь висела сумка-разгрузка из толстой коричневой кожи, внутри что-то перекатывалось и брякало. Я заглянула внутрь — какие-то отвертки и инструменты.

И только на ногах болтались старые разношенные кеды, которые я всегда носила на работе.

— Непорядок, — сказал Муса. — Мария, что по обуви?

— Татьяна! — отчеканила Мария. — Почему обувь не по Уставу?

— Не выдали, — испугалась я, — сказали, что нет...

— Я разберусь, — коротко ответила Мария, — вытрясу этого каптенармуса наизнанку, душу вышибу из него!

— Хорошо-хорошо, — поспешно успокоил ее Муса Ахмедович, — это потом. Сегодня все равно дальше Базы не пройдем.

Я обратила внимание на потертый диван в углу комнаты и кровать, настолько старую, что, казалось, она вот-вот развалится.

— В ночную смену здесь можно поспать, — объяснил Муса, заметив мое удивление.

Потом мы сели пить чай: мне показали малюсенький кухонный уголок, прикрытый синей портьерой с потертой золотистой бахромой.

— Как же мне стать настоящим матером-наладчиком? — отставив стакан, я наконец решила спросить о том, что меня больше всего тревожило. — Что мне надо будет делать? В чем суть моей работы?

— Должностные, — Муса подвинул мне папку, — завтра передам тетрадь Мастера. Но сначала нужно пройти процедуру.

— Что за процедура?

Муса вздохнул и сказал:

— Кое-какой материал придется вложить тебе в голову через мнемограф.

— Это же из области фантастики! — воскликнула я.

— Согласен, такого прибора на Земле нет. Мы используем местные разработки.

— Вы все прошли через этот мнемограф?

— Нет, но все мастера проходят эту процедуру как первую ступень обучения. Дальше будешь учиться по тетради Мастера и запискам Расула — твоего предшественника.

— Мнемограф — специальное устройство артефакторов Шанлу. В нем используют магические накопители информации. Удобно, но очень дорого. Позволить себе такие эксперименты могут единицы, — сказала Мария, продолжая что-то записывать.

— Еще непонятнее, — вздохнула я. — Не хочется экспериментировать над своим мозгом.

— Понимаю, — кивнул Муса, — но спешу успокоить: процесс рабочий.

— И как он выглядит?

Муса подошел в длинному ряду шкафов у стены и, открыв один из них, достал обычный танковый шлемофон. Довольно старый, явно неоднократно использованный. Я такие видела в кино.

— Кристаллы памяти вделаны в валики, срабатывают при надевании шлемофона. Использовать надо с перерывами в два дня.

— На любом человеке работает?

— Работает на любом, но выдержит не каждый.

— А вдруг я не мастер?

— Исключено. Это единственная свободная вакансия в отделе.

Процедура действительно была отработанная. Шлемофон оказался мне великоват, Муса затянул ремешки под подбородком, пошутил, что я похожа на танкиста. Активация накопителей происходила автоматически, при замыкании тех самых ремней. Какое-то время в ушах просто звенело, потом стала нарастать головная боль. Неприятно, но не так, как в

субботу. Больше я ничего не почувствовала. На вопрос, как я пойму, что у меня стало больше знаний, Муса ответил, что это произойдет не сразу. После сна, возможно, даже через несколько дней.

— А можно загрузить через накопители всю информацию? — спросила я, осознавая, насколько это удобно.

— Нет, — ответил Муса, — у нас только три кристалла знаний мастеров.

Ленивый студент внутри меня загрустил. Но ненадолго, потому что головная боль стала усиливаться, а подобный побочный эффект от обучения меня никак не устраивал.

Сказав, что на сегодня довольно, Муса велел мне отправляться домой «переваривать знания». И вот опять короткий миг темноты, и мы уже в кабинете Специального отдела в Казани. Шагнув в кабинет, я чуть не упала, запутавшись в спецодежде.

— Как я понимаю, все прежние мастера были высоченными мужиками, — с ворчанием я принялась подворачивать штанины.

— Так и есть, — засмеялась Мария.

Глава пятая

— Почтовая служ-ж-ж-ж-ж-жба!! Служба! Служ-ж-ж-ж-жба! — голосил Козлиный.

Я вздохнула, сунула в уши наушники и включила музыку. Но вместо нее из телефона понеслось гнусавое подвывание:

— Ой, мр-р-р-у-у-у-у-у я, мр-р-у-у-у-у-у-у-э-э-э-э-э!

«Да что же такое!» — затолкав наушники в карман, я решила сойти с поезда пораньше и прогуляться до работы пешком.

«Голос подземелья! Что там говорили Муса и Мария? Надо поспрашивать, как остальные живут с Козлиным в голове», — подумала я.

От Казанского Кремля до Черноморской идти почти час, и то если энергичным шагом. Самое то, чтобы развеяться.

Шла четвертая неделя стажировки. Я уже два раза прошла процедуру на мнемографе. Неприятно, но зато удобно. Муса Ахмедович надевал на меня танковый шлемофон со словами «Бисмиллях», затягивал ремешки под подбородком, садился рядом и следил, чтобы мне не стало плохо от «переполнения информацией».

Теперь я столько всего знала и кое-что даже умела! Вчера, например, легко заменила розетку на кухне. Я нежно погладила индикаторную отвертку в кармане. С недавнего времени у меня появилась новая привычка таскать с собой всякие инструменты.

Воодушевленная приобретенными возможностями, я оглядела свою квартиру иным взором, словно и не прожила в ней последние шесть лет. Прошлась по комнатам, норвя если не разобрать, так хотя бы вскрыть все приборы и поглядеть, что там внутри. Хорошо, что родители, которые каждый месяц приезжали из Альметьевска с «инспекцией», не видели меня в этом состоянии. Вот удивились бы.

Я ускорила шаг: идти по мосту было не так интересно, как мимо Казанского кремля. Главная визитная карточка города словно плыла на поросшем зеленой травой склоне Кремлевского холма. Оборонительные башни с узкими оконцами, расположенные по периметру территории комплекса, были соединены мощной белой стеной и при этом производили неожиданно изящное впечатление.

Купола Благовещенского собора высились синими и золотым облаками над административными зданиями и музеями Кремля.

Издали были хорошо видны облицованные белым мрамором стройные минареты «Кул-Шариф», главной мечети города с бирюзовыми шпилями и куполом, Спасская башня, увенчанная звонницей и золотой звездой. «Падающая» башня Сююмбике с зеленым шпилем и сверкающим полумесяцем выделялась многоярусной красной колонной. Утром здесь, как всегда, тихо и пустынно: машины проносились у подножия холма, выезжали на мост и с грохотом улетали дальше, в другие районы города. Крепость, возведенная еще при Иване Грозном, соединяющая в себе черты Востока и Запада, снисходительно смотрела на городскую суету.

На мосту было ветрено и шумно, река Казанка, темно-синяя, местами серая, качала толстых уток.

На противоположном берегу Казанки, справа от моста, высилась громада центра семьи «Казан». Он казался мне совсем невысоким, но только издали: на самом деле это было гигантское сооружение в форме чаши, стилизованной под котел, с основанием из белого

камня.

Ветер усилился, с дороги летел песок, заставлял щуриться и прикрывать лицо. Глаза заслезались, и мне показалось, что здание Казана пошло рябью. Я протерла глаза и присмотрелась внимательнее: нет, все как обычно.

В почтовое отделение я вошла, устало волоча ноги. Молча кивнула операторам связи, протащилась в кабинет Специального и упала на стул. Хорошо, что сегодня не запланировано никаких процедур на мнемографе.

Мария уже вовсю работала, что-то энергично набирая на компьютере. Я не стала дожидаться, когда она закончит с документами, и решила сразу спросить ее о подземелье.

— Да, оно общается с каждым из нас. Но все чувствуют его по-разному. С тобой говорит Козлиный, Муса Ахмедович слышит шепот. Спрашивать, о чем ему нашептывает подземелье, бесполезно, он никому не признается, — ответила Мария.

— Я думала у всех одно и то же...

— Нет. Я, к примеру, слышу музыку.

— Музыку? — переспросила я с удивлением.

— Да. Скрипку и саксофон точно. Иногда играют другие инструменты, но я в этом плохо разбираюсь.

— Мелодия приятная?

— По-разному. Всегда что-то новое. В этом есть даже какое-то удобство, согласна?

Я вяло пожала плечами: «Ну хорошо, если ты всеяден в музыке, а если она не нравится? Это же сойти с ума можно. Нет, уж лучше Козлиный!»

— А у остальных что?

— Павел говорит, что ничего не слышит. При этом в метро он всегда в наушниках. Вряд ли они его спасут от голосов или музыки, мне, например, наушники не помогли. И беруши тоже, я пробовала. А Тимур говорит, что подземелье приносит ему отголоски чьих-то бесед. Как будто он слышит разговор. Когда стоишь и вдруг не то сквозняком, не то эхом приносит чьи-то голоса. Утверждает, что иногда может даже уловить отдельные фразы!

— А те, кто уже не работает в Специальном, что с ними было?

— Метро построили только в две тысячи пятом году. До этого никто ничего не слышал, — вздохнула Мария. — Вот жили же люди и не понимали своего счастья!

— А вы не задумывались, кто это может быть?

— Какой-то джинн, слуга шайтана, — в кабинет вошел Муса Ахмедович, свежий и бодрый. — Вы рано сегодня, девочки.

Потом он сообщил, что Павел будет работать в отделе еще год.

— А потом поглядим, — туманно добавил он.

— Почему год? — удивилась я.

— Павел — семинарист. Выполняет у нас послушание. Я все же надеюсь, что в дальнейшем он останется у нас. Привык я к нему.

Положение об отделе, которое я не могла одолеть пару недель назад, внезапно поддалось моей настойчивости. Теперь я знала, что в составе отдела есть постоянная единица для священника, мастера-наладчика, троих почтальонов и питомца. Мария про питомца отвечала уклончиво, дескать, никто не знает, кто это и зачем он нам.

Специальный отдел был самостоятельным структурным подразделением Почты России и подчинялся советнику по безопасности.

— А Специальных отделов много? Или мы одни такие уникальные?

— Не так уж и много, — оторвалась от компьютера Мария. — Сколько там городов, Муса Ахмедович?

— Семь: Москва, Питер, Казань, Самара, Нижний, Новосибирск и Екатеринбург. В каждом по одному отделу.

Я задумалась: основная наша задача — перевозка грузов. Откуда вообще взялся Специальный отдел? Почему мы занимаемся именно перевозками грузов? Почему метро — место возможного прорыва демонических существ? Что это такое, демоническая сущность? Столько вопросов!

— А когда возник отдел?

— Во время войны. Если быть точным, то в одна тысяча девятьсот сорок втором году в Москве. И назывался он тогда не Специальным, а Особым, с литерой ОС-42. На Базе лежит краткая история отдела. Напомни мне, чтобы я тебе ее передал.

Я отложила Положение об отделе и принялась за Тетрадь Мастера — сборник из рукописных, иногда машинописных листов с вставками из чертежей на кальке, которые можно было развернуть. Пухлая книжища была заключена в деревянную обложку и выглядела весьма солидно.

К ней полагался Журнал учета поломок и выполненных работ. В Журнале вели перечень вышедшего из строя оборудования и инвентаря, причин возникших проблем и способов их решения. Там же фиксировались служебные записки начальнику отдела. Специальное оборудование отдела носило странные названия: ускорители подзарядки кристаллов, цифровой мультиметр с измерителем уровня магического напряжения, а еще — артефакт Чоа, камень Дилу, защита Чендул, Змеиная уловка и много других, которые мне вообще ни о чем не говорили.

«Какая-то она тощенькая», — скептически сообщил мне внутренний Геннадий, когда я взяла Тетрадь Мастера в руки в первый раз. Я мысленно согласилась, но, когда принялась читать первые записи, щедро снабженные пометками вроде «См. справочник по электроизмерительным приборам стр. 125» или «См. Справочник инженера стр. 63», поняла, что не все так просто. А уж отсылки к таким книгам, как «Взаимосвязь структуры и магическая природа переменных сил в философских трудах джоэсс Луиджи Луиджи», повергли меня в уныние.

«Что же это за книга такая? Точно не наша, земная», — подумала я.

Теперь я каждый день просматривала записки мастеров. До меня их было четырнадцать человек. Последние пометки были сделаны три года назад Расулом, моим предшественником. Писал он отвратительно, разобрать его почерк было трудно, и я часто подходила к Марии с просьбой помочь.

— Да, почерк у него ужасный, — засмеялась Мария. — Раньше Расул был врачом, неврологом. Пришел в отдел уже после шестидесяти лет. Он считал традицию постепенного погружения сотрудника в нюансы Специального отдела очень правильной, потому что у человека за это время успевали сформироваться необходимые нейронные связи.

— В Журнале он пишет о поломке ворот на Базе. Кто-то сломал ключ в замке со стороны мастерских. Но вот тут, — я открыла Тетрадь Мастера, — есть запись, очень старая, о том, что ворота открываются только с одной стороны. И совсем не с той, откуда торчал ключ. Кто-то пытался взломать ворота?

— Муса Ахмедович, помнишь этот случай? — спросила Мария.

— Да, — коротко ответил Муса, — мутная история, мы так и не поняли, кто это сделал.

Работали с внутреннего аудита. Подозревали кого-то из наших, но ничего не выяснили. А потом Расул слег с инфарктом и больше не встал.

В обед, совершенно обессиленная от количества новой информации, я уныло потащила к холодильнику в почтовое отделение. Страшно хотелось есть. Операторы связи смотрели на меня с сочувствием.

— Еремеева, таки заставили тебя натянуть эту срамоту! — констатировала Алсу Ибрагимовна, щеголявшая в форменной синей юбке Почты России и белоснежной рубашке. — Муса в халате, Машка в кожаных штанах, ты в этой огромной робе! И даже Павел — семинарист, а ходит в хламиде какой-то. И все возите что-то баулами. Суетитесь! По ночам торчите в отделении, а тут, между прочим, подотчетное имущество! Да! Как в анекдоте: ложечки пропадут — кто виноват будет? Упразднить вас — и дело с концом. Не знаю, что с вами так носятся.

Она с ворчанием повернулась к окошку и, взяв очередную квитанцию от посетителя, добавила:

— А Муса ваш — тот еще сладкоголосый Иблис!

Дальше я слушать не стала: поспешила обратно в кабинет. После обеда Муса разрешил пройти на Базу. И снова этот миг темноты, а потом — огромная зала с высокими потолками. Муса Ахмедович раздвинул портьеры, и комната осветилась солнечным светом. Из большого окна с низким подоконником открывался вид на горы.

Я застыла от изумления и под смешки Марии и Мусы минут пять смотрела в окно.

— Это Шанлу?

Мария кивнула:

— Почтовая станция в горах. Идеальное место: истонченное пространство между мирами, небольшая трещина и удобный грот. Главное, смогли укрепить свод пещеры, чтобы не завалило.

Оторвавшись от окна, я заметила стоящие вдоль стен шкафы, которые совершенно упустила из виду в прошлый раз. Металлические, покрытые серой краской, плотно закрытые, высотой под два метра, они занимали все свободное пространство по периметру комнаты.

— Шкафов много, — констатировал Муса, заметив мое замешательство.

— Что в них? Документы?

— И они тоже, а еще — книги, справочники, карты, — Муса принялся поочередно открывать дверцы, демонстрируя мне содержимое шкафов. — Подушки, пледы — это для дежурных. Приборы, рабочая одежда. О, Мария, я нашел наши бинокли! И летный шлем Тимура. Хм, интересно, что он здесь делает? Тимур не выходит в поле без своего счастливого шлема. Странно.

Остановившись напротив самого захламленного шкафа, он сообщил:

— Полки наладчиков.

Мой шкаф, как и ожидалось, был забит ящиками с инструментами и кипами старых блокнотов.

— А это зачем? — я указала на литровую банку, набитую шариковыми ручками.

— Да без понятия, — пожал плечами Муса, — это надо у вас спрашивать.

Я подошла к полкам и, порывшись в груде старого хлама, выудила пару старых очков с треснувшим стеклом.

— Сильна! — восхитилась Мария.

Я с удивлением посмотрела на нее и надела гоглы.

— Ты с ходу нашла диагностические сканеры, — с уважением пояснила Мария.

Это я уже поняла сама. Мир в очках окрасился в оранжевый цвет, все предметы выглядели как трехмерные чертежи, рядом с которыми были указаны их размеры и какие-то не известные мне обозначения.

— Я еще не все понимаю, — с огорчением призналась я. — А жаль! Я читала об этих сканерах в записях мастеров. Тут должен быть переключатель на двухмерный вид. С обозначением допусков, с информацией о материале и отделке поверхностей деталей...

Меня прервал чей-то громкий возглас:

— Салам ипташгар!

Калитка распахнулась, и в комнату вошел высокий и крепкий молодой человек в черном подряснике и кителе с воротничком-стойкой. На его плечи был накинут плащ из драконьей кожи, почти такой же, как у Мусы Ахмедовича. Многодневная щетина, синяя лыжная шапочка и очки-авиаторы придавали незнакомцу вид постапокалиптического священника.

— Паша! — обрадовался Муса и пожал протянутую лапищу. — Почему ты вернулся один? Где Тимур?

— Сказал, что задержится на пару дней в Дэоне.

— Это нарушение Устава, — нахмурился Муса Ахмедович. — У тебя нет защитного оборудования. А если бы что-то случилось?

— Но не случилось же, — пожал плечами Павел. — Ты же знаешь, мне нельзя задерживаться в Шанлу. Вот мы и решили рискнуть. С Божьей помощью.

— Это недопустимо, — строго сказал Муса, и Паша сразу перестал спорить. — Я переговорю с Тимуром.

— Ого, я так понимаю, мы разжились мастером-наладчиком? — пробасил Павел, сменив опасную тему.

— Вы священник? — спросила я, поздоровавшись. — В отделе должен быть священник.

— Семинарист. Направлен ректором в Специальный отдел на выполнение послушания.

С появлением Павла в зале сразу стало меньше места, поднялся шум. Он со смехом, размахивая руками, рассказывал Марии, как чуть не упал на какой-то тропе. Муса все качал головой и хмуро прислушивался к беседе. Потом усадил Павла заполнять бумаги, писать подробный отчет, хотя тот пытался увильнуть и доказывал, что это можно сделать позднее. Но Муса был непреклонен. Спорить с ним Павел не рискнул и в конце концов принялся за работу.

Пока Паша торопливо что-то строчил, а Муса Ахмедович, вооружившись лупой, рассматривал какую-то старую карту, всю в жирных пятнах, я спросила у Марии, зачем в отделе нужен священник.

— Он сопровождает почтальонов в сложных маршрутах. На севере Империи или на островах. Павел, правда, еще только учится, но сейчас довольно безопасно и мы можем обойтись семинаристом.

— А что, раньше было опасно?

— Читай матчасть, Таня, — Муса Ахмедович, который всегда все слышал и видел, протянул мне книгу «Особый отдел. Специальный отдел. Краткий обзор Шанлу». — Только не выноси с Базы.

Я со вздохом приняла еще одну книжищу. Вспомнила, что мне еще читать Устав, на который все ссылаются: его я даже не открывала.

— Не унывай, Таня, все будет хорошо, — утешил меня Павел. — А если будешь

печалиться, я к тебе наряд бабушек из нашего храма направлю, чтобы взбодрили.

— Шутки шутками, но вы все должны помнить, что без священника или лица, получающего священный сан, отделу строго запрещено работать. В пятьдесят седьмом году полгода в отпуске провели, — проворчал Муса Ахмедович. — Расслабленные все, работаете с нарушениями. Раньше в отделе такого не было! Строже было, жестче.

— Так время тогда было военное, — возразила Мария, — а сейчас мы просто почтальоны. Ладно еще не сократили единицу священника, как хотели в прошлом году, помните? Московские начальники все думали, как оптимизировать расходы.

— А потом? Что в пятьдесят седьмом-то было? — спросила я.

— На нас вышли старообрядцы. Видение у них было вроде как. Приняли мы в тот год в ряды специалистов отдела Нестора, выходца из старообрядческой общины с Свердловской области. Но и это еще не самое интересное в истории: говорят, самым первым в сорок третьем году у нас состоял шаман с Улан-Удэ. Очень помог тогда. Были в отделе мулла и католики, правда недолгое время. Сейчас в отделе числится православный священник. И есть звонница.

Я в недоумении посмотрела на Мусу: звонница?

— Читай, Таня, читай, — он кивнул на книгу и отвернулся, — там все найдешь.

— Так я пойду? — спросил Павел. — Все заполнил вроде. По мелочи уже потом напишу. Мне срочно в семинарию надо, доложить о прибытии. Побриться опять же...

Муса махнул рукой и снова склонился над картой. А я приступила к чтению истории отдела.

Глава шестая

Минула четвертая неделя стажировки, меня перевели на постоянную должность и провели третью и последнюю процедуру на мнемографе. Перенесла я ее тяжело: во-первых, она заняла гораздо больше времени, чем первые две, во-вторых, шла с тошнотой и головной болью.

— Это от того, что в последней ступени мы дополнительно вкладываем языковые знания. Не полные конечно, но простейший диалог поддержать уже сможешь. Дальше уже обучаться будешь самостоятельно по нашим учебникам, к тому же начнется практика, — сказал мне Муса.

— А язык сложный?

— Имперский довольно простой. Наши лингвисты изучали его, близкого сходства с языками Земли не нашли. Конечно, он не единственный в этом мире, но зато самый распространенный. Почти все худо или бедно его понимают.

— Вам, мастерам, вообще везет, — заявила Мария. — Мы вот, бедняжки, вынуждены были учить с нуля, а вам почти все вложили в голову в один миг.

— На самом деле не все, — возразил Муса, — только основы.

После третьей процедуры я отходила долго и зареклась получать новые знания таким способом.

Что бы там ни утверждали коллеги, мне имперский напоминал причудливую смесь немецкого, арабского и китайского, как будто я слушаю фильм совместного производства трех стран с наложенными друг на друга аудиодорожками. Сначала я думала, что имперский будет даваться мне очень сложно, но через пару дней изучения с удивлением поняла, что он оказался гораздо легче своих прототипов на Земле, с которыми я его ассоциировала. И это было необычно: я, человек, который в школе с трудом запоминал простейшие английские слова и фразы, вдруг смогла бегло заговорить на языке другого мира!

Последующие дни я была немного не в себе, жила как будто на грани сна и реальности. Муса Ахмедович говорил, что это нормальное состояние на период адаптации к новой должности и большому объему информации.

Так получилось, что сразу после перевода на постоянку я осталась в отделе одна. Все разъехались: Муса Ахмедович — в Москву, в головной офис, Мария — сопровождать груз куда-то «в сторону Тира», Павел был в семинарии, а таинственный Тимур так и не вышел с Шанлу. Мне было поручено отвечать на звонки, все записывать и отчитываться Мусе Ахмедовичу в телеграме. Еще надо было дежурить на выходных и продолжать обучение.

Я начинала день с чтения Тетради Мастера. Для того чтобы понять все термины, мне приходилось рыться в интернете и старых учебниках по электронике и материаловедению. Я подняла давнишние связи с одноклассниками, которые закончили технические ВУЗы, свела с ума брата-инженера и свою подругу Светку Мохову. Она вернулась от родителей и пыталась вытащить меня на прогулку.

— Ты совсем сдурела, Еремеева, — орала она мне в трубку. — Посвятить лучшие годы жизни работе. И где?! На Почте! Тьфу! Курица ты недоделанная!

Но я в своем странном полусонном состоянии была равнодушна к стенаниям подруги и продолжала грызть гранит науки.

После изучения записей я шла на Базу. Рылась в шкафах, рассматривала бумаги на столе

и ту самую карту, всю в пятнах, которую так увлеченно изучал Муса. По его словам, это была копия карты северной территории Империи Во периода войны. Ума не приложу, зачем она понадобилась Мусе Ахмедовичу — старая, составленная с ошибками, с какими-то странными обозначениями. Единственное, что могло его заставить с таким интересом смотреть в этот засаленный пергамент, — возраст документа, но что нам эти сто лет? Не такая уж и древность.

Изучая историю отдела, я открыла для себя несколько интересных вещей. Прежде всего то, что Россия уже давно работает и торгует с миром Шанлу. Если уж быть точной, то с одной из крупнейших стран этого мира — Империей Во.

Я смутно могла себе представить неизвестный мир. Империя Во, Шанлу — было в этом что-то азиатское, но Муса советовал не проводить параллели с Землей.

В учебнике говорилось, что в своем техническом развитии Империя значительно отстает от нашей страны. Хотя что-то компенсируется магией.

— Хочу отметить, — заявил как-то Муса, когда я спросила, есть ли в Шанлу маги, — что магия здесь существует в виде артефактов и магических камней. Во всяком случае это то, что нам известно. Мы не можем говорить за все страны, например, за Содружество Свободных Островов. Их развитие значительно опережает не только Империю, но и всех остальных. Острова находятся довольно далеко, на востоке, и не имеют общих границ с Империей, так что мы редко с ними работаем.

Почтовые станции были только на территории Империи. Изначально мы взаимодействовали в военной сфере и вместе защищались от демонических существ. Насчет демонов информации было вообще мало. Демоны были выходцами из третьего мира, или даже из четвертого. Я так и не смогла этого понять, а объяснить пока что было некому.

Вообще загадочные «сущности» — корявый оборот из учебника по истории отдела. Местные жители называли слуг демонов коротким и емким словом «хофу». И эти самые хофу внешне ничем не отличались от людей. Когда-то они и вправду были людьми, но из другого мира, не из Шанлу. Как было написано в учебнике, «хофу — пустые сосуды зла».

— Наши коллеги, которые работали в Специальном отделе во время отечественной войны, считали, что хофу не имели души, — пояснила перед отъездом Мария. — Ни разу нам не удалось поговорить с ними или допросить, подкупить или убить их удавалось с трудом. Жестокие, хитрые, они преданы своим хозяевам. Тогда нас спасло только то, что на Земле их было не очень много.

Это было самое спокойное и размеренное время работы за весь период службы в Специальном.

В обед я, не выходя с Базы, ела фастфуд или бутерброды и заваривала кофе. Кофеварку я нашла по запаху. На потертой столешнице микроскопической кухоньки возвышался странный агрегат. Поначалу я решила, что это макет вертолета, из-за огромного колеса на сферическом корпусе аппарата, который крепился на мощный деревянный постамент. Наличие на кухне макета вертолета меня как мастера-наладчика не удивляло. Стоит и стоит. Красивый, только какой-то заляпанный. Я протерла чугунный винт и корпус странной штуковины и увидела надпись «Pfaff».

«Мне прямо интересно, — любопытствовал мой внутренний Геннадий, — что это за хрень? Выглядит как гроб с винтом, подписан как швейная машинка, а воняет как старый козел!»

— Интересно, сколько козлов ты перенюхал в своей жизни? Вообще-то это запах кофе,

Генка, — сообщила я вслух. — Несет им из старой швейной машинки. Ничего тут необычного нет, просто кому-то не лень было ее переделать. А вот то, что я разговариваю сама с собой, действительно странно!

Агрегат в самом деле оказался старинной швейной машиной, переделанной в капсульную кофеварку. Там же, в шкафу, валялись капсулы для кофе, в основном со странными экзотическими вкусами фруктов и сладостей, были даже с ароматом гороха и огурца. Хмыкнув, я выгребла обычные капсулы для американо без каких-либо хитрых ароматов. Остальные положила на прежнее место.

Чашки и посуда были тут же: целая череда граненых стаканов в подстаканниках, изящные кофейные и чайные пары, офисные полуведерные кружаны с яркими картинками и надписями. В общем, на любой вкус и цвет.

После обеда я занималась тем же, чем и утром, — училась. Муса Ахмедович обещал после командировки провести меня за ворота. Выйти наружу хотелось очень сильно, поэтому я старательно изучала записи и учебный материал, отвлекаясь только на еду и звонки близким. Даже домой уходила не каждый день. А зачем, если здесь есть все для того, чтобы переночевать? Дома меня никто не ждет, даже кота нет. Родители и брат далеко, потерять меня могли только друзья. Да и работники почты уже привыкли к тому, что ненормальные из Специального отдела тусуют в кабинете круглые сутки.

Соорудив очередной многоэтажный бутерброд и налив большую кружку чая, я продолжила читать историю отдела.

Итак, в тридцатых годах прошлого века в нашем мире случился прорыв демонических сущностей в Западной Европе — Австрии и Германии. Не думаю, что это произошло в первый раз. Вторая мировая война оказалась попыткой демонов поглотить наш мир. Хофу и их последователи удивительно быстро распространились на территории Европы и в странах американского континента. Заняли высокие должности и подкупили элиты. Проникновение хофу в Советский союз проходило сложно, и тут не последнюю роль сыграли не только наши люди, но и жители Империи.

Вместе с хофу пришли люди мира Шанлу, которые искали союзников в борьбе с демоническими слугами. Война с хофу в их мире велась давно.

— Поверили им, конечно, не сразу, — объяснял мне Муса Ахмедович. — Тем более в Советском союзе. Мракобесие! Кого-то из прошедших расстреляли или посадили в сумасшедший дом, но в итоге в сорок втором году создали Особый отдел ОС-42 в составе военной контрразведки, основными задачами которого были поиск и изгнание демонических сущностей и запечатывание места прорыва.

Насколько я поняла, отдел этим и занимался вплоть до пятидесят восьмого года, когда он был реформатирован в Специальный отдел и переведен в подчинение Министерства связи СССР. На мой вопрос, почему был совершён этот перевод, Муса пожимал плечами и четкого ответа не давал.

— Валентина Игнатьевна намекала на подковерные игры в партийных элитах, — говорила Мария. — Одним словом, Таня, перевели да забыли. Однако КГБ курировал отделы до девяносто первого года. А потом все разрушилось и Специальные отделы чуть не упразднили. Но...

— Но деньги решили все, — закончила я. — Торговля с Империей очень выгодна для страны.

С пятидесят восьмого года Специальным отделам были даны полномочия особой

Почтовой службы на территории Империи, поскольку Советский Союз оказался единственной страной, способной противостоять вторжению демонических слуг. Оплата работы отделов шла в бюджет страны и составляла немалую сумму. К тому же часть ее Империя производила редкими металлами.

— Взамен мы работаем как Почтовая служба под личным покровительством Тэна. Тэн — это титул Императора, — говорил Муса. — Таня, да в учебнике вроде все это написано. Разве нет?

— Там сказано, что мы должны держаться вне политики, — не унималась я.

— Да, — устало кивнул Муса, — вне политики. Нам гарантирована безопасность на территории Империи. Таня! Читай пока учебник, вопросы задашь потом, когда я вернусь из Москвы.

Больше я Мусу Ахмедовича не тревожила: он вез в столицу что-то важное. Какие-то бумаги или отчеты.

— Что же это получается, — говорила я сама себе, поедая огромный бутерброд, — мы просто почтовая служба в супер-пупер-магическом мире? Скажешь кому — не поверят.

Я решила, что надо сделать перерыв и прогуляться. Это было правильное решение: прогулка помогла мне перезагрузиться. Вернувшись, я собралась было с новыми силами изучать документы, но отвлеклась на маркерную доску.

Доска была любимым детищем Марии, вот уж кто любил там написать план работы или перечень каких-то важных дел. Там же отмечались дежурства. Я заметила, что имя Тимура было обведено красным. Он должен был вернуться несколько дней назад.

«А если он выйдет из ворот, когда здесь никого не будет, кроме меня? И как мне ему представиться? Здравсьте, я Таня, ваш новый мастер?» — беспокоилась я.

Я вдруг поняла, что не знаю, как выглядит Тимур. Может, нужно будет ему назвать какой-то пароль или кодовое слово?

«Надо спросить в телеге у Павла. Неловко отвлекать Мусу Ахмедовича такой ерундой», — решила я.

Павел посмеялся над моими страхами и ответил, что нет никаких паролей, и велел не беспокоиться: Тимур меня не свяжет, в полицию не сдаст, и вообще, он очень добрый и милый.

«Не волнуйся, скоро мы все соберемся и загрузим тебя работой так, что мама не горюй. Радуйся отдыху!» — добавил он.

— Ничего себе отдых! — возмутилась я. — Да я тут учусь как проклятая. Куда уж больше?! Еще и имперский язык учить приходится. Нудятина!

Я подошла к воротам и внимательно оглядела дверь в одной из створок. Подергала ручку, толкнула: она была плотно и надежно заперта.

«Железная береза, — всплыло в памяти что-то из того массива новых знаний, полученных с помощью мнемोगрафа, — выдержанная много часов в специальном растворе при высокой температуре».

Такие озарения случались у меня все чаще, и я уже не удивлялась.

Еще одним развлечением на Базе было разглядывание горного пейзажа Шанлу.

Сидеть на широком подоконнике и любоваться неизведанным миром за окном было здорово. Время суток на Земле и Шанлу совпадало не всегда: когда в Казани солнце еще стояло в зените, там уже была ночь. Тогда я задергивала шторы, пугаясь темноты и большой луны за окном. Спутник Шанлу был не круглый, а овальный, по форме почти как эллипс, и

какого-то оранжевого оттенка.

Днем за окном в ясную погоду можно было увидеть горы. Как человек, не избалованный такими видами, я с удовольствием смотрела вдаль, ни разу не утомилась и не заскучала. Узкая долина, густо поросшая ельником и лиственницами, тянулась насколько хватало глаз. Лиственницы уже пожелтели и кое-где даже были засыпаны снегом. Другие деревья, из которых я могла опознать только ели, тоже стояли припорошенные белым, как и склоны гор. Ни животных, ни людей видно не было.

Глава седьмая

Всему когда-то приходит конец. И моя спокойная жизнь тоже оборвалась в один день.

В пятницу я допоздна задержалась на службе: возилась с магическими диэлектриками и со средствами подавления работы следящих и защитных артефактов. По словам Мусы Ахмедовича, половина приборов вышла из строя.

Я отомкнула кабеля на одном из устройств, сняла изолирующий колпак и задумчиво изучила начинку. Что за вандализм?! Печатная плата была кем-то безнадежно испорчена. Часть кристаллов выдернули прямо с мясом, часть выпвела, что означало либо полную разрядку, либо то, что они перегорели.

Нужны детали и кристаллы на замену, кое-что требуется перепаять и, возможно, все это заработает. Но это не точно! Моя уверенность в собственных силах была очень слабая. Одно я могу признать точно: тут поработал кто-то чужой. Вскрыл, разрушил все приборы внутри и ушел. Никто из сотрудников не стал бы выводить из строя оборудование отдела.

Я посмотрела на часы: было очень поздно, и идея заночевать в штабе показалась отличной. Для сна сотрудникам предлагался старый диван и древняя скрипучая кровать. Кровать, кстати, была советским раритетом — с панцирной сеткой, провисающей до пола. Мой выбор пал на диван. В комнате было прохладно и тихо, и я преспокойно заснула, завернувшись, как гусеница, в теплый клетчатый плед.

В пять утра я проснулась от скрежета в замке. Спросонья не сразу поняла, что за дверь открывают, и бросилась к выходу с Базы в город, но потом сообразила: кто-то заходит со стороны Шанлу.

Я замерла в углу комнаты.

«Ой, что будет», — пискнул внутренний Геннадий. Во рту пересохло, а сердце заколотилось так, словно хотело вырваться из груди и сбежать.

Дверь-калитка в одной из створок ворот распахнулась, и в комнату уверенно шагнул высокий мужчина в мокрой одежде. Встал, огляделся и замер, заметив меня. Некоторое время мы молча разглядывали друг друга. Наконец он, не сводя с меня глаз, кивнул и сказал:

— Привет! Ты кто?

— Новый мастер, Еремеева Татьяна, — ответила я дрожащим голосом. — А вы... А ты кто?

— Точно, мастер, — протянул он, рассматривая мой полукомбинезон. — А я Тимур.

Он снял длинный кожаный плащ, с которого на пол тут же натекла лужа, и махнул мне рукой:

— Вруби-ка радиатор, а то я замерз как собака.

Пока я бестолково и суетливо открывала шкафы и искала печку, он, не дождавшись меня, прошел к нужной полке и вытащил радиатор сам. Я немного успокоилась: человек явно знает, где что лежит, но все равно что-то меня во всей этой ситуации смущало.

Возможно, то, как он ходил: слегка покачиваясь и словно приволакивая ногу. Потянул ее? Или это опшибка? Может, он всегда так ходит?

А может, то, что он не пытался объяснить, почему задержался. Хотя почему он должен что-то мне объяснять? Миллион вопросов роились у меня в голове.

Я хотела включить верхний свет, но он остановил меня:

— Не включай, не надо.

Тимур передернул плечами и протянул руки к радиатору, с наслаждением грея красные замерзшие ладони.

— Ночью-то подморозило. Вроде еще не зима, а ветер продирает до костей. Кра-а-а-сота — а-а.

Он прибавил тепла, а я продолжала рассматривать его. Слабый свет настольной лампы освещал его не полностью, а частями. Тимур казался ровесником Мусы, может, немного младше. Уже седеющие, коротко стриженные волосы, чисто выбритый подбородок, полосатые полотняные штаны, заправленные в высокие черные ботинки со шнуровкой, кожаная жилетка с кармашком, из которого свисала цепочка часов, белая рубашка и форменный галстук почтовой службы. Серые глаза смотрели спокойно и уверенно. На руке — браслет с набором камней и кристаллов, часть из них мне уже знакома. На груди висел какой-то крупный черный камень, мне не известный. К бедру крепились ножны, из них высывалась черная рукоятка ножа.

«Что?! Почтовые не носят холодного оружия. Хотя... Вдруг Тимур разрешено? Ах, как жаль, что не у кого спросить», — подумала я с досадой.

Кроме того, на кожаном ремне брюк мне удалось разглядеть стандартный дорожный набор почтальона: очки-гоглы с желтыми стеклами, кожаный подсумок для запасных кристаллов и что-то еще, но в темноте я не могла понять, что именно.

— А ты чего ночью в отделе? На дежурстве оставили, что ли? — спросил Тимур. — Может, чай поставишь?

Я налила воды в чайник, стараясь не поворачиваться к нему спиной. Поставила чайник на огонь и отошла обратно к дивану. Вода на Базе закипала медленно, и, пока чайник нагревался, в комнате повисло неловкое молчание. Тимур продолжал разглядывать меня, а я все старалась рассмотреть камень у него на груди. Спросить, что это за артефакт, было почему-то неловко. Наконец вода закипела и Тимур неспешно залил кипятком чайный пакетик.

— Засиделась допоздна, вот и осталась, — ответила я, немного расслабившись, но все еще раздумывая, не позвонить ли Мусе или Марии.

— А где лимон-то? — Тимур порылся в кухонном шкафу.

— Вон, за чашками. А, кстати, мы нашли твой счастливый шлем. Ты забыл его в шкафу. Муса удивился, что ты не прихватил его с собой.

Тимур замер спиной ко мне, положил лимон в чашку, сыпанул две ложки сахара и, помешивая его ложкой, обернулся:

— Так вот где он остался! А я думал, что совсем его потерял.

Глаза его блеснули. У меня даже руки заныли, так захотелось врубить яркий свет и рассмотреть Тимура внимательнее.

— Хорошо-то как дома, — Тимур зажмурился от удовольствия и с шумом отхлебнул из кружки. — Замерз я в этой поездке. Кто заказывает снарков осенью, того надо в черный список включать. Мерзкие твари два раза прогрызли клетку, и пришлось их ловить. Потерял уйму времени! Видала снарков?

— Нет. Это животные?

— Ага, местные грызуны. Популярны как домашние питомцы у аристократии. А так — отвратные создания, злобные, как драконы, и злопамятные.

— Никогда их не встречала.

— Ладно, — Тимур залпом допил чай, выплюнул косточку от лимона и сказал: — Раз

никого нет, я, пожалуй, пойду. Отчет сдам потом, пока возьму выходной. А день сегодня какой?

— Пятница. Хотя нет, уже суббота!

— Еще лучше. Тогда отчет в понедельник привезу. Отдыхать так отдыхать.

— А почему ты так задержался? — я все-таки задала терзающий меня вопрос.

— Разве я сильно задержался? — удивился Тимур. — Вроде вовремя приехал.

— Павел на прошлой неделе прибыл. Тебя ждали через пару дней.

— А где все?

— В командировке.

Он кивнул, потом попрощался и, так и не ответив на мой вопрос, направился к выходу в город.

— А плащ? — крикнула я ему в спину.

— Пусть сохнет.

Как только он ушел, я выскочила из Базы, в которой связь не работала, в кабинет, чтобы позвонить своим. Муса и Мария были все зоны доступа, и я набрала Павла.

— Ну? — сонно пробурчал в трубку Павел. — Время шесть утра. Что-то случилось?

— Тимур вернулся. Но какой-то странный: он считает, что не опоздал, а о тебе вообще не вспомнил. Это нормально, Паш?

— Тимур? — проснулся Павел. — Таня, ты почему на работе? Хотя ладно. Значит, Тимур вышел? Что-то еще было? Описать сможешь его? Я пока соберусь. Буду через двадцать минут.

Я рассказала ему все, что смогла вспомнить.

— Полосатые штаны, синий галстук — вроде он, — протянул Павел. — Говоришь, плащ оставил? Посмотри, что у него в карманах.

— Неудобно, Паш, чужая же вещь.

— Проверь карманы, это приказ. Только будь осторожна. Я пока напишу Мусе Ахмедовичу.

Павел перезвонил мне через пару минут.

— Ну?

— Карманы пусты, — доложила я. — Плащ из кожи, но не из драконьей.

— Саламандра, — тяжело выдохнул в трубку Паша. — Тимур у нас с претензией на шик. Жди, я уже бегу.

Павел вбежал в кабинет совершенно бесшумно. Двигался он быстро и настороженно, зажав в руке табуретку, которую прихватил с почтового отделения. Голубые глаза обвели кабинет. Увидев, что кроме меня там больше никого не было, он немного успокоился.

— Ого, как ты быстро? — восхитилась я, пока Павел ощупывал плащ Тимура, предварительно широко перекрестив меня и включив запись колокольного звона на телефоне. — А музыка зачем?

— Музыка на всякий случай, — он снова повертел в руках плащ. — Подтверждаю, что вещь принадлежит Тимуру.

— Уверен?

— Абсолютно. Его инвентарный номер, — и он показал мне выбитые на подкладке цифры. — Тимур всегда так носился с этим плащом... Удивительно, что он оставил его на работе. Я пытался связаться с ним, но не смог. Что-нибудь еще запомнила?

— Он как-то странно прихрамывал.

— Да, он хромает, — кивнул Паша. — Как-то раз неудачно упал с Барсика.

— С Барсика?

Павел махнул рукой, мол, потом объясню, и задумался.

— А, — вспомнила я, — у него был с собой нож. И камень на груди какой-то.

— Нож? Не помню, чтобы ему разрешали носить оружие. Может, купил в Дэоне? Зачем ему вдруг понадобился нож?

— Камень тоже был странный, — протянула я.

— В каком смысле?

— Я не смогла его опознать.

— Что в этом странного? Ты только недавно стала мастером.

Я смутилась. Действительно, что это вдруг я решила, что уже все знаю?

— Павел, а у тебя есть фотография Тимура?

Паша нахмурился.

— Как-то не сподобился сделать снимок, — растерянно сказал он. — Подожди, у Мусы Ахмедовича где-то есть карты с нашими изображениями. Надо найти их. Но это за воротами.

Решили ждать до утра и продолжить дозваниваться Мусе Ахмедовичу и Марии. В ожидании руководства Павел развил бурную деятельность. Он выудил из кухонного шкафчика печенье, баранки, кукурузные палочки и пару упаковок шоколадных конфет. Апофеозом стало добывание из недр микрокухоньки упаковки чак-чака. Из рюкзака Паша вытащил пакет с еще горячими треугольными эчпочмаками и сладкой губадией. Комната наполнилась запахами мясных пирожков, изюма, кураги и меда.

— Где все это было спрятано? — изумленно спросила я. — Я же тут вроде все обшарила.

— Молодая ты, Танька, — весело сказал Паша. — Не умеешь еще из пустых шкафов еду добывать! Ставь чайник, сейчас Муса с Машей пожалуют, наверняка усталые и голодные. Будем их кормить.

Совещание отдела проводили после десяти утра. Муса подъехал прямо с аэропорта, усталый и осунувшийся, с темными кругами под глазами. Мария пришла чуть раньше.

— О, — удивился Павел, — ты разве не с грузом ездил? Почему из Казани идешь?

— В Нижнем вышла, потом на поезд села, — коротко ответила Мария и, увидев накрытый стол, оживилась. — Это вы хорошо придумали: я голодная, как будто три дня не ела.

— А что, нам можно выйти через другую почтовую станцию? — спросила я.

— Это не приветствуется, конечно, — ответила Мария, — но иногда можно.

— Только помни: вышла не на своей станции — расходы на билеты до дома тебе не компенсируют. Все за свой счет, — добавил Павел. — Поэтому строй маршруты правильно!

— Таня с Цеха редко будет выходить. Она же мастер, а не почтальон, — отмахнулась Мария. — Не забивай ей голову, там и так новой информации вагон.

Муса принял новости спокойно. Даже обрадовался, что Тимур вышел. Но потом нахмурился и стал выпрашивать у меня подробности, да так умело, что я смогла воскресить в памяти даже то, чего, как мне кажется, и не должна была запомнить. Он вяло жевал остывшие пирожки, потом безрезультатно пытался дозвониться до Тимура.

— Значит, сказал, что возил снарков? — переспросила Мария, откусив круглой многослойной губадии и налив себе вторую чашку крепкого чая с молоком. — Не помню снарков в номенклатурном списке товаров. А ты, Муса Ахмедович?

— Это запрещенка, — ответил Муса. — Вы все знаете, что Почта не занимается перевозкой животных. Павел, куда вы ездили? Повтори еще раз.

— На север Империи. В документы не смотрел, но груз был точно не живой. Бумаги везли, пару папок с документами и еще коробку какую-то. Вроде еще были кристаллы.

— Таню проверил после встречи с Тимуром?

— Как полагается, — кивнул Паша. — Все в порядке, морока нет.

— Когда это было? — заинтересовалась я.

— Чтобы отогнать наваждение, сотрудникам отдела предписано использовать колокольный звон как универсальное средство для снятия иллюзии и обездвиживания демонических существ, — заученно отчеканил Муса. — Пятьдесят четвертый пункт Устава. Ты же читала его?

Я кивнула, но отвечать не стала. Читать-то я читала, но вот дословно, по пунктам, вспомнить то, что было написано в Уставе, не могла.

— У местных есть старая легенда, — начал было Павел, — про Сердце мира и его голос, который они сравнивают со звоном колоколов. С учетом того, что они веруют в Призрачного дракона...

— Об этом позднее, — прервал его Муса Ахмедович. — Сейчас важно понять, кто пришел в отдел под видом Тимура. И жив ли Тимур вообще.

— Думаешь, это была Тень? — Мария отложила еду и уставилась на Мусу. — Да ладно!

— А что это, по-твоему, могло быть? Тимур не склонен к шуткам и легкомысленному поведению. Он проверенный и серьезный сотрудник, работает здесь не первый год. В любом случае я считаю, что это может быть диверсия. Будет проведено расследование.

— Опять аудиторы и проверки? — вздохнула Мария. — Если только все это не окажется ошибкой. И Тимур скоро выйдет на связь из Казани живой и невредимый.

— Я бы многое отдал за это, — кивнул Муса. — Что до оружия, Тимур разрешение на его ношение не выдавалось. Нож — это тоже странность. Как и камень. Таня права: камень гораздо крупнее тех, что входят в стандартный набор почтальонов. Я не припомню в каталоге оборудования подобных кристаллов. Если только это не какое-то украшение с Земли, но Тимур не склонен носить такие побрякушки.

— Ну почему, — возразила Мария, — а помнишь эту смешную историю с кулонами?

Муса смутился, сердито посопел. Я наострила уши: что за история?

— Это когда мы с Тимуром лет двадцать пять назад поспорили с кем-то, что сможем запрячь Барсика в телегу?

Павел издал смешок: похоже он понял о чем речь. Одна я продолжала недоумевающе смотреть на всех.

— Таня, чтобы понять надо увидеть Барсика. И всех остальных наших зверушек, — сказал Муса, — а насчет этой истории: закончилось все печально. Телегу сломали, Барсик сбежал и два дня где-то пропадал. Нашли его в лесах, принадлежащих какому-то аристократу. Порезвился он там знатно. В наказание Роберт Маркович, тогдашний наш начальник, заставил нас месяц носить на груди медальон с надписью «ДД».

— «ДД»?

— «Дегенераты и дэбилы», так нас назвал тогда Роберт Маркович. Вот тогда Тимур и носил единственный раз в жизни побрякушку. А больше не было ничего подобного.

Павел хрюкнул.

— Ну ладно, это еще не все. Медальон он заказал артефакторам, а те, конечно,

поиздевались над молодыми Почтовыми. Медальон здесь, в Казани, превращался в женскую подвеску в форме розового котенка. А мы тогда считали себя панками, носили черные кожаные куртки и футболки с черепами. Ну а тут котенок... И снять его нельзя...

Муса поднялся со стула, еще раз безрезультатно набрал Тимура и внимательно осмотрел подчиненных, словно проверяя, все ли у нас на месте. Под его строгим взглядом все присмирели: Павел пригладил светлые короткие волосы и втянул живот, а Мария нахмурилась.

— Пора проверить карты, — сказал Муса. — Татьяна, ты с нами.

У меня перехватило дыхание: наконец-то! Я пригладила короткие черные вихры, подтянула лямки полукомбинезона, вытерла внезапно вспотевшие ладони и шагнула за ворота вслед за всеми.

Пройдя через ворота, мы очутились в широком темном коридоре.

Муса щелкнул выключателем, и вспыхнул свет. С полукруглого потолка на толстых тросах свисали светильники с широкими металлическими абажурами. Лампы были тусклые и неприятно моргали. Муса щелкнул выключателем еще пару раз, и они наконец засияли ровным ярким светом, освещая вырубленные в светлом камне стены и свод, простой деревянный пол. Доски прилегали друг к другу не плотно, из щелей поддувало.

Вдоль стены, слева, шли широкие арочные окна высотой метра в три. Широкие низкие подоконники, наверное, когда-то могли использоваться как столы или полки. Сейчас они пустовали. Кое-где на них можно было увидеть порезы или подпалины. Определенно, раньше здесь было гораздо больше жизни. Сверху, с деревянных балок, проложенных на потолке, свисали какие-то провода, словно это была часть здания завода или заброшенного депо.

На прошлой неделе мне в руки попали чертежи помещений отдела за воротами, и я знала, что коридор тянется метров на пятьдесят вперед и выводит к лестнице, дальше идут вспомогательные помещения и мифическая конюшня.

— И это все для пятерых сотрудников Специального отдела? — удивилась я.

— В сороковых годах тут было много работников из местных, да и наших тоже немало. Сейчас часть помещений заколотили. Справа склады: там инвентарь, седла, ну и всякая мелочь. Когда-то здесь еще был довольно большой оружейный склад. Раньше, вплоть до развала Союза, тут размещался взвод с Земли из пятнадцати человек. Теперь остались только мы.

— Зря, кстати, — заметила Мария. — Плохо, что у нас нет своей охраны.

— Сейчас в этом нет необходимости. Тэнгуны императора есть в каждом городе. Их вполне достаточно.

— Тэнгуны есть тэнгуны. Сегодня дали, завтра забрали, — ворчала себе под нос Мария, шагая по скрипучим доскам.

Все пространство за воротами называли коротко — Цех.

Производственная часть Цеха была очень большой. Кроме помещений, где хранился рабочий инвентарь почталыонов, там находились еще огромный терминал для грузов, мастерская наладчиков и конюшня.

— Осмотришься постепенно, а сейчас все ко мне, — приказал Муса Ахмедович и, поднявшись по некрашеной металлической лестнице, толкнул высокую деревянную дверь.

С щелчком включился свет. Муса прошел по старинному персидскому ковру, изрядно потертому, но все еще яркому, к письменному столу со множеством ящиков.

Пока Муса копался в них и, чертыхаясь, искал карты, я огляделась. Вдоль стен тянулись заставленные папками книжные полки. Вытащив колоду с картами, Муса подошел к старинному напольному глобусу в углу кабинета и повернулся ко мне.

— Смотри и запоминай, — улыбнулся он и нажал на точку, где на карте должна была находиться Казань.

Часть стены дрогнула, и я заметила скрытую дверь. Павел мощным пинком отодвинул кухонные табуретки, стоявшие вокруг стола для совещаний, и мы все вместе поспешили за Мусой Ахмедовичем.

Потайная комната была обставлена гораздо проще. На стене висели карты России и Империи Во. От огромного седла, лежавшего посреди комнаты, несло кожей и овечьей шерстью, то тут, то там валялись ржавые стремяна.

Все уселись кто куда, я пристроилась на свернутом одеяле у стены, недоумеваю, почему нельзя было поговорить в большом и удобном кабинете Мусы за столом для совещаний. А здесь душно, тесно, да и грязно. На полу под ногами скрипел песок, валялись ошметки глины, где-то лежала сухая трава.

Муса открыл окно — холодный воздух пробил духоту, и сразу стало легче. Даже спать расхотелось.

— Грязновато тут, но вы уж простите, друзья! Уборщиков нам не положено, — он рассмеялся. — Я и есть клининговая компания и начальник в одном лице для этого места. Подмести бы, конечно, но это может и подождать.

Муса с кряхтением уселся на старую тумбочку, служившую табуретом, и бросил на стол колоду в простой черной коробке.

— Карты были переданы в дар нашей стране от местных мастеров. Внешне напоминают Таро. Всего их в колоде пятьдесят штук. Но с изображениями только пять, по числу сотрудников. Остальные пусты.

Он начал доставать карты из колоды и раскладывать их перед нами по одной, продолжая объяснять:

— Каждая несет на себе портрет и должность сотрудника отдела. В общем, мы тут все изображены, кроме священников. Священники, — он показал на первую карту, — это всегда схематичное изображение.

Я придвинулась ближе, и Муса кивнул мне, разрешая взять карты в руки для детального изучения.

Это были прямоугольники из бумаги, плотной, как картон, с одной стороны покрытые каким-то бархатным зеленым материалом, поверх которого, образуя ромб, крепились плоские янтарные магические кристаллы. Прямоугольники не гнулись, а грани были довольно острыми. Я подумала, что ими можно легко порезаться. С другой стороны тонкой черной тушью был изображен человека в сутане. Он сидел на красном камне, сложив руки в молитвенном жесте. Черты лица были смазаны, как будто их подтерли ластиком.

— Если сотрудник выбывает, изображение исчезает. Если появляется новый, его лицо появляется на карте почти сразу. Это в идеале. На практике — позднее на пару недель, прежде чем мне поступает звонок из отдела кадров. Как это было с тобой, — вздохнул Муса. — Мне положено просматривать карты раз в несколько дней, но я уже давно этого не делал, что, конечно, недопустимо.

Он по очереди вытаскивал карты сотрудников и передавал мне. Каждая и в самом деле была уникальна! Муса Ахмедович был нарисован сидящим на высоком троне, в черном картузе, с красной звездой на тулье. Лицо было тщательно выписано, а по периметру карты витиеватым шрифтом подписана должность.

Я осторожно потеряла бархат и ногтем провела по рисунку.

— Можно не бояться, — сказал Муса, наблюдая за мной. — Они не горят, не размокают и не царапаются. Прекрасная работа островных мастеров. Как-то мы пытались их разрубить или разрезать, но не смогли.

Марию изобразили сидящей в кресле, к которому был прислонен щит с красной звездой, точно такой же, как у Мусы на картузе.

— А почему карт пятьдесят? — спросила я, рассматривая карту мастера.

Без сомнения, это была я. Короткие волосы были уложены странным нимбом вокруг смуглого лица. В одной руке я держала жезл с уже знакомой звездой, в другой сжимала здоровенный гаечный ключ, очевидно, символ технической специальности.

— По числу сотрудников особого отдела. В пятидесятых годах здесь числилось человек сорок. Может, местные думали, что потом нас будет еще больше, — пояснил Муса Ахмедович.

— А вот Тимур.

Все выжидающе посмотрели на меня. Наступила напряженная тишина, пока я рассматривала изображение Тимура. Внешне это был тот же самый человек, который пришел с Шанлу ночью: та же посадка головы и стрижка. Но взгляд! Нет, взгляд был иной. И выражение лица тоже было совсем другое. Я неуверенно пожала плечами, мол, не могу быть уверенной.

— Значит, сомневаешься? — спросила Мария.

Я кивнула, продолжая рассматривать поразительные артефакты.

— А кто такие Тени? — я наконец смогла оторваться от карт.

— Тень — это что-то вроде слепка человека. Она выглядит как человек, ходит и даже дышит. Чай вот может попить, но при этом все же не человек. Как они появляются, никто не знает.

— И все же Тимур жив, — задумчиво сказал Муса Ахмедович. — Иначе он уже исчез бы с карты. Это радует. Но его плащ был у того, кого мы считаем возможной Тенью Тимура. А значит, скорее всего он схвачен. В любом случае будем действовать по инструкции и Уставу: известим руководство, проведем инвентаризацию и осмотр помещений. Может, что-нибудь прояснится.

Меня терзало любопытство, и, не удержавшись, я попросила у Мусы посмотреть всю колоду, убедиться, на самом ли деле остальные карты пусты. Муса кивнул и вручил мне коробку, продолжая обсуждать с Марией и Павлом, с чего начать проверку и как сделать все побыстрее.

Я же с наслаждением возилась с сокровищем отдела, изумляясь мастерству тех, кто его сотворил. Все карты в колоде, кроме пяти, были пусты. Я пересчитала их: ровно сорок девять. Но карт всего пятьдесят! Я потрясла коробку, и с громким щелчком на стол Мусы Ахмедовича вывалилась последняя карта. С каким-то рисунком.

Все разом смолкли и придвинулись к столу. Муса Ахмедович сказал что-то на неизвестном мне языке. Судя по выражению его лица, это было ругательство.

— Питомец?!

«Ох и нифига себе!» — пискнул внутренний Геннадий.

— Муса Ахмедович, ну с чего ты взял, что это питомец? — Мария взяла в руки карту и повертела ее в руках. — Тут вообще непонятно кто. Какое-то облако с ... Это что, хвост?! М-да-а...

Павел смеялся и успокаивал Мусу Ахмедовича, который нервно расхаживал взад-вперед по комнате, приговаривая:

— Что за ерунда происходит! Как это все мимо меня проскочило? Немыслимо! Куда мы смотрели? Куда я смотрел?! Вывели из строя все инструменты, теперь Тимур. Еще и питомец!

Он споткнулся о стремяна, валяющиеся на полу, потом подошел к карте Империи:

— Павел! Значит вы ездили на север? А что у нас там, все помнят?

— Граница с Архейской торговой лигой, — ответила Мария.

— Так, так, — сказал Муса, — Архейские купцы. Мутные и насквозь продажные. Клеймо некуда ставить. Доверия к ним никогда не было.

— Думаешь, они рискнули создать Тень?

— Война на территории Империи шла много лет. Только открытые боевые действия продолжались лет пятнадцать! А сам конфликт тлел несколько десятков лет, а может, и дольше. Да, можно смело утверждать, что он никогда не кончался. Хофу постоянно мутят воду в этом мире.

— Архейцы не были открытыми сторонниками хофу, — заметила Мария.

— Не были, да стали. Зато пираты всегда были сторонниками хофу и союзниками архейцев, пока их не разбили двадцать лет назад. А теперь они снова набрали сил. Читала последние сводки новостей с Северного моря?

— Про нападения? Да, видела.

— А главное, мы утратили систему, которую наши предшественники построили в прошлом веке. Сейчас мы просто почтальоны: отвези-привези-получи деньги. Устав раньше какой был, помнишь? Толстенная книга с инструкциями на все случаи жизни. Написанная кровью! А теперь что? Огрызок.

— В любом случае будем действовать, как нам предписано, — примирительно сказала Мария.

— Пока наши среагируют... Пока кто-то приедет... Тимур может вообще пропасть. Это лет шестьдесят назад сведения о нахождении Почтового уже были бы у нас от сети агентов. Или охранка Императора принесла бы. Надо направить запрос в гарнизон Арзуна, чтобы Тимура искали. Хотя они скорее всего проигнорируют. Ладно, не поленюсь и сам съезжу к старым знакомым в гарнизоне. Попрошу их лично все ускорить.

— А почему нельзя сразу подключить местных к поискам? — удивилась я.

— Надо еще доказать, что человек не покинул Шанлу. Кто сможет утверждать, что пришла Тень, а не Тимур? Начнется поиск сначала на Земле. Официально же война в Империи окончена победой Тэна. Хофу вроде как изгнали. А Почтовый, может, запил, или мастеру что-то привиделось. Так что не так все просто.

— А плащ?

Муса пожал плечами.

— А раньше по-другому было?

— Запросы шли в обоих мирах. Была отлаженная система, говорю же! — Муса Ахмедович снова стал ходить по комнате, дергая плечами и сердито хмурясь.

Видеть его в таком состоянии было непривычно, обычно он всегда был очень выдержанным и спокойным и не позволял себе повышать голос на подчиненных.

— Когда вмешиваются хофу, все правила летят в тартарары, — заключил Павел.

Я снова взглянула на карту питомца. Из неясного мутного облака проступили черные глазки и небольшие круглые ушки. Был отчетливо виден пушистый короткий хвост, угадывалось длинное гибкое тело.

— Не понял, это хорек, что ли? — удивился Павел, который тоже с интересом наблюдал за проявлением изображения. — А есть ли на Шанлу хорьки?

Мария глянула на карту:

— О господи, это крыса?!

— Нет, это точно не крыса, — успокоила ее я. — У крыс хвост лысый и длинный, да и морда вытянутая. А здесь мордочка вроде как кругленькая. Правда, я не знаю, как выглядят крысы в Шанлу. И есть ли вообще тут земные животные?

— Здесь точно есть земные комары, — недовольно ответила Мария. — Скоро ты в этом убедишься.

Муса вздохнул, отвлекся от карты Империи и тоже посмотрел на рисунок.

— Похож на снарка. Как-то встречал их в доме у одного военачальника.

— Кстати, тот Тимур, который Тень, говорил, что снарки — это грызуны.

— Нет, они точно не грызуны: не крысы и не мыши. И не хомячки! Снарки больше напоминают наших хорьков. Только они более мелкие, по размеру как средняя земная крыса. Надеюсь, это все же не снарк!

— Почему? По-моему, он очень милый!

— Вот уж кого-кого, а снарков точно милыми назвать нельзя. Они умные, хитрые, невероятно любопытные, некоторые считают их даже полумозумными. Местные расскажут тебе миллион историй, связанных со снарками. И среди них не будет почти ни одной хорошей. То сгрызут что-нибудь, то вскрыют. Короче, испортят!

— Зачем тогда таких животных держать дома?

— У богатых свои причуды. Во-первых, они редкие. Их почти всех перебили в свое время. Теперь каждый снарк на вес золота. Не знаю, есть ли они вообще в дикой природе. Во-вторых, они дорогие. В-третьих, хорошо поддаются дрессировке. Ну и конечно же, у местных ценятся их невероятно острые зубы, которыми они могут прогрызть что угодно. Престижно, в общем, такую тварину дома иметь.

— Тимур, то есть Тень, говорил, что они злобные и злопамятные.

— Интересно, почему Тень упомянула снарков. Не они ли тут посодествовали? — Мария с отвращением смотрела на все четче проступающие на карте черты животного.

— Ладно, — сказал Муса Ахмедович, — оставим пока питомца. Пусть рисунок прояснится до конца. А потом будем думать, кто это и где его надо искать.

Муса снова казался собранным и спокойным. Он сложил карты в колоду, и мы вернулись в его кабинет. Меня так и подмывало спросить, к чему было эти странное совещание в маленькой комнате.

«Надо будет потом не забыть уточнить у Павла, что это за комната и почему мы там сидели», — подумала я.

— До конца осмотра помещений рабочие места не покидаем, — распорядился Муса Ахмедович. — Все силы прикладываем, чтобы сделать это как можно быстрее. Важно управиться за день. Площади у нас немалые. Павел, на тебе звонница. Система оповещения пока не давала сбоев. Надеюсь, хофу не добрались до нее. Не знаю, что тут могла сотворить Тень, но ничего хорошего от нее не жду.

— Может, это все же было что-то другое? — с надеждой спросила Мария.

— Не знаю. Павел, покажи Тане кают-компанию. Сотовые здесь не ловят. Общаться будем по селектору. Ну или ищите нас с Марией на складах.

Мы с Павлом минули какое-то заброшенное пыльное помещение, широкий лестничный проход, еще одну большую комнату, наполненную старым металлическим хламом. В углу я заприметила нечто, что можно было бы принять за паровозную трубу.

— Это от поезда?

— Вряд ли, — Павел мельком взглянул на металлолом с трубой. — В Империи нет

таких машин.

— Может, с Островов, — предположила я и пошла дальше за Павлом, хотя природное любопытство требовало вернуться и изучить трубу повнимательнее.

— Да кто их знает. Островные вообще не такие как все. Они и с хофу дрались с особым остервенением. Вот насчет них я могу быть точно уверен: на сговор с демонами не пойдут!

— Павел, а что за звонница? У вас тут колокольня, что ли?

— Учебная звонница. Находится в кают компании. Раньше мы постоянно ее использовали, но в последнее время как-то все некогда. Деловые стали! Вот и допрыгались.

Он расстроено замолчал и пошел быстрее. Я поспешила за ним.

Глава девятая

Я уже стала привыкать к масштабам Цеха, однако, когда мы наконец дошли до кают-компании, остановилась в изумлении и огляделась. Даже в слабом свете тусклых ламп размеры помещения поражали. Да что уж говорить — здесь было на что посмотреть. Первое, что бросалось в глаза — этаж-антресоль, который протянулся вдоль одной из стен.

«Вот это я понимаю правильное использование пространства!», — с одобрением подумала я как человек, который всю жизнь прожил сначала в хрущевке, а потом в панельке.

Антресоль была жилая, и благодаря ей вся комната уже не выглядела как один большой сарай. Всю красоту решения портила металлическая чердачная лестница. Забраться по ней наверх, не свалившись, непривычному человеку довольно сложно. Павел небрежно поднялся на второй этаж. Я осторожно последовала за ним, размышляя о том, почему на лестнице нет ограждения, и решила, что с безопасностью тут полный швах.

— Почему она такая хлипкая? — крикнула я в спину Павлу.

— Руки никак не доходят заменить. Скоро привыкнешь к ней, будешь махом взлетать, как птица. Даже понравится.

— Вот уж не думаю.

— Раньше тут все очень просто было. Казарма! Кровати стояли, тумбочки. Пара столов. Сейчас, по сравнению с тем, что было, можно сказать, пятизвездочный отель!

— И при тебе было по-спартански? — удивилась я.

— Нет, это мне рассказывали Тимур с Марией.

Поднявшись наверх, я глянула вниз: простой деревянный пол, покрытый янтарным лаком, большой стол с кучей разнокалиберных мягких стульев вокруг него. Я вдруг подумала, что та жуткая панцирная кровать на Базе скорее всего была лет сто назад вынесена именно отсюда, раз тут была казарма.

Самым ярким пятном в кают-компании был древний советский холодильник, выкрашенный в оранжевый цвет. Он затмевал собой все, и даже саму кухню, которая состояла из пары буфетов без дверок, закрытых шторками, газовой плитки и старинной чугунной раковины. Вытертые выдвижные ящики были когда-то темно-зеленого, почти малахитового цвета.

— А почему холодильник оранжевый?

— У местных надо спросить. Самые популярные цвета в Империи — зеленый и оранжевый.

Стены второго этажа были обиты деревянными панелями, выкрашенными в темно-зеленый цвет с позолоченными филенками.

— Это мы еще смогли отвоевать простой камень и дерево, — проследив мой взгляд, пояснил Павел. — Знаешь, местные вообще любят жилища изнутри плиткой украшать. Но нам ближе дерево. На худой конец, камень или кирпич.

— А зачем мы сюда забрались? Нам же вроде звонница нужна.

— Она у нас на втором этаже.

— Для чего вам здесь звонница? Мы что, потащим ее по всем помещениям?

— Конечно нет, звук пойдет по системе оповещения.

— Ты, кстати, хотел подробнее рассказать мне о том, почему так важен колокольный звон.

— Сначала дело, — строго напомнил Павел.

Мы пошли дальше. Павел гулко стучал ногами по деревянному полу, отодвигал вещи, которые мешались на пути. Я глазела вокруг. Упасть отсюда было сложно: в отличие от лестницы, тут было кованое ограждение с широкими перилами. Мы прошли мимо узких диванчиков, кресел-мешков, старого журнального столика с лампой и пепельницей, в которой валялись фантики от конфет. На полу лежали стопки книг и несколько игрушек.

— Ну, как тебе тут? Довольно уютно, да?

— Ага, — сказала я, рассматривая чучело крокодила, свисающее с потолка, — а это откуда?

— Притащил кто-то.

Учебная звонница оказалась набором разного размера колоколов, самых настоящих, закрепленных на металлической стойке.

— Она разборная. Очень удобно, если понадобится, ее можно легко перенести, — гордо сказал Павел.

— Звук громкий?

— Весьма.

И он зазвонил. Конечно, это был не тот колокольный звон, который слышится с высоких куполов церквей и разносится по всей округе, но такой же мелодичный.

«Дон-дон-дон», — выводил нижний, самый большой колокол.

«Дили-дили-дили-дили», — вторили ему колокола поменьше.

«Диги-диги-диги-диги-диги-диг-диг-диг», — мелодично выбивали самые маленькие и звонкие колокольца.

— Ну что? — спросил Павел, когда отзвенел последний колокольчик и стало очень тихо.

В моей голове тоже было очень пустынно: ни одной мысли, тишина и покой.

— Здорово прочищает мозги. Так что насчет звона?

— Мы заметили, что он оказывает особенное влияние на хофу и Тени. Обездвиживает их и путает мысли. Короче, сразу выводит их на чистую воду.

— С чего бы это?

— Местные веруют в Призрачного дракона, защитника Шанлу. Считают его проявлением истинной магии и Сердцем мира. Ты потом увидишь их храмы и священников. Чилуны, так их тут называют. У них есть легенда о том, что голос Дракона схож со звоном колоколов. И поэтому все местные храмы имеют колокольни. Это что-то необыкновенное — услышать колокола в другом мире. Гудят они более низко и протяжно, но тоже очень красиво.

Между тем снаружи занимался рассвет и солнце осторожно заглядывало в комнату через большое окно. Там был все тот же горный пейзаж. Янтарный пол и оранжевый холодильник как будто отражали солнечный свет. Стало удивительно уютно. Сейчас, когда в комнате посветлело, я заметила, что кают-компания выглядит разнородно. Как будто ее постоянно доделывали под себя разные люди.

Коллекции арбалетов и мечей на деревянной стойке соседствовали с парой деревянных комодов, на которых теснились свечи в металлических подсвечниках. У стены стояло старое мельничное колесо, стопка грампластинок и виниловый проигрыватель.

«Такое ощущение, что они тут музей хотели устроить. Или разорили сорочье гнездо», — удивлялся внутренний Геннадий.

Еще я заметила кожаные диванчики и небольшой шкаф с книгами, два потертых кресла, закрытых домоткаными дорожками, котацу, японский низкий стол, и подушки, чтоб сидеть вокруг. Все это плохо сочеталось между собой, но зато каждый мог найти место для себя.

Лампы стали совсем тусклыми, Павел окинул их взглядом и сказал:

— Генератор, похоже, сдыхает. Вот и подходящая работка для тебя: кристаллы надо подзарядить или поменять.

— Паша, — спросила я, — а почему вы за Тенью Тимура не пошли? Можно же было попытаться догнать ее. А то ходит сейчас эта нечисть по городу...

— Не ходит. Они развеиваются через пару часов. Мы бы не успели отследить ее и попытаться задержать.

На большом столе ожил старый селекторный телефон. Самый настоящий советский раритет — с диском, трубкой и огромным динамиком справа.

— Паша, спасибо за оперативность, — прохрипел динамик голосом Мусы Ахмедовича. — Мы с Марией проверили мелкие склады. Есть кое-что интересное, потом обсудим. Сейчас пойдем на большой грузовой склад, ты с нами. Таню отведи к мастерской, там встретимся.

Мастерская наладчиков располагалась недалеко от кают-компания. Мощные деревянные двери были заперты. К двери зачем-то был дополнительно навешен амбарный замок.

— Ого, — сказала я, — сильно.

— Мастер-ключ должен быть у тебя в сумке, — подсказал Муса Ахмедович. — Расул был очень недоверчивый, по мне так даже немного параноик. Вечно трясся над своими приборами и запирали мастерскую. Может, и не зря так беспокоился?

Я вставила ключ в замок, повернула два раза, и раздался щелчок.

— А с амбарным страхолодством что делать будем? — спросила Мария. — Он вроде тоже закрыт.

— Естественно, — отозвался Муса. — Он еще и кодовый.

Он перевернул замок, и я увидела шесть цифровых дисков со стандартной нумерацией от нуля до девяти. Все посмотрели на Мусу Ахмедовича.

— Я не помню код, — пожал плечами он.

— А просто срезать? — предложил Павел.

— Стойте, — сказала я, — стойте. Я открою.

Я порылась в своей замечательной поясной сумке. Там была куча инструментов и других полезностей. Замок требовал, прежде всего, смазки.

Мария, напряженно за мной наблюдавшая, не выдержала:

— Вот так просто и все? Смажешь, наберешь код, и он откроется? И никаких тебе капсул с парализующим газом или еще каких-то «приятных» сюрпризов в вашем стиле?

— В нашем — это в каком? — я с интересом посмотрела на нее.

— Ну таком, — она взмахнула руками, показывая нечто замысловатое, — техническом. Чтобы в конце было: «и все умерли».

— Нет, — успокоила я ее, — тут просто проржавело все. А код Расул оставил в записках. Зашифровал простеньким шифром. Надо было только сообразить, зачем он нужен. Теперь вот я поняла.

— Прекрасно, — сказал Муса Ахмедович. — И все же давайте отойдем подальше. Таня сама разберется.

Я пожала плечами и набрала код. Замок щелкнул, и дужка выскочила из запора. Проход в мастерскую был открыт.

— Замечательно, — облегченно выдохнули все.

Я потянула было ручку двери, но Муса Ахмедович придержал меня, вошел первым и через минуту позвал всех остальных.

— Тут все как всегда, — сказал он, распахивая дверь.

И нас окатило прекрасным запахом машинного масла, металла и дерева.

Глава десятая

Логово наладчиков выглядело как берлога запасливого хомяка. Довольно большая комната освещалась простыми тусклыми лампочками без каких-либо плафонов.

«Удобно, — подумала я, — можно просто и быстро поменять».

Муса включил их, но толку от ламп было мало. Света из окна уже было достаточно, чтобы разглядеть комнату.

В углу стоял большой стол, покрытый пылью, пятнами, химическими ожогами и следами от горячих предметов. Да, чувствуется, что на нем работали! На столе стоял старый компьютер с древним пузатым монитором и системником. Там же лежал набор пинцетов, рулетка, кусачки, отвертки, три канцелярских ножа, синяя изолента и несколько печатных плат.

— Уверена, он жутко шумит, а на компе винда ХР, — сказала я. — Уютно здесь, правда?

Коллеги скромно стояли на небольшом чистом пятачке у двери. В комнате царили беспорядок и страшная духота. В углу лежали два старых пузатых монитора и один плоский, но разобранный, три сломанных ноутбука и детали от компьютерного кресла.

Я осторожно прошла к окну, обходя куски изоляции, которые валялись то там, то сям, и открыла его. Павел с облегчением вздохнул.

Отдельный стол у окна был занят паяльной станцией, осциллографом, мультиметрами. Из окна торчала мощная вытяжка, на столе громоздился незнакомый мне осветительный прибор, явно не электрический.

Вдоль стены стояли шкафы с инструментами, начиная с молотка и шила и заканчивая наборами электронщика и связиста, частотомерами, измерителями и другими приборами, бухтами кабелей, тестерами, аккумуляторами и прочим барахлом, которое радовало мой глаз. Вокруг лежали ящики, заполненные батарейками и компонентами микросхем: транзисторами, полупроводниками, диодами. Похоже, что каждый из прежних наладчиков имел свое увлечение и наполнял мастерскую любимым хламом.

Еще я углядела шкаф с книгами, тетрадями и верстак.

В углу висел серый лабораторный халат и советский летный шлем.

— А шлем-то зачем? — удивилась я.

— Да кто вас знает, — засмеялся Павел. — Все мастера немного сумасшедшие.

— Ну что же, — сказал Муса, — ты явно освоишься. Оставим тебя тут одну: проверить, все ли цело.

Пока коллеги осматривали грузовой терминал, я сверила свое имущество с описью, составленной Расулом: ничего не пропало. Что-то взвешивала, что-то считала поштучно или по метражу. Нашлись излишки кристаллов, но это меня не удивило. Судя по тому, какие хомяки тут обитали до меня, излишков должно было оказаться гораздо больше.

Кроме того, я нашла кое-что интересное, не внесенное ни в один список: кристалл, очень похожий на тот, что висел на груди Тени. Хотя, может, он был камнем, издавека-то не разглядишь. Тот, что я обнаружила, был не черный, а темно-красный.

Я долго его рассматривала, сначала просто на свету, потом через специальные очки, пытаюсь определить природу и структуру вещества, потом положила на предметный столик аппарата наподобие микроскопа, только сделанного местными умельцами.

Классифицировать кристалл мне не удалось. Я не была специалистом, который бы настолько хорошо разобрался в этой области. Рассмотрев кристалл, я вспомнила, что нашла его в самом дальнем углу захламлённой полки. Я разгребла ее из чистого упрямства и любопытства, не ожидая найти что-либо ценное. И вот там, в куче старых запчастей и мешочков с каким-то песком, лежала коробка, в которой находился этот странный крупный кристалл, бережно завернутый в старую, но чистую ткань.

Очнулась я от оклика Павла.

— Ты жива тут, Танюха?

Я вылезла из-под стола и взглянула на Павла.

Он был весь в пыли и паутине. Я выглядела ненамного лучше. Еще и руки исцарапала, пока по шкафам лазила.

— Есть хочешь? — спросил он. — Муса Ахмедович поляну накрыл.

Я кивнула: сил на разговоры не осталось. Пока мы плелись по коридорам, Павел сообщил мне, что Цех пуст. Никого, кроме нас, тут не было.

— Исчезло кое-какое оборудование, накладные и фирменные конверты, но это мелочи. А у тебя что?

— Все на месте, — вяло ответила я.

Соображала я с трудом, очень хотелось есть.

Муса Ахмедович ждал нас в кабинете. Там же, на столе для совещаний, мы втроем молча поужинали. Мария все еще пропадала в терминале. Муса Ахмедович собрался было идти за ней, как дверь открылась и вошла Мария, вся в пыли, с красным распухшим носом и слезящимися глазами.

— Вы не поверите, — простуженно прогундосила она, — я нашла снарка.

И вытащила из кармана галифе за короткий пушистый хвост белого хорька. Он был гораздо меньше земных экземпляров, весь белый с черными глазами-бусинками, и даже не пытался вырваться. Все замерли, рассматривая Марию и ее находку.

— Это точно не крыса, — констатировал Павел.

— Мария права: это снарк, — Муса осторожно взял хорька и поднял его повыше. — Вот видите: у него синие зубы, способные прогрызть любой металл и пластик. Интересно! И все же Тень знала про снарка или это просто совпадение?

— Тень подсунула нам снарка? — уныло спросила Мария и вытерла глаза платком. — У меня аллергия на кошек.

— Но это не кошка.

— Похоже, моей аллергии все равно, что это не кошка.

— Ну что же, — обреченно сказал Муса Ахмедович, — как я понимаю, мы нашли питомца. Таня, посмотри, проявилось ли изображение на карте.

Я достала карту.

— Что-то не так?

— Ну-у...

Муса Ахмедович сунул снарка Павлу и, выдернув у меня из рук карту, с изумлением уставился на рисунок.

— Плохие новости говорить не надо, — попросила Мария, — у меня и так глаза сильно чешутся.

— Даже не знаю, — Муса почесал голову. — Не ожидал! Коллеги! Питомцев два. На карте два хорька.

Все посмотрели на снарка, который то ли сдунул, то ли сдох на руках у Павла.

— Он живой? — с тревогой спросил Павел.

— Да ничего с ним не будет, — прогундосила Мария. — Сейчас отпустишь, и рванет когти до северной границы Империи.

Муса Ахмедович показал всем карту. Два снарка, похожие, как братья, переплетаясь длинными гибкими телами, образовывали цифру восемь. У одного из них были черные глаза, у второго — оранжевые. Подпись внизу гласила: «Питомцы мастера».

Я осторожно забрала у Павла хорька и посадила себе на ладонь. Он сейчас же открыл глаза и принялся обнюхивать меня, даже не пытаясь сбежать или укусить.

— Твой, значит, — сказала Мария. — Вон какой смирный сразу стал: признал хозяйку. Держи его в клетке. С решеткой из титана, если найдешь.

— Камень тоже подойдет, — задумчиво протянул Муса. — Я уверен, у мастеров есть что-то подобное. Но вообще снарков носят в кармане: они любят тепло человеческого тела.

— В общем, та еще милота, — заметил Павел. — И чем он полезен? Кроме того, что может все перегрызть.

— Да кто его знает, — пожал плечами Муса. — Оружие вора или прихоть аристократов — вот кто такие снарки.

— Он смешной, — сказала я и погладила хорька по спине.

Снарк, легкий, теплый и мягкий, немедленно засвистел, заворчал и попытался потереться головой о мою руку, явно признавая во мне друга.

— Обязательно его в кармане носить? — спросила я. — Это же ужасно неудобно.

— Если честно, я не знаю, — признался Муса. — Ни разу с ними не доводилось работать.

— Как понять, что он не сбежит? Вдруг сгрызет нам все склады? Кстати, как это вообще работает? Можно, я проведу эксперимент с его зубами?

— Только не здесь. Любые эксперименты — в мастерской, — предупредил меня Муса и продолжил: — Я доложил в Москву и вызвал группу проверки. Нам напомнили, что мы сотрудники Почты России, а не бойцы Особого отдела. Поэтому продолжим выполнять свою работу. Все.

Следующие пару часов я провела в мастерской. Первым делом нашла подходящую клетку для снарка. Осмотрела усиленные прутки и решила, что они должны выдержать.

— Посмотрим, как тебе тут понравится, — сказала я хорьку. — Если будешь вести себя хорошо, буду носить в кармане или в сумке. А может, даже куплю тебе шлейку!

Я похлопала по поясной сумке — идеальному месту для маленького зверька.

Снарк чувствовал себя прекрасно, суетился в клетке, пил воду и радостно грыз изоляцию, куски пластика и металла, подsunутые для эксперимента. Задумчиво рассматривая следы от его зубов на старой микросхеме, я пошла в кают-компанию. Мария спала на втором этаже, а Павел сидел в кресле и читал. Мусы Ахмедовича нигде не было видно.

— Я тут вот что обнаружила, — сказала я Паше. — Эти следы совпадают с теми, что я видела на сломанных приборах на Базе.

— Может, их тут целая стая завелась? Нашествие снарков на почтовую станцию. Возможно, стоит вызвать службу дератизации и дезинфекции?

— Какая стая? Это все нам сотворила пара снарков максимум. Где-то здесь сейчас бродит второй питомец. Милое пушистое торнадо.

— Кстати, вот и имя. А как назвала первого?

— Спотыкач.

Павел с интересом посмотрел на меня.

— Он споткнулся три раза, пока добежал до клетки. Я его по комнате пустила походить, а он не хочет. Лентяй какой-то.

— Ладно, лучше пусть лентяй, чем суперактивное торнадо.

Павел прошел на нашу кухоньку, достал из буфета латунный чайник, блестящий, с изогнутым носиком, и, налив воды, поставил его на плитку. Вытащил две чашки, лимон, мед, варенье, мармелад, тарелку с сушками, вынул из холодильника несколько бутербродов с докторской колбасой. Махнул мне рукой, мол, налетай.

— День тяжелый сегодня, — он свернул бутерброд в трубку и запихал в рот целиком.

Я воспользовалась моментом и спросила про тайную комнату в кабинете Мусы Ахмедовича.

— А, это старая история. Корнями уходит в пятидесятые года. Вроде бы как там установлен какой-то артефакт-глушитель. Ну, чтобы прослушку отсечь. По мне так это сказки все. Но Валентина Игнатьевна завещала все важные разговоры и совещания там проводить. Мы в той комнатке до сегодняшнего дня ни разу не собирались.

— Это заметно.

Мы посидели молча, расслабляясь за чаем и тихой беседой. Ужасно захотелось спать.

— Ты Спотыкача куда на ночь определишь?

— Не знаю. Думала посадить в клетку и сюда притащить.

— Мария просила держать его подальше. Она вон таблеток от аллергии напилась и спит.

Я кивнула. Вот тоже неудобство. С одной стороны, снарк официальный член отдела, а с другой, как теперь быть Марии?

— Утро вечера мудренее, — утешил меня Павел. — Тащи сюда крысу свою. То есть хорька.

Уже засыпая, я спросила Павла, который, кряхтя, устраивался на втором этаже, ругая старый диван:

— И все же почему здесь нет магов?

— С волшебными палочками и заклинаниями? Или некромантов? Нет их и не надо. Мороки бы с ними было... Зато здесь есть восприимчивые к магии люди и артефакторика. А это, в отличие от магии, наука. А еще магические кристаллы и камни. Не знаю, чем они отличаются, так глубоко не копал. Мне, если ты помнишь, запрещено носить всю эту вашу магическую бижутерию. И слава богу. Кстати, гномы, эльфы, орки и прочие гоблины, на наше счастье, тоже отсутствуют. Есть свои особенности флоры и фауны, но в целом животный мир похож на земной, население — на людей, разумных червей или деревьев нет.

Он продолжал что-то говорить, но я уже не слышала: проваливалась в сон, положив руку на клетку с ворчащим Спотыкачем.

Глава одиннадцатая

Утро началось с недовольного шипения Спотыкача. Я с трудом разлепила глаза и, кряхтя, сползла с диванчика.

— Ну, — я заглянула в клетку к снарку, — чем ты недоволен?

Он не ответил, продолжая шипеть. Потом засвистел. Но я все равно ничего не поняла.

— Голодный поди, — раздался сверху голос Марии. — Тащи его на кухню. Будем кормить.

— О, привет! А как же твоя аллергия? — забеспокоилась я.

Как-то незаметно я перешла на «ты» со всеми, кроме Мусы Ахмедовича.

— Да ладно уж. Я наконец-то выпалась. И никакой крысе не испортить мне настроения. Да, Муса Ахмедович просил два дня не покидать Цех. Доделаем все кабинетные дела, заполним бумаги, подпишем отчеты и сложим в папки. Ревизоры явятся — всю душу вытрясут из нас. Есть там, знаешь, такие крючкотворы, мама не горюй!

Мария была в самом благодушном настроении и от души накормила нас: снарка — мясом, ласково величая его Спотыкашей, а меня — бутербродами с чаем.

— Слушай, — спросила я, пользуясь ее хорошим расположением духа, — а мы тут единственная почтовая служба?

— Конечно нет. Мы, скажем так, экспресс служба. Быстро и надежно, вот наш девиз. Редкий артефакт или срочное письмо, важная и тайная переписка. Мы гарантируем доставку в срок и без подмены. И не вмешиваемся в политику.

Я задумалась. Ну допустим, тэнгуны нас охраняют. Я их не видела, но Павел говорил, что это профессиональные военные. А скорость как гарантировать? В империи быстроходного транспорта нет. Вот на Островах, ходят слухи, много чего интересного изобрели, а тут все больше на лошадях да на телегах ездят и возят.

— Таня, я побежала. У нас море недописанных отчетов! Закончу с частью из них и зайду за тобой. Заглянем в конюшню — увидишь наших лошадок и птичек. Все! Пока-пока.

Мария свалила грязную посуду в раковину и умчалась в сторону терминалов. В кают-компании остались только мы со снарком, который спал в поясной сумке.

— Ну что же, — сказала я ему, — пошли разбираться с нашим стандартным оборудованием. Ну что за выражение дебильное?

Каждый работник отдела на территории Шанлу был обязан носить защитное спецоборудование. Оборудованием мы называли набор артефактов, что изготавливали местные мастера. Создавались они из магических кристаллов и камней.

— Между прочим, — сообщила я снарку, который покинул мою сумку и, похоже, устраивался поспать на рабочем столе, — этими кристаллами могут пользоваться только люди, восприимчивые к магии. Короче, такие унылые недомаги как мы. Ладно, спи дальше.

Я достала свой «стандартный набор». У меня уже был адаптатор, помогавший мне обучаться. Кроме него вчера Муса Ахмедович выдал мне этот самый стандартный набор почтальона.

Это был литой металлический браслет шириной около пяти сантиметров с гнездами, в которые вставлялись защитные кристаллы. Под него предполагалось надевать кожаный наруч, на который он и крепился.

А в дороге почтальону полагались высокие защитные беспалые перчатки, к которым

также можно было прикрепить браслет. Перчатки защищали от повреждений хрупкие кости и суставы пальцев, ладоней и запястий.

Я высыпала из хлопкового мешочка пять тяжелых квадратных камней и два кристалла и стала вставлять их в металлические гнезда, защелкивая каждый специальным замком.

— Стандартный защитный комплекс из семи камней, — я показала спящему Спотыкачу содержимое мешочка. — Сейчас закрепим и будем несокрушимы!

Камни — светло-серый, похожий на гранит, два зеленых и два желтых с золотистыми и красными искрами — то вспыхивали, то гасли. Судя по записям мастеров, они защищали от падения, стрелы и арбалетного болта.

Некоторые камни работали только в связке с другими, например, желтые: их требовалось крепить рядом, чтобы они соприкасались.

Далее я установила фиолетовый кристалл воздушной стены. И розовый, похожий на кварц, который скрадывал шум.

Насколько я поняла из прочитанного, защитные камни не требовали активации и работали в фоновом режиме с момента вставки в гнездо браслета. При активном использовании замену надо было производить раз в сутки.

«Ну и что значит активное использование? Падение в крыши девятиэтажки — это активное? Сколько раз можно прыгнуть?» — недоверчиво вопрошал внутренний Геннадий.

Перечень с указанием метров падения или количества стрел, которые мог отразить браслет, находился в Тетради мастеров. Я постаралась запомнить его, хотя смутно могла себе представить, что буду считать в моменте метры или болты. Но как мастер я уже знала, что можно ориентироваться по цвету камней: если камень бледнел, значит, требовалась подзарядка. Вспомнив это, я немного успокоилась. Стало как-то проще: смотри на кристаллы да успевай пополнять запасы. Это потом уже, позднее, Муса Ахмедович, услышав о моих сомнениях, объяснит, что падения в ходе нашей работы могут быть разные, и научит правильно и быстро прикидывать в уме, хватит ли мощности браслета в той или иной ситуации.

Фиолетовый кристалл создания воздушной стены требовал мысленной активации. Заниматься со мной, начиная с сегодняшнего дня, особенностями использования защитного браслета должна была Мария. Сама я, хоть и прочитала теорию, практику представляла с трудом.

Были еще одноразовые артефакты, например, аптечка — сложное сочетание нескольких камней, соединенных между собой специальными зажимами. Носилась она на груди и должна была соприкасаться с телом. Насколько я поняла, аптечка проводила диагностику организма в фоновом режиме и устраняла «мелкие» проблемы: небольшие кровотечения, порезы, легкие болезни. Но руку не отрастит, конечно, и грипп в один миг не победит.

Осмотрев камни и надев браслет, я почувствовала легкое головокружение. Такое случалось при переизбытке информации и легкой панике, которая иногда нападала на меня. Как я все это запомню? Где я могу упасть? Кто в нас может стрелять? Вспомнив, как Муса Ахмедович учил меня бороться с тревогой, я принялась размеренно дышать, успокаивая себя. Медленный вдох, задержать дыхание, длинный выдох. Стало лучше, голова прояснилась, сердцебиение уменьшилось.

Успокоившись, я посидела некоторое время, поглаживая безмятежно спящего снарка, что работало не хуже техники дыхания Мусы Ахмедовича.

Мария зашла за мной через пару часов, и, пока мы шли до конюшни, я мучила ее

вопросами об артефакторах и кристаллах.

— Артефакторы — обычные небритые ботаны, которые плохо пахнут и носятся со своим камнями, — фыркала она. — Происхождение кристаллов по легендам идет от Призрачного дракона. Твердые части тела дракона дали камни, жидкости — кристаллы. Но пока этого никто не доказал.

— А есть еще какие-то интересные изобретения, связанные с магическими камнями?

— Да полно. Неумные Островные придумали наши карты. Это тоже артефакт. Или боевые усилители меткости, силы и быстроты реакции. Правда, они нам не положены, но я видела, как их используют офицеры тэнгуны. Есть еще полиграф.

— Прямо настоящий полиграф? — изумилась я.

— Конечно, не такой, как у нас. Это мы так назвали чудо-приборчик. Он дает возможность почувствовать, что человек что-то скрывает: улавливает сердцебиение, страх. То есть ты не докажешь что человек врет, но поймешь, что он нервничает и что-то скрывает. Артефакторика развивается мощными темпами. Нефть в Шанлу не добывают, зато месторождений магических камней там полно. Ты не представляешь, сколько шахт на юге Империи!

Мы шли по широкому коридору мимо высоких арочных окон. Солнце освещало старый деревянный пол и стены, грубо вырубленные в камне.

— Красиво! — восхитилась я. — А что за горы там?

— Это Западный хребет. Станция находится на западе Империи. Снаружи холодно, но мы отсюда только стартуем и уходим вниз вдоль склонов. Оттуда по маршруту двигаемся на юг либо на восток. В Шанлу довольно мягкий климат. Сейчас, как и у нас на Земле, здесь осень и дожди.

— А за горами что?

— Судя по картам, море.

— А на север Империи мы тоже ездим?

— Очень редко. За границу Империи на севере не выходим: Архейская торговая лига с нами не сотрудничает. Хотя правильнее сказать так: мы стараемся избегать контактов с ней.

— Почему?

— Лига — образование типа венецианской республики с богатыми и могущественными городами и властью аристократов. На самом деле в каждом грязном деле Империи торчит лапа Архейской Лиги, — пояснила Мария. — Были случаи похищения ею наших сотрудников. Правда, очень давно, на заре, так сказать, нашей работы.

Коридор постепенно забирал вверх, и мы наконец поднялись к широким деревянным дверям. Мария толкнула их, и мы прошли в конюшню.

— А вот наши животные! И птички!

Высокое просторное помещение с прозрачной крышей из какого-то стекла или камня освещалось солнечным светом. Вдоль стен шли просторные загоны, вырезанные прямо в голубой горной породе. На каменном полу лежали солома и сухая трава. Каждый загон закрывали деревянные ворота. И это единственное, что напоминало мне конюшню.

Я насчитала шесть загонов. Для больших животных. Или птиц?

Павел, как я помнила, говорил, что фауна Шанлу схожа с нашей.

«Пожалуй, он был в чем-то прав», — подумала я, рассматривая гигантского белого ястреба с широкими крыльями и длинным прямым хвостом. Ястреб возвышался над деревянными воротами первого загона, которые вдруг показались мне совсем хлипкими.

Мощные лапы оканчивались острыми когтями.

Он склонил голову и, легко перегнувшись через створки ворот, уставился на мою сумку. В сумке спал Спотыкач, который даже не подозревал, в какой опасности оказался. Я инстинктивно убрала сумку за спину и порадовалась, что на мне защитный браслет.

Тем временем Мария спокойно подошла к птице и погладила ее по огромному синему крючковатому клюву. От одного его вида мое сердце сжалось, а во рту пересохло.

— Это мой Ястребок. Он добрый, — сказала Мария, вытащила из кармана какое-то лакомство и закинула в острый клюв.

Ястреб переступил когтистыми лапами. Я легко представила, как добрая птица запросто отрывает мне руку или ногу.

— Естественно, они приручены только к наездникам. И надо учиться управлять ими: неопытного всадника могут и сбросить. И еще, надо помнить, что они хищники, правда, Ястребушенька? — проворковала Мария. — Ястребок очень смирный и добрый. Моя любимая птичка!

Мария зашла в загон и погладила белые перья на шее гиганта. Любимая птичка раскрыла клюв и довольно заклекотала. Очень громко и страшно.

В сумке зашипел Спотыкач.

— Ой, не выпускай снарка! — крикнула Мария. — И не попади под хвост Ястребку! Хотя этому, думаю, ты быстро научишься.

— Ты летаешь только на нем? — спросила я.

— Нет, конечно. Мы обязаны уметь управляться с любым нашим животным, но у каждого из нас есть любимчик. У меня вот Ястребок. Павел не любит летать, обычно он седлает Мишку.

Она указала на загон напротив. Я встала на цыпочки и, вытянув шею, глянула поверх ворот. Огромная черная куча в углу зашевелилась, и показалась свирепая короткая медвежья морда с желтыми глазами и крупными белыми клыками, торчащими, как у саблезубого тигра. Потягиваясь, на лапы поднимался гигантский черный медведь не менее двух метров в холке.

«Схожая фауна!» — мелькнула в моей голове паническая мысль.

Если это так, то медведь наверняка очень опасен. Я помнила слова дяди-охотника о том, что медведь — свирепое и хитрое животное. И очень быстрое. Спотыкач забился в сумке, подвывая в унисон моим мыслям.

— Откуда? Откуда они такие... огромные?

Мария с пониманием взглянула на меня:

— Не паникуй! На тебя они не будут бросаться. Если только нашу крысу сожрут, но и то вряд ли. Главное не выпускать ее из сумки.

— Он не крыса, — автоматически поправила ее я, — Спотыкач снарк. Все животные в Шанлу такие огромные?

— Конечно нет. Это крайне редкие экземпляры.

— А еще кто-то есть? — уже спокойнее спросила я. — Мишка выглядит не очень приветливо для первого урока езды.

— Мастерам-наладчикам нет необходимости быть опытными наездниками. Но Муса Ахмедович в свете последних событий велел учить тебя по-серьезному.

Я кивнула, смиряясь с неизбежным. Приборы и отвертки мне были милее, но спорить с руководством я бы не стала.

— Тимур улетел на своем любимом Орлике, — продолжала Мария. — Это гигантский орел, очень красивый и умный. Он крупнее Ястребка, и загон у него самый большой. Его очень долго приручали, но зато теперь он самый безопасный среди наших птиц. И кстати, Орлика на месте нет, а значит, это все же был не Тимур, а Тень.

Мария вышла от Ястребка и мимо пустого третьего загона прошла к четвертому, где находилась крупная зеленая птица. По сравнению с Ястребком она казалась совсем небольшой и походила на гигантского колибри с длинным тонким желтым клювом и голубыми глазами.

— Это Колибри Мусы Ахмедовича. Он чаще всего летает на нем. У Колибри небольшие крылья, хорошая скорость и отличная видимость. Обычно крылья загораживают обзор, и это может быть проблемой, — объяснила Мария.

Спотыкаяч в сумке перестал подавать признаки жизни: то ли сдох, то ли заснул от страха.

— Еще у нас есть крылатые кошки.

Я решила, что у меня будет серьезный разговор с Павлом. Потому что крылатых кошек я встречала только на геральдических изображениях. Мог бы и предупредить меня о таком! Шутник! Я смотрю, тут все шутники!

— Лев и барс, — сказала Мария и махнула рукой, подзывая к очередному загону.

Сначала лев не обратил на нас никакого внимания. Он был занят поеданием туши какого-то животного. Мощное тело песочного цвета, длинные когтистые лапы, крупная голова с красно-желтой гривой... И крылья. Лев поднял голову и лениво посмотрел на нас, коротко рыкнул, приветствуя Марию.

Снежный барс спал. Длинное гибкое тело с широкими массивными лапами свернулось в клубок, хвост прикрывал морду. Ну, кошка есть кошка! Черные крылья заслоняли мощную спину, но дымчатого-серый мех с темными пятнами не спутаешь ни с чем.

— Красавцы! — выдохнула я в восхищении. — Глаз не отвести.

— Да, но характеры у Левушки и Барсика тяжелые, — вздохнула Мария. — Я не очень люблю на них летать. Как мне кажется, птицы гораздо спокойнее, чем кошки. А может, это из-за того, что я в первый раз сразу решила сесть на Барсика и свалилась. Здорово я тогда приложила голову. Еще и руку сломала. С тех пор без браслета с заряженными кристаллами я не садилась ни на одну птицу или кошку.

— А на Мишку?

— И на него. И рекомендую шлем надевать. Мало ли.

Я продолжала рассматривать красивых мощных кошек. Лев зевнул и показал нам ярко-красную пасть с огромными белыми зубами.

— Не представляю даже, как подойти к ним. Тем более сесть на них, — призналась я.

— Все так говорят, — философски заметила Мария. — Для учебы у нас есть Мурзик.

— Мурзик — это кто? — спросила я и огляделась.

Загонов больше не было. Животных тоже.

— Мурзик не нуждается в загоне, он очень смирный. И может свободно ходить по всей конюшне.

Мария резко свистнула, да так, что у меня заложило уши.

— Вот ты даешь! — с уважением сказала я.

Мария оглядела конюшню, но таинственного Мурзика нигде не было.

— Мурзик, выходи! Хватит шутить. Он у нас игривый мальчишка, — пояснила она. —

Шалун! Давай вылезай!

Я с интересом осмотрелась. Что-то красное мелькнуло возле моего лица, толкнуло в плечо, сбilo с ног и сорвало с пояса сумку со снарком. Я очумело потрясла головой. Мария помогла мне подняться и отряхнула с полукомбинезона солому.

— Ах ты, негодяй! А ну верни снарка! Не смей его есть! Выплюнь! — задрав голову и потрясая кулаком, кричала Мария.

Я тоже подняла голову и наконец увидела Мурзика...

Глава двенадцатая

На потолке сидела ящерица. Интересно... Моя бабушка Мурзиками всегда называла домашних котов.

— Это Мурзик?

— Да, — раздраженно кивнула Мария, — разбаловали мы его.

Мурзик не был ни крылатым, ни высоким. В холке, если так можно сказать о ящерице, он достигал полутора метров. Длинное серо-зеленое тело с толстыми мощными лапами распласталось по потолку. Большая шипастая плоскомордая голова и широкая челюсть придавали ему насмешливый и, я бы даже сказала, наглый вид. Короткий хвост, два загнутых вверх нижних клыка и ярко-красный гребень на голове выглядели устрашающе.

На одном из клыков висела моя разодранная поясная сумка. Содержимое валялось на полу, а снарк, который чудом спасся, с яростным шипением вцепился в башку ящерицы и, похоже, пытался атаковать. Мурзик мотнул головой, и Спотыкача отбросило в сторону. Мы с Марией в полном молчании смотрели, как белое гибкое тельце ударилось о крышу, перевернулось в воздухе и полетело вниз, прямо в загон к Барсику. В полете снарк умудрился изящно изогнуться и, похоже, смог приземлиться на все четыре лапы.

«Все!» — пронеслось у меня в голове, пока мы мчались к загону крылатого барса.

Я не сомневалась в том, что Барсик сожрет нашего снарка и не подавится. Мария опередила меня на пару шагов и застыла в воротах загона. Я похолодела и, ожидая самого худшего, заглянула через ее плечо. Снарк, изогнувшись, как вопросительный знак, замер в боевой стойке: боком, выгнув спину и распушив хвост, а над ним навис Барсик и осторожно его обнюхивал. С легким недоумением он посмотрел на Марию, которая твердо и спокойно сказала:

— Барсик, нет. Это не еда.

Барс брезгливо тряхнул лапой и, отвернувшись, снова улегся спать, всем своим видом показывая, что не очень-то и хотел сожрать это шерстяное недоразумение. Снарк засвистел, шмыгнул ко мне и, цепляясь за одежду, взлетел на мое плечо.

— Боевая крыса! — с уважением сказала Мария.

Спотыкач раздраженно свистнул.

— Хорошо, хорошо, снарк! Боевой снарк!

Я собрала свои вещи, а Мурзик тем временем уже спустился к нам и всю ластился к Марии, которая сурово выговаривала ему за «шалости». Ящерица хрюкнула не хуже поросенка и стала выпрашивать еду. Мария вытащила из кармана пару сырых куриных яиц и скормила их Мурзику, потом почесала его гребень и сообщила мне:

— Сначала потренируешься на Мурзике: он не летает, только бегаёт. Из сложностей — резко прыгает и может передвигаться по стене. Поэтому помни: шлем, защита и осторожность!

— А можно будет на нем и дальше ездить?

Перспектива летать на гигантских кошках меня смущала. Да, признаться честно, я отчаянно трусила. Я даже на лошади верхом не каталась, только на карете в парке развлечений да на телеге в деревне у деда.

— Нет. Во-первых, он уже не молодой, быстро устает, к тому же хромот на заднюю левую лапу. А во-вторых, есть у него такая фишка: в холод или в стрессовой ситуации

впадает в спячку на несколько дней, а это ужасно неудобно.

Я вздохнула: да, неудобно, но, если честно, такой особенности Мурзика можно только позавидовать. Это же какая красота: сложный момент, а ты р-раз и спать завалилась. И пошло оно все лесом!

Мурзик хрустел яичной скорлупой и внимательно рассматривал нас оранжевыми глазами.

— Он точно не отжует мне ногу? — с беспокойством спросила я.

— Нет. Вот, держи, — Мария протянула мне деревянный свисток. — Носи с собой. Свист для наших птичек и кошек будет означать, что ты своя.

Я взяла свисток. Внутри него с глухим стуком перекачивался какой-то камень.

— Так я свистну?

Мария кивнула. Я поднесла свисток к губам и, набрав в легкие побольше воздуха, со всей дури дунула в него. Ничего. Я попробовала еще раз.

— Он что, бесшумный? — удивилась я.

— Абсолютно, — кивнула Мария. — И настроен только на наших гигантов. Очень удобно! Можно подзывать их, если они улетели, или наоборот.

— Наоборот?

— Я научу тебя высвистывать команды.

— А сейчас я что-то приказала?

— Нет. Простой дурной свист означает, что ты своя, — засмеялась Мария.

Она снова погладила Мурзика по гребешку. Потом достала из кармана галифе большое яблоко, закинула в его широкую пасть и пояснила:

— Мурзик всеяден. Это очень удобно!

Я подошла к Мурзику и тоже протянула ему руку. Ящерица шумно обнюхала меня и облизнула ладонь раздвоенным шершавым языком. Я неожиданно успокоилась, погладила Мурзика по гребню и провела рукой по шипастой голове. Тот радостно захрюкал.

— Ты понравилась ему, — обрадовалась Мария.

Седла, сбруя и все необходимое для верховой езды лежало в отдельном шкафу. Дежурство на конюшне распределялось между сотрудниками по дням. Уход за животными и птицами был, как сказала Мария, обыкновенный: покормить, почистить, выгулять.

— И все же откуда у нас такие животные? — снова спросила я.

— Переданы нам в дар по решению Тэна и при поддержке местного духовенства. А так, это какие-то древние виды, сохранившиеся со стародавних времен. Встречаются высоко в горах или в лесах. Там, где мало людей и охотников, желающих поживиться на их продаже. Обычно их ловят для правителей и аристократов. Поймать их очень сложно, в неволе они размножаются плохо. А вот потомство, если оно появляется, охотно служит людям.

Мария показала мне, как убираться в загонах, где лежит корм, что можно делать, а чего точно нельзя. Мурзик таскался за ней следом, выклянчивая себе то кусок колбасы, то морковку. Мария с собой имела просто невероятные запасы лакомств. Остальным животным и птицам тоже было припасено доброе слово и вкусняшка.

— У тебя там портал в холодильник? — поразила я, когда она выудила из кармана галифе очередное лакомство.

— Хо-хо, это правда! — улыбнулась она.

У меня голова шла кругом. Я даже впала в уныние, поняв, как мало знаю и как много мне предстоит изучить. Еще и артефакты эти, будь они неладны...

Следующая ночь, проведенная в кают-компании, прошла спокойно. Муса Ахмедович вылетел на Колибри в гарнизон Арзуна — города, в окрестностях которого располагалась почтовая станция, — и должен был вернуться на следующее утро. Поужинав пиццей, которую купила Мария, все завалились спать. Снарк снова ночевал в клетке, рядом с моим диванчиком: я угостила питомца куском пиццы и сунула ему кусок изоляции для развлечения. За ночь он сточил ее в крошку.

Потянулись дни учебы и ожидания ревизоров. По словам Мусы Ахмедовича, пожаловать они должны были не раньше, чем через десять дней. А может, и позднее. Муса все же приостановил работу и не выпускал людей в командировки под предлогом скорой московской проверки.

Мое обучение под руководством Марии и самого Мусы Ахмедовича было расписано, можно сказать, по минутам. Теперь к изучению Тетради мастеров и записей, которые я нашла в мастерской, прибавились занятия по управлению защитным браслетом и верховой езде. На второй день моих занятий адаптатор, выданный когда-то Мусой Ахмедовичем, сдох от перенапряжения. Камень просто треснул.

«Вот так же треснет твоя башка!» — пророчествовал внутренний Геннадий.

Но моей голове было все нипочём. Да, она иногда нещадно болела, кружилась, из нее вылетало то, что мне по сто раз на дню повторяли коллеги, но трескаться не собиралась. Муса Ахмедович, озабоченный пропажей Тимура, старался впихнуть в меня все знания в максимально короткие сроки. Поэтому теперь на моей руке висела целая связка серых, будто пыльных бусин — кристаллов-адапторов.

— Сведешь с ума девчонку! — неодобрительно косилась на них Мария.

— Она справится, — сурово отрезал Муса. — Сейчас не до жалости. Придется попотеть ради того, чтобы выжить.

— Да чего ты боишься? Кто нас тронет?

— Все эти сокращения штатов, бюрократия и пропажи отдельных сотрудников — не просто так.

— Подожди, еще кто-то пропал? — насторожилась Мария.

— Я обзвонил коллег: еще один человек не вышел на связь с территории Империи. В Самаре. У остальных все в порядке.

После этого оба взялись за мое обучение с еще большим энтузиазмом. И если изучение Тетради, ковыряние в различных схемах, приборах и запчастях давалось мне без труда, то верховая езда стала настоящим испытанием.

— Верховая езда — это взаимодействие человека и животного! И человек в этом тандеме — лидер! А ты что делаешь? Ты боишься подойти к маленькой ящерке! — вещала Мария, помогая мне устанавливать седло Мурзика.

Тот довольно хрустел сырым яйцом, которым я его угостила, чтобы умиловить. «Маленькая ящерка» без жалости выкидывала меня из седла, довольно похрюкивая и насмешливо тараща оранжевые глаза. Вот и сейчас Мурзик то надувал живот, то с шумом выдыхал, заставляя подругу провисать.

— Не шали, — строго сказала Мария, и Мурзик наконец подчинился. — С ним надо как с лошадью. Подходим слева, говорим твердым голосом. Не срываешься на писк, будь уверенной!

Седловка лошади давалась трудно: я долго не могла запомнить что за чем следует.

— Сначала вальтрап, — повторяла мне Мария. — Помнишь, для чего он?

— Зачем такая сложная конструкция? Повредить спину Мурзику нашим весом невозможно. Или это для того, чтобы он не вспотел? Смешно, он же ящерица с толстой шкурой...

— Я тебе уже два раза объясняла: чтобы седло не скользило. Видишь эти крючья на вальтрапе? Они для того, чтобы цепляться сильнее к спине ящерицы, а то слетишь к хренам собачьим! У нас тут все немного по-иному устроено, не так, как при работе с лошадьми, — сердилась Мария и жалобно обращалась к обитателям конюшни: — Ну вот за что? За что мне эта девчонка в ученицы?

Животные отзывались понимающим хрюканьем, рычанием и квохтаньем. И только Спотыкач возмущенно шипел из сумки.

— Почему нельзя сразу седло крепить? — мрачно бурчала я снарку.

— Потому что! — подавала голос Мария. — Здесь все проверено опытом и падениями! Вот станешь великой наездницей — изобретешь что-то новое.

— Вот уж вряд ли, — вздыхала я и снова седлала Мурзика.

К высокому седлу с ремнями по бокам, которыми пристегивался наездник на случай, если Мурзик побежит по стене или резко прыгнет, могли также крепиться сумки и другие вещи.

— Теперь уздечка, — подсказывала мне Мария.

Она сама подтягивала ее и защелкивала капсули:

— Аккуратно с гребнем, там много нервных окончаний.

Седлать я в конце-концов научилась: тут главное было запомнить последовательность укладки всех слоев и не дать Мурзику обмануть себя. А вот с самой ездой было сложнее. Посадку я преодолела довольно легко: главное — приспустить стремя на нужную мне высоту. Но хитрец Мурзик любил в этот ответственный момент дернуться вперед. Я падала на пол прямо в солому под его довольное хрюканье и воинственное шипение снарка.

— У тебя одна попытка запрыгнуть! Махом! Не останавливайся, — орала мне Мария, а потом помогала встать и отряхнуться от прилипшей к одежде травы.

— Руки должны быть сильными! И ноги! — выговаривала она мне.

И дополнительно ввела для меня занятия по физподготовке: прыжки через скакалку, приседания «пистолетиком», махи ногами. Хотела заставить подтягиваться, но, осмотрев мое тонкое длинное тело, висящее сосиской на перекладине, хмыкнула и велела просто отжиматься.

Кроме того, меня учили правильно падать. Хотя у почтальона был защитный браслет, Муса Ахмедович требовал отрабатывать весь комплекс так, как будто его не было.

— Глубже в седло садись! — говорила Мария. — Следи за корпусом! Поводья не для того, чтобы за них держаться! Они для управления! Ноги, ноги! Ну что это за мешок с пылью?!

После занятий на Мурзике я отправлялась к Мусе Ахмедовичу осваивать защитный браслет. Там все шло гораздо лучше, чем с животными.

— Держи камень крепко в руке. Сожми ладонь. Постарайся прочувствовать его и запомнить это ощущение, чтобы потом ты могла мысленно его в себе возродить, — втолковывал мне Муса.

С камнями и кристаллами я работала довольно легко. Все же восприимчивость к магии во мне уже была, в отличие от умения ездить верхом. Поэтому я довольно быстро поняла механизм мысленной активации. Для этого требовалась мысленная связь, которая возникала

из памяти ощущений. Насколько я поняла, это был самый простой способ для новичков. В дальнейшем, с ростом опыта, для установки связи с кристаллами мне уже не понадобится сжимать их в руках.

Так день за днем проходили мои занятия.

— Корпус!

— Зажми камень и представь, что тянешься к нему. Запомни эту шершавость.

— Плечи развернули!

— А теперь верни его в браслет и вспомни, как он лежал в руке.

— Держись крепче! Осторожнее!

— Если камень потускнел, замени его. Если два дня носишь его в браслете, замени.

Даже если ты не использовала возможности браслета, все равно лучше его поменять. Не забывай заряжать сменные камни.

— Таня, включай свое чувство равновесия!

— Аптечка — дорогой артефакт. Будем надеяться, что она никогда тебе не пригодится, но все же надо изучить ее применение.

— Держись ногами! Ты должна чувствовать Мурзика!

— Ты изучишь не только стандартные наборы, но осмотришь все артефакты, которые мы сможем найти на станции.

Иногда во время занятий с Мурзиком к нам присоединялся Павел. Тогда у меня появлялся второй учитель — насмешник. Сложно сказать, что было хуже: когда они вдвоем давали мне советы или потешались над моей посадкой. Хорошо было только ящерице: по моему, Мурзик за эти дни изрядно прибавил в весе. После каждого занятия ужасно болели ноги и руки, ныла спина, а о заднице вообще не стоило вспоминать. Первое время, пока Муса не нацепил мне аптечку, я ходила вся в синяках.

Мурзик носил жестко, сильно тряс, резко останавливался и все время норовил прыгнуть. Чтобы не выпасть из седла, я пристегивалась, а Мария лично проверяла мои крепления. Несмотря на все падения избежать не удалось. Вот тогда мне оченьгодились занятия по мысленной активации воздушной стены.

Я быстро привыкла к наручу и браслету. Это как пристегиваться в машине: делаешь все на автомате. И когда я почувствовала себя в седле более уверенно, Мурзик устроил диверсию. На одном из занятий я, по всей видимости, ненадежно пристегнулась к седлу, а Мария почему-то не стала меня проверять. Мурзик же сделал то, что давно не практиковал: резко остановился и выгнул спину. Я полетела головой вперед и врезалась в стену.

Защита должна была сработать автоматически, а я, вероятно, от страха и неожиданности, усилила ее воздушной стеной. И это было правильно. Как потом пояснил мне Муса Ахмедович, у меня сработала чуйка. Врезавшись в стену и спружинив от нее своей защитой, я благополучно приземлилась на землю, а тупица Мурзик наступил на меня лапой. Валяться бы мне со сломанной спиной, если бы не воздушная стена. На расстоянии около десяти сантиметров вокруг меня возник плотный воздушный кокон. Он держался недолго, но за это время Мурзик убрал лапу.

Воздушная стена отсекала лишние звуки, и я, лежа на спине, наслаждалась тишиной. Надо мной возникло испуганное лицо Марии. Она что-то спросила, но я услышала ее, только когда закончилось действие браслета:

— Слава богу, ты догадалась активировать стену! Какая молодец!

Павел потом мне сказал, что Мария чуть не убила Мурзика, и с тех пор баловаться он

почти перестал. Да и я с каждым днем работала с ним все увереннее и уже не давала ему так наглеть.

Дни слились в вереницу приходов и уходов с работы. Даже Козлиный приумолк, и я спокойно дремала в вагоне метро по утрам и вечерам. Между тем в городе наступила поздняя осень. В ноябре Казань, замирала в ожидании зимы и предвкушала декабрьский предновогодний забег. Город уже давно отпраздновал Хэллоуин, но кое-где тыквы еще лежали и напоминали мне шанлуйскую луну и глаза Мурзика. Люди, закутанные в теплые куртки, старались не думать о долгой зиме и упорно ходили без шапок. В метро все кашляли и хлюпали носами. Павел тоже заболел и выбыл из строя на неделю.

Темнело теперь рано, и по вечерам, пробегая по черному от дождей асфальту, я с удивлением замечала, что деревья стоят уже почти без листьев, а трава кое-где побита первыми заморозками. Только одна старая липа возле Кремля продолжала стоять, возмущенно потрясала ветвями с остатками желтых листьев, шаркая ими о стену крепости.

В выходные я все же находила время пройтись по любимым улицам и посидеть со Светкой Моховой в кафе. Выслушивала ее сплетни и вяло отвечала на вопросы о моей работе.

А однажды утром, забежав в метро и отряхиваясь от капель дождя, я услышала:

— Пр-ю-и-е-е-т! Небось скучала тут без меня?

«М-да, — подумала я, — что-то будет сегодня».

Глава тринадцатая

Несколько дней непрерывных дождей сделали свое дело: улицу Черноморскую затопило. Проблемы с ливневкой возникали в городе каждый раз во время сильных дождей. Я постояла перед входом в почтовое отделение, думая, как преодолеть лужу, пришла к выводу, что терять нечего, и пошлепала прямо по воде. Благо каждый казанец в такие мокрые дни, наученный горьким опытом, носит водонепроницаемую обувь. Равнина, что тут скажешь. Как заморосит, так на три дня. Но нас, казанцев, водой не напугаешь — лейся себе на здоровье, мы не боимся! Эх, дедовы калоши бы мне поверх кроссовок.

Я вспомнила школьные каникулы, которые проводила у своей татарской бабушки в Уфе. Вот где красота в дождь! Во-первых, ливни там бывают хоть и мощные, но короткие. Пролилось ведро воды, и снова солнце! А во-вторых, стоит Уфа на горке и вода после дождя уходит быстро, как будто город, как кошка, встряхнулся, и вот уже сухой. Только влажность в воздухе напоминает, что недавно все вокруг гремело и с неба лились потоки воды.

В отделении было многолюдно: странно для столь раннего часа, да еще и посередине недели. Я протолкалась через очередь, сожалея, что не вошла со стороны служебного входа. Но там было не пройти из-за глубокой лужи. Распихав особенно сонных посетителей, я наконец пробилась к операторам связи и направилась во внутренние помещения почты.

— А нечего опаздывать, — вместо приветствия заявила мне Алсу Ибрагимовна.

— Хорошая вы женщина, — пробормотала я, — только не хватает вам чего-то.

— Что? — нахмурилась она.

— Доброе утро, говорю.

Кивнув девчонкам и Гене, который безучастно медитировал над своим ежеутренним стаканом растворимого кофе, я прошла в кабинет Специального отдела. В дверях столкнулась с недовольной Марией.

— Приехали, — мрачно сказала она, даже не поздоровавшись.

— Ревизоры? — спросила я.

Она кивнула. Мария терпеть не могла бумажную работу, а любая проверка всегда начинается с просмотра документов.

— И где же они? — я заглянула в пустую комнату.

— Муса их размещает.

— Много человек приехало?

Столько было разговоров в отделе о ревизорах, что даже я немного нервничала. То Муса Ахмедович вспоминал дела многолетней давности, когда их трясли проверками и вызывали на допросы в комитет по каким-то служебным происшествиям, то Мария начинала исходить раздражением в сторону проверяющих, которых, по ее словам, она пережила столько, что мне и не снилось. Я им сочувствовала, хотя в моей жизни эта проверка была первой. И то неприятное чувство, когда ты ни в чем не виновата, но тебе все равно не верят и смотрят с подозрением, было мне пока что не знакомо.

— Один, — ответила Мария. — Но зато какой! Самый нудный и въедливый!

— Это кто?

— Игнат! Он уже сто лет на пенсии, я его даже пожилым не помню, только глубоким стариком. А он никак не успокоится: все работает. Сейчас начнется, — вздохнула Мария. — Будем писать объяснительные по любому поводу!

Я тоже приуныла: нервная обстановка напрягала.

Игнат оказался высоким и сухопарым, с бритой головой, болезненным цветом лица и бледно-голубыми, какими-то выцветшими глазами. Вопросы сыпались из Игната без остановки, длинная угловатая фигура, похожая то ли на гигантского богомола, то ли на высохшее старое дерево, неожиданно легко и стремительно перемещалось по комнате, костлявые пальцы быстро перелистывали бумаги. Негромкий голос с четкой артикуляцией был слышен в любом углу Базы, и, казалось, никуда от него не скроешься.

— Я прочитал отчет Мусы Ахмедовича, — проговорил он, расхаживая по кабинету, когда все расселись вокруг стола для совещаний, — и у меня возникли вопросы. Прошу ответить на них письменно!

Мария шумно вздохнула, а Игнат продолжал:

— Муса Ахмедович, подготовьте обзор всех действующих договоров. Еще мне нужен сводный список тех из них, что были завершены за последние два месяца: предмет, исполнитель, маршрут, особенности и сложности выполнения, возможно, были конфликты или еще что-то необычное. Срок — до вечера.

Затем он повернулся и, ткнув в меня крючковатым пальцем, сказал:

— С вас отчет о ночевке и встрече с возможной Тенью. Подробно. Письменно. К вам, — он обратился к Павлу, наконец вышедшему с больничного на работу, — просьба детально описать все, что видели в командировке, куда вы были направлены с пропавшим сотрудником. Важны мельчайшие подробности, даже то, в чем вы не уверены. Мысли, сны, сомнения — нужно все! Попрошу вас также вызвать куратора Специального отдела от Епархиального управления.

— И вы, — он с улыбкой посмотрел на Марию. — С вас опись пропавших вещей на территории Цеха и Базы. И большая просьба: оформите документ по установленным правилам. Муса Ахмедович, еще предоставьте личное дело Тимура Валеева. Не то, которое находится в отделе кадров Почты, а то, что хранится в Специальном отделе. С характеристикой от руководителя, который обучал и принимал его в отдел. Вопросы у кого-то есть? Если нет, то прошу исполнять.

— У меня вопрос, — сказала Мария. — А дальше что?

Игнат внимательно посмотрел на нее, потом вздохнул, в глазах промелькнуло понимание и даже сочувствие. Он потер лоб рукой и устало произнес:

— А дальше сделаем то, что нельзя совершать согласно нашему замечательному усеченному Уставу: поедем и наведем справки у местных. Я уверен, что Муса уже закинул удочку к знакомым, так? Или я ошибаюсь?

— Конечно, — мрачно сказал Муса, и тяжелые складки вокруг его рта, казалось, стали еще глубже. — Но это по личной инициативе.

— Естественно, — кивнул Игнат. — За это по голове не погладят. Это раньше тут бы уже с Земли кавалерия примчалась. Спецназ! А сейчас? Спасать товарища, можно сказать, едут повар и водитель!

Муса опустил голову:

— Карты все еще показывают Тимура. Он жив.

— Если они не врут, — сухо ответил Игнат. — Хоть кто-то из присутствующих кроме меня имеет боевую подготовку? Я местным гвардейцам и разбойникам уже не противник.

Муса покачал головой.

— Я в детстве дзюдо занимался, — смущенно сказал Павел. — Но это давно было.

— Устав гласит, что в подобных случаях мы должны послать запрос в местные органы власти, и они займутся розыском. Правда, дело не будет у них приоритетным. Все, надеюсь, понимают что это означает? Я решил так: присоединимся к тэнгунам или гарнизонным ищейкам. В общем, будем решать по ситуации. Но... — Игнат обвел нас тяжелым взглядом. — Никакой самодеятельности. Вы не боевой отряд.

Он повернулся к Мусе:

— Нужны проверенные люди — организовать поисковую группу. Чувствую, мы найдем какие-нибудь зацепки.

Муса кивнул, мол, понял.

Мы разбрелись писать отчеты. Мария составила опись, потом долго набирала ее на компьютере на специальном бланке. Павел скрипел ручкой и исписывал мелким почерком уже восьмой лист. Я, как человек, привычный писать отчеты, справилась с заданием быстрее всех. Да и деревянный казенный язык не был для меня проблемой.

Посидев и понаблюдав за коллегами, я решила пойти к Мусе и Игнату: может, там пригожусь.

Игнат сразу передал мне кипу бумаг.

— Давай, — сказал он, — прочитай эти договора и сведи мне в таблицу. Чтобы все ускорить. Завтра или сегодня, если успеем, вылетим с Мусой Ахмедовичем в Арзун.

Я кивнула и, набравшись храбрости, спросила:

— А можно вопрос? Мария говорила, что наших когда-то уже похищали. Это правда?

— Было дело. Кое-кто даже пытался дезертировать в пятидесятых годах. Потом их поймали и отдали под суд. Однако пропаж и похищений уже давно не было. И, — он покачал головой, — дело-то с душком. Прямо скажем, воняет от него, как из выгребной ямы. Тут явно замешаны Архейцы. А еще ходят слухи, что на территории Архейской торговой лиги были замечены хофу. Обрати внимание — истинные слуги демонов, а не просто Тени.

— А Тени и хофу не одно и то же, я правильно понимаю?

— Верно. Тени — это проекции. Для простоты понимания я их сравниваю с программой. Обычно у них есть задание, которое надо выполнить. Выполнили — развеялись. Или не выполнили, но все равно развеялись. А вот хофу... — Игнат нахмурился. — Они были когда-то людьми. Не нашего мира и не Шанлу. Но с ними что-то произошло и они потеряли душу.

— Как-то это уж очень мистически звучит, — недоверчиво заметила я.

— Согласен. Стар я становлюсь, сентиментальность прет! Но они действительно бездушны.

— Типа орков? — я сразу вспомнила разные фантастические фильмы.

— Хофу не орки, — возразил Игнат. — Да, они сильные, изворотливые и жестокие. Но смогли бы они почти захватить наш мир во время второй мировой войны, если бы не были хитры и умны? Конечно, нет. Это опасный враг! Хорошо, что они всего лишь слуги демонов.

С таблицей я возилась долго. Потом я внимательно рассматривала получившуюся сводную ведомость. Игнат, изучив документ, крикнул и сказал Мусе Ахмедовичу:

— Смотри, Сафин, что получается. В последние месяцы все дела на севере Империи поручались Тимуру. Он ездил один или с Павлом. Но часто все складывалось так, что он был один. Интере-е-есно.

Муса кивнул. И так немногословный, в присутствии Игната он старался вообще не говорить.

— Хорошо, — заключил Игнат. — Татьяна — молодец!

Он собрал все отчеты и бумаги в стопку. Пробежался глазами по документам личного дела Тимура и сообщил Мусе:

— Можем выезжать в Арзун.

— Муса Ахмедович, — неуверенно сказала я, — а можно к вам присоединиться?

Тот посмотрел на меня, наморщил лоб и, по всей видимости, собрался отказать, когда вмешался Игнат:

— Хорошая молодежь у тебя растет, Муська. Пытливая. Валентина Игнатьевна гордилась бы. Давай возьмем девчонку, когда-то ведь надо начинать выезжать. Почему бы не сейчас?

Муса подумал и кивнул:

— Собирайся. Выдвигаемся вечером: в Арзуне как раз будет ранее утро.

Наконец-то! Наконец-то я увижу местный город и жителей, возликовала я и радостно помчалась докладываться Марии.

— Поедешь на Мурзике, — распорядилась та. — Думаю, справишься.

Пока хитрая ящерица жевала очередное лакомство и косила на меня круглым оранжевым глазом, я быстро навешала на нее все необходимое. Прицепила сумку с запасом еды и спальник с пенкой.

— Это на всякий случай, — сказала Мария. — Не думаю, что все это тебе пригодится, но всегда положено брать с собой запас провианта и вещи на случай вынужденной ночевки.

Игнат вошел в конюшню как к себе домой. По-хозяйски огляделся и сообщил нам:

— Хорошо тут у вас. Пахнет травой. Я вот в Свердловске, который Екатеринбург сейчас, недавно был, так там чем только не воняет. Пришлось делать замечание личному составу. Позорники!

Он прошелся по залу и заглянул в каждый загон. Хмыкнув, оглядел Мурзика и прошел прямо к снежному барсу.

— Давно летал-то? — спросил его Муса. — Не забыл, каково это?

— Обижаешь, — ответил Игнат и ласково погладил Барсика по спине. — Как можно забыть полет на кошке?

Он посмотрел в спокойные голубые глаза огромного снежного барса.

— А помнишь, Барсик, как мы с тобой на Острова летали?

— Из нашей конюшни? — удивилась Мария.

— Было дело. Лет сорок назад. Я, конечно, тогда моложе был. Совсем юнец! Эх, мы тогда лихие дела провернули с островными!

— Это какие же? — любопытствовал Павел.

— Это те, которые под грифом «совершенно секретно», — многозначительно ответил Игнат.

Он делал все неторопливо и с удовольствием. Пока седлал барса, рассказал мне о том, как сам учился когда-то летать.

— Раньше так просто к животным не допускали. Только после экзамена, — Игнат протер щеткой спину Барсика и стряхнул одному ему видимую грязь. — А экзаменатором у нас был Маркин Владислав Сергеевич. Давно уж нет его, но меня, да и Сафина вашего потом, он учил. Ох и издевался над нами! То заставлял неделями дежурить на конюшне, то еду для животных таскать на себе. Волочишь ее на горбу с местного городишки, а он сверху на соколе или еще какой служебной птице круги наворачивает. И наблюдает, и покрикивает.

А ты потный, как мышь, руки отваливаются, спина ноет, а бросить нельзя.

— Зачем же так сложно? — удивилась я.

— А он был из армейских. Старая школа. Его Валентина к нам переманила еще в семьдесят пятом году. Точнее, к вам. У нас, ревизоров, конюшен-то нет. Это сейчас вы тут почти частная фирмочка, а раньше мы все были одной ведомственной организацией.

Муса, улыбаясь, слушал старые байки, при этом не забывая заниматься своим Колибри.

— А зачем еду так таскать? Можно же на телеге.

— Можно. Но Владислав Сергеевич считал, что если провинился, то тащи на спине. А как не ввязаться во что-нибудь, когда под рукой неизведанный мир, полный приключений? Так, Муса?

— Так, — вздохнул Муса и потер плечи. — Тяжелые корзинки-то были.

Игнат кивнул.

— Так вы без разрешения выходили на территорию Империи?! — в ужасе спросила я. — Но ведь это незнакомый мир! Вам не страшно было?

— Страшно интересно, — рассмеялся Игнат. — Ну сбегали пару раз. Было дело, что уж.

— Игнат, — нахмурился Муса, — ты мне так всю дисциплину развалишь.

— Да не бойся, не развалится тут ничего. Сейчас, как мне кажется, молодежь мало чем удивить можно. Тем более каким-то другим миром. Или я не прав?

— Меня удивило, — пожала плечами я.

Муса повернулся к Марии:

— Ты остаешься в отделе. Думаю, все пройдет без происшествий.

Игнат почистил барса, проверил лапы, осмотрел когти — нет ли сломанных или заноз.

— Хорошее седло, — одобрительно сказал он, закидывая снаряжение на спину Барсику, — не то что раньше.

Тот фыркал и порывивал, что по словам Марии означало нежное мурчание. Пытался ластиться к Игнату, толкал его круглой головой в плечо или в спину.

Когда животные были готовы, Муса Ахмедович, проверив мое снаряжение и запас кристаллов, лично нацепил мне на голову защитный шлем.

— Да зачем? — воспротивилось я. — Есть же защитный браслет!

— Отставить споры! Пусть будет. Минуем горы — снимешь. Местные, конечно, прекрасно знают, кто мы такие, но все же не стоит лишний раз привлекать их внимание.

Мужчины надели мягкие штаны из драконьей кожи, практически не снашиваемые, устойчивые к огню и воде и удивительно теплые, шерстяные жилеты, ботинки на шнуровке и полуплащи из той же кожи, что и брюки, поясные сумки с запасом кристаллов и камней и стандартный набор артефактов почтальона. Скорее всего у Игната было какое-то табельное оружие, но он нам ничего не показал.

Мне же в дополнение к полукомбинезону из той же самой драконьей кожи выдали серый шерстяной китель с меховым башлыком, беспалые дорожные перчатки и вязаную шапку.

— Потом наденешь, — сказал Павел, — там внизу уже не жарко.

Игнат легко и даже по-молодецки вскочил в седло Барсика. Сел так, как будто был продолжением спины кошки: вот что значит многолетняя выучка. Барсик слегка присел, напружинил массивные лапы и прыгнул. Изящно оторвал от земли свое длинное гибкое тело, развернул черные крылья и, обдав нас теплым воздухом, поднялся в небо.

Следом взлетел Колибри Мусы Ахмедовича. На какое-то время он завис в паре метров

над землей, крылья двигались так быстро, что их было не различить.

«Как гигантская муха», — совсем не поэтично констатировал внутренний Геннадий.

— Таня! — донесся сверху голос Мусы Ахмедовича. — Ты с нами?

Мурзик игнорировал мои понукания и даже свисток. Наклонив шипастую голову, он встал перед выходом с площадки и наотрез отказался идти по тропе в сторону Арзуна.

— Ах ты, упрямый осел, — разозлилась я.

— Таня, — крикнула Мария, — ты опять забыла?

Ах да! Для того чтобы Мурзик сошел с выездной площадки, необходима специальная команда.

— Хайра-а! — крикнула я.

И Мурзик рванул вниз по тропе, только взметнулись полы моего кителя и зашуршали мелкие камни.

Глава четырнадцатая

Мурзик, слегка раскачиваясь, уверенно бежал по тропе. Плавный ход успокаивал, и, постепенно привыкнув к нему, я огляделась вокруг.

Светало. Мы спускались вдоль склона гор в долину, пока еще скрытую от нас золотистым в первых лучах солнца туманом. Низкие и редкие хвойные деревья, каменисто-травянистые гряды, кое-где снег — пейзаж был довольно однообразным. Павел рассказывал, что станция находится невысоко в горах, но добраться по земле до нее не так-то просто: тропа, неширокая, а местами сильно узкая, вела через осыпные склоны. Кое-где еще встречались части старых полуразрушенных дорог и остатки каменных мостов, ведущих через высохшие русла рек.

Я оценила удобство перемещения на ящерице — там, где Мурзик не мог пройти, он прыгал или взбирался по острым камням.

Узкий горный серпантин скоро сменился широкой, явно исхоженной дорогой, пролегающей по дну небольшого ущелья. Мурзик наотрез отказался бежать по удобной натоптанной тропе и предпочел передвигаться по пересохшему руслу горной реки. Мария предупредила о том, что он может так себя повести, поэтому я спокойно доверилась ему, тем более река сейчас представляла собой мелкий ручей. Однако по количеству огромных валунов вдоль этого ручья можно было легко предположить, что тут происходит весной: он наверняка превращался в быструю и опасную горную реку.

Вдруг Мурзик резко остановился и, запрыгнув на широкий плоский камень, такой длинный, что целиком поместился на нем, высоко поднял голову и застрекотал.

«Ну чисто кузнечик!» — восхитилась я.

— Чего встал? — спросила я вслух.

Мурзик хрюкнул и снова застрекотал. Я решила, что настало подходящее время для разминки, и, расстегнув ремни, спрыгнула со спины ящерицы. Вновь встать на твердую поверхность было невыразимо приятно. Я наклонилась и осмотрела камень, на котором мы остановились: темно-бордовый, с серыми вкраплениями, похожий на яшму. Я потрогала его пальцем: он был твердый, холодный и немного пыльный, в общем, такой же, как на Земле. Я разочарованно хмыкнула.

К нам подлетел Муса Ахмедович. Колибри, шурша крыльями, завис в воздухе, словно гигантская стрекоза.

— За поворотом какие-то всадники, — сообщил Муса Ахмедович. — Они довольно далеко, но, думаю, нам лучше свернуть и обойти их. Интересно, куда это они направляются?

Я молча пожала плечами и продолжила топтаться на камне. Мурзик хрюкал и требовал лакомство.

— Устала? — поинтересовался Муса Ахмедович. — Шлем уже можно снять: самая опасная часть пути пройдена. Осталось немного, скоро покажется город.

Игнат, заметив, что мы остановились, стал снижаться, нарезая широкие круги высоко в небе. Спустившись, он спрыгнул на камень и вдруг схватился за спину.

— Что-то я увлекся! — охнул он.

— Ну кто так прыгает? — укоризненно спросил Муса. — Что за лихачество?

— Ничего не могу поделать: когда я поднимаюсь вверх, то забываю про возраст.

Старик весело сощурил помолодевшие, словно налившиеся голубизной глаза. Казалось,

он сбросил пару десятков лет: лицо порозовело, движения стали уверенными и резкими.

— Камень похож на яшму, — заметила я. — Неужели здесь горные породы такие же, как у нас на Земле?

— Нет, это не яшма, — покачал головой Игнат. — Названия не помню, но этот камень здесь довольно популярен и используется для изготовления украшений. А из таких крупных образцов раньше делали колонны в храме. Но это редкость. В старом разрушенном городе ты еще увидишь остатки былых исполинских колонн. Хотя... — он посмотрел на Мурзика. — Ты же на ящерице... Для того чтобы оценить их размеры, надо смотреть с высоты.

— Долго вы там беседовать собрались? — слышался сверху раздраженный голос Мусы Ахмедовича.

Он махнул нам рукой, показывая, что привал окончен и пора двигаться дальше. Я запрыгнула на Мурзика, и Муса, достав свисток, почти такой же, как у меня, с силой дунул в него. Мурзик послушно спрыгнул с камня. Всадников я так и не увидела.

Чем дальше мы продвигались, тем реже нам встречался снег. Наконец мы спустились в предгорье, кое-где еще покрытое зеленой травой и редкими кустарниками. Постепенно нам стали попадаться огромные деревья, настоящие исполины высотой до пятидесяти метров. С серо-зеленой хвоей, широкой кроной в форме зонтика и темно-серой корой, они напоминали наши кедры. Древесина удивительных гигантов в разломах ствола была ярко-оранжевого цвета. Я вспомнила, что местные жители называли это дерево «кайлу» — хвост дракона. Еще я читала, что оно почти изведено, а его масло обладает антисептическими свойствами.

Тропа словно выплеснулась из ущелья и развернулась в сторону города ровной и широкой дорогой. Чем ближе мы подходили к Арзуну, тем реже нам встречались гиганты кайлу.

Туман развеялся, и вдалеке, между холмами, показался Арзун, лежавший на берегу узкой реки. Муса говорил, что в городе проживает несколько тысяч человек и даже есть военная крепость. Население занималось заготовкой древесины, добычей магических камней и земледелием, товары сплавляли по реке на баржах в Империю.

Мурзик выбежал на пригорок, с которого открывался хороший вид на Арзун.

— Захолустный сельский городишка, значит, — пробормотала я себе под нос, разглядывая открывшуюся передо мной картину. — Вижу-вижу...

Жилые дома находились на левом берегу реки, правый занимали те самые развалины, о которых рассказывал Игнат.

Насколько я знала, когда-то на месте Арзуна был крупный город. Не торговый, конечно: караваны здесь не ходили, да и торговать в горах было не с кем. Тут находилась крупная шахта, в которой добывали кристаллы. Отмеченный благосклонностью Тэнлу, или Призрачного дракона, город был украшен одним из крупнейших его храмов. Но со временем все изменилось: сначала иссякло месторождение кристаллов, а потом сильное землетрясение разрушило почти все поселение и сам храм. Можно было отстроиться заново и заложить новый город, еще больше прежнего, но война изрядно проредила народ Империи, многие поселения хирели, что особенно было заметно на периферии. И чего нельзя было сказать о центральной и северной частях Империи, которые активно торговали с соседями и продолжали развиваться.

Старая, разрушенная половина города была значительно больше современного поселения. Среди груд мелкого щебня валялись огромные куски камня, которые когда-то были элементами зданий, местами на земле выступали мозаичные плиты, блестящие и

переливавшиеся в лучах солнца.

Размеры разрушенных домов поражали даже издали. То, что уцелело, тоже впечатляло: колонны из оранжевого и темно-бордового камня не меньше двадцати метров в высоту, остатки каких-то торговых дворов с аркадами, развалины дворца, древние алтари, оборонительная насыпь и разрушенный каменный мост через реку. Кое-где виднелись расчищенные участки: вероятно, горожане выносили какие-то камни или кирпичи, которые можно было использовать для строительства нового города.

— Да тут прямо древний Рим! Неужели здесь не ведут никаких раскопок? — спросила я у Мурзика. — Сюда бы наших археологов... Хотя, наверное, тут уже все растащили. Эй, ты меня слушаешь?

Мурзик что-то жевал и равнодушно таращился вниз круглыми оранжевыми глазами.

Новый город отстроился на другом берегу реки. На склоне холма гроздьями висели домики горожан. Я присмотрелась: одноэтажные глинобитные сооружения с плоскими крышами, которые у нас назывались саклями, террасами спускались к равнине, где располагались уже более добротные каменные дома.

Двести лет назад, в период расцвета Империи, гарнизон Арзуна был форпостом западной части страны. Когда-то высокая стена, окружавшая город, теперь была частично разрушена. Ширина верхних площадок достигала не менее трех метров: надо полагать, там когда-то стояли воины с оружием. Сейчас все находилось в плачевном состоянии: стена пустовала, на ней уже давно никто не нес стражу. Видимо, не хватало людей или не было необходимости.

Мурзик стал спускаться к деревянным воротам. За городской стеной виднелись одноэтажные и двухэтажные дома из желто-коричневого или серого камня. Оранжевые и зеленые двускатные крыши с приподнятыми краями напоминали пагоды. Казалось, они парили над городом, словно птицы, распластавшие крылья.

Между домами росли деревья; кое-где листва уже пожелтела или покраснела. Издали Арзун казался необычайно ярким. Самое высокое здание в городе — храм — безошибочно угадывалось по широкой квадратной колокольне, украшенной фигурой дракона, выточенной из какого-то ярко-голубого камня.

У ворот нас с Мурзиком уже ждали Муса Ахмедович и Игнат. Было раннее утро, никого из местных видно не было.

— Оставим животных и птицу в гарнизоне на входе. Нам отведены специальные стойла, — пояснил Муса.

— Да-а-а, — протянул Игнат, — любят вас тут. Вот в Тире вы не встретите такого хорошего отношения.

— А почему? — спросила я.

— Дела давно минувших дней! — ответил Игнат. — Лет шестьдесят назад случился в Империи голод. Тут, на западе, население небогатое, в неурожай сильно не хватало продовольствия. Короче говоря, люди начали умирать. Наши отправили в Арзун гуманитарную помощь и многих тогда спасли. Вот с того времени здесь, в Арзуне, и в окрестностях к нам особенное отношение.

Я указала на одноэтажные глинобитные сакли на склонах:

— А там кто живет?

— В основном беднота: шахтеры, наемные рабочие, разорившиеся крестьяне. Летом там неплохо, но вот в холода домишки эти сильно промерзают. Хорошо, что зимы здесь

короткие, снег лежит недолго, но вот ветер... — Игнат поежился. — Гадость, в общем.

Мы подошли к городской стене. Когда-то она была защитной, но сейчас в широкой каменной кладке входной арки местами не доставало камней. В дырах зияла темнота, а кое-где я заметила застывший потрескавшийся раствор: вероятно, местные иногда все же предпринимали попытки отремонтировать крепость.

Навстречу нам вышли два тэнгуна, и я смогла наконец разглядеть первых встретившихся мне жителей Шанлу. Воины были одеты в плотно облегающие в талии темно-зеленые стеганые полукафтаны с узкими длинными рукавами и широкие темные штаны, заправленные в высокие сапоги. Из-под кафтанов выглядывали воротники синих нательных рубаш. Поверх кафтанов тэнгуны носили пластинчатые доспехи до колен с разрезами спереди и сзади. Талию перехватывал оранжевый наборный пояс с саблей. Я, впервые в жизни видевшая холодное оружие, с интересом разглядывала ножны и торчащие из них рукояти, удивляясь тому, как эти кривые мечи не мешают им ходить.

Принадлежность к воинской касте определялась длиной волос — простолюдины и торговцы обязаны были их коротко стричь, — а положение воина в армии, или, по-нашему, звание, — количеством и видом бляшек и пряжек на поясе. У молодого они были простыми, с грубой шероховатой поверхностью и без орнамента, что означало невысокий ранг среди воинов. Проще говоря, он был обычным рядовым, или лунче — «чешуйкой дракона». Его черные волосы были тщательно убраны в высокий хвост.

У второго тэнгуна пряжки были гладкими и блестящими, но тоже без какого-либо рисунка. Звание второго воина было явно выше, но я не смогла его определить: не хватало знаний.

«Надо будет потом спросить у Игната», — решила я.

Стражники были похожи, как отец и сын: оба довольно высокие, белокожие, с очень светлыми голубыми, слегка раскосыми глазами. Тот, что старше, был совершенно седой, лицо его покрывал густой красно-коричневый загар.

Я зачарованно рассматривала тэнгунов, которые хмуро переводили взгляд с нас на животных. Потом пожилой узнал Мусу Ахмедовича и поприветствовал его, радостно улыбнувшись и продемонстрировав провалы на месте передних зубов. Время учебы для меня не прошло даром: я хоть и с трудом, но понимала его.

— Су-шен Муса, старый друг, какими ветрами?

Пока Муса Ахмедович отвечал на приветствие в соответствии с церемониальными обычаями, царившими в Империи, я продолжала глазеть по сторонам. Вытянула шею и постаралась заглянуть подальше, в арку. Наконец Игнат сказал мне:

— Свернешь шею-то! Сейчас пройдем дальше и спокойно все рассмотришь.

Пожилой тэнгун все задавал вопросы Мусе, интересуясь его здоровьем, делами на работе и желая ему множество сыновей. Похоже, они были давно знакомы, иначе обошлись бы вежливым поклоном. Муса обстоятельно отвечал собеседнику и встречно желал ему всех благ.

Молодой тэнгун все это время стоял молча: здесь не полагалось разговаривать, пока тебя не спросят или пока ты не получишь разрешения от старшего.

Хорошо, что Муса Ахмедович еще на территории Цеха разъяснил мне обычаи общения в Империи. В присутствии посторонних важно соблюдать церемониал. Особенно строго к этому относились простолюдины: можно было нанести собеседнику непоправимую обиду, если нарушить обычай.

— По их мнению, церемониал должен формировать образ мыслей благородного человека. А это, в свою очередь должно продвинуть его в обществе. Для них важно почитание и уважение, хотя это больше внешнее. Между собой они общаются очень просто, почти как мы, — говорил Муса.

Сказав все необходимые слова, Муса и старший стражник пожали друг другу руки и обнялись.

— Куда-то по делу, су-шен Муса? — уточнил стражник. — Зверей оставь здесь. Присмотрим. Калим! Отведи животных наших гостей.

Молодой кивнул и, подхватив поводья Барсика, Колибри и Мурзика, увел их куда-то вглубь крепости.

— А Калим-то какой стал! — заметил Муса.

— Да, — кивнул стражник, — младший из племянников. В этом году встал в строй. Выросли дети-то, су-шен. Незаметно время пробежало.

— Да ты сам еще молод, тхэ! Какое время, о чем ты?

— Внуки уже служат, — покачал головой тхэ. — Это у вас все по-другому, а мы измеряем время по ветвям.

Мы с Игнатом, оставив Мусу Ахмедовича разговаривать с тэнгуном, прошли в город. Мостовая, выложенная стертým камнем, змеясь, вела в сторону домов.

— Смотри-ка, до сих пор цела, — топнул по ней Игнат, — держится Арзун еще. Даже мостовая сохранилась.

— Думаете, тут все так плохо? Вроде городок выглядит хорошо.

— Да обветшало здесь все, — отмахнулся он. — Посмотри хотя бы на стену. Да и стражники одеты в неполный комплект формы.

Я с удивлением взглянула на Игната: как он все это заметил?

— Ну а как же, — ответил он на мой немой вопрос. — У них даже рубаха нательная не шелковая.

— А зачем шелк? — удивилась я. — Осенью в нем, наверное, холодно.

— Так он не для тепла. Шелковая рубаха — обязательный атрибут формы тэнгуна. Даже самого мелкого лунче. Она защищала от стрел.

— Да ладно. Шелк?

— Ну, не от стрел, а от их зазубрин. При попадании шелк утягивало в рану вместе с наконечником стрелы. Вытащить ее сложно: серьезная травма возникает именно при ее извлечении. А с шелком вытянуть наконечник несложно.

«А где шелковая рубаха почталъонов?!» — трусливо спросил внутренний Геннадий. Игнат, словно услышав его вопрос, улыбнулся и напомнил мне, что нам бояться особо нечего: наша защита легко отразит несколько стрел.

— Главное, проверяй заряд кристаллов и не забывай вовремя их заменять! — подмигнул он мне.

Игнат огляделся и несколько раз глубоко втянул носом воздух.

— Чувствуешь запах?

— Пахнет костром, навозом и еще чем-то, не могу понять чем, — поморщилась я.

— Осенью пахнет. Тут, в Арзуне, выращивают фрукты, похожие на яблоки. Вот ими и пахнет.

Игнат оживленно вертел головой, с жадностью рассматривая город. Временами он морщился и хватался за спину: вероятно, тот прыжок с Барсика давал о себе знать.

Вскоре к нам присоединился Муса.

— Ну что, пошли дальше? — спросил он.

— Да, сначала дела, — кивнул Игнат. — Кто сейчас тут начальник стражи? Все еще лувэй Гиззат?

— Он самый, — улыбнулся Муса Ахмедович. — Непотопляемый, хитрый и живучий.

— Ну и слава богу. Этого старого прохвоста я хорошо знаю.

Глава пятнадцатая

Мы шли по внутреннему двору гарнизона, и всюду я замечала признаки бывшего величия: в сохранившихся мощных плитах, которыми был еще кое-где выложен пол, в потемневшем портике с шестнадцатью колоннами, установленными в четыре ряда, в широких арочных проходах во внутренний двор и толстой кладке стен. Летом здесь, наверное, было прохладно, сейчас же — сыро и холодно. Я с завистью посмотрела на залитую лучами утреннего солнца площадку, на которой тренировались с десятков тэнгунов. Вот кому было тепло! Босые, облаченные лишь в рубахи и штаны, они сначала бегали, а потом, взяв в руки палки, стали отрабатывать боевые приемы. Крепкий немолодой воин кричал:

— Лу!

— Тэ, — приседая и вытягивая толстую палку, орали юнцы.

— Лу!

— Тэ!

Мне казалось, что я уже неплохо разбиралась в магических камнях и кристаллах, но военное искусство было для меня темным лесом. Поэтому на тренировки я смотрела с уважением и в изумлении выслушала, как наставник обругал молодых лунче «медленными, как беременные пьяные хофу, сдохшие неделю назад».

— Да, — кивнул Игнат, словно соглашаясь с наставником, — тут еще скакать и скакать до хоть какого-то умения. Я смотрю, Кубат жив и здоров и все так же гоняет молодняк.

— Ничего, научатся, — спокойно ответил ему Муса Ахмедович. — Вспомни, с чего начинал сам Кубат: вечно все выпадало из рук.

— Помню, конечно. Да только народу-то почти нет на плацу. Полторы калеки суетятся! Где гарнизонные лунче?

— Уехали, может, — пожал плечами Муса, — тут ни карьеры не построить, ни денег заработать. Сам знаешь, западная часть Империи — почти ссылка для неугодных. А с тех пор, как южные караваны стали ходить через Дэон, торговля здесь совсем встала.

Мы поднялись по старой скрипучей лестнице в кабинет начальника гарнизона, Игнат толкнул ногой толстую деревянную дверь, зашел внутрь и громко сказал:

— Тэнлу над головой, лу-вэй Гиззат! Как поживаешь, старый добрый тхэ?

В маленькой тесной комнате с низким потолком и узким оконцем дремал за столом немолодой мужчина. Он поднял голову и, узнав Игната, расплылся в широкой улыбке, резво вскочил, подбежал к нему и пожал его ладонь обеими руками, а потом и вовсе обнял, как старого доброго друга. Гиззат был невысокий, но мощный, с длинными руками и короткими кривыми ногами, с небольшим пучком седых волос на темени и носом картошкой. Узкие, глубоко посаженные глазки посверкивали на смуглом красноватом лице, а смешные треугольные брови придавали ему какой-то удивленный вид. В комнате пахло перегаром и было довольно грязно.

— Подожди, тхэ, — прервал Игната Гиззат. Он подошел к окошку, одним движением сорвал тонкую прозрачную занавесь и, высунувшись наружу, проорал:

— Жиглай! Быстро ко мне!

— Мощно, — восхитился Муса Ахмедович. — Вот бы и мне так уметь!

У меня от вопля Гиззата зазвенело в левом ухе. Тот повернулся к нам и неожиданно заметил меня: немедленно приосанился, поправил глубоко запахнутый зеленый полукафтан

с пуговицами у ворота и ярко-оранжевым поясом с блестящими узорными пряжками.

— Прошу прощения, шені! Не знал, что с этими старыми волками ко мне пожаловал такой прекрасный цветок.

Я постаралась не рассмеяться, рассматривая невысокого лу-вэя, который макушкой едва доставал мне до плеча.

Жиглаем оказался помощник Гиззата, которого тот немедленно разругал за то, что не доложил ему, кто пожаловал в Арзун.

— Быстро за Гойко, — уже тише приказал Гиззат. — И направо какого-нибудь шустрого лунче ко мне домой: пусть ждут меня с гостями. А еще лучше — тащи сюда мой запасец!

— Так эта-а... Я эта-а... Супруга ваша, эта-а... — несмело начал Жиглай, вытягиваясь в струнку и тараща глаза. — Эта-а-а...

Но Гиззат только сверкнул глазом в его сторону, и помощника тут же унесло за «запасцем».

— Нет, нет, — замахал руками Муса, — мы по делу и сразу уходим.

Гиззат, усмехнувшись, повернулся к Игнату:

— Куда спешить, старый волк? Вы, Почтовые, вечно слишком торопитесь, это ни к чему хорошему не приводит: ни вкуса еды, ни времени не чувствуете. Посидим, полечим спину, обговорим ваши дела...

Во внимательности опытному воину отказать было нельзя. Лу-вэй сразу заметил осторожную походку Игната и то, как он берег поясницу. Я с невольным уважением посмотрела на «непотопляемого, хитрого и живучего» начальника гарнизона.

Гиззат, потирая руки, рассадил нас вокруг своего стола и с радостным видом вытянул из-под него бутылку с какой-то подозрительной белесой жидкостью.

— Яблочная самогонка? — понюхав пробку, оживился Игнат. — Сто лет ее не пил.

— Засиделся ты, волчара, в своем мире! Сколько лет мы не виделись? Десять? Восемь?

— Шесть, — ответил Игнат, с интересом наблюдая за тем, что извлекал из корзины расторопный Жиглай: горшочек с растопленным маслом, ягодный мед, тарелки с овощной закуской, куски вяленого мяса, нарубленного толстыми ломтями, пучок какой-то зелени и еще что-то, ужасно воняющее тухлыми яйцами. Это вонючее нечто привело Игната в невероятный восторг. — Да неужели это квашеный гуун?

Квашеный гуун был размазан по дну чашки и выглядел так, будто туда стошнило кошку.

— Он самый! — расплылся в улыбке Гиззат. — Только вчера наконец стух до нужного вкуса!

— Друзья, это знаменитый местный деликатес, — «обрадовал» нас Игнат. — Нечто вроде тухлой исландской селедки, но гораздо вкуснее, поверьте! Но пробовать не заставляю, — добавил он. — В первый раз, помнится, меня с него несло дней пять. Да-а, это было что-то!

— Я пробовал, — кивнул Муса. — Не оценил, извините.

— Это потому, что ты тогда мало самогона выпил! Или эту вашу пил, как ее, водку! Я пробовал ее тоже. Нет, не то — слабовата! Вот он, напиток настоящих мужчин! — воскликнул лу-вэй.

Он вытащил откуда-то из-под стола три глиняных кружки, подул в них, понюхал, задумался, почесал голову, потом еще раз дунул и, удовлетворенно хмыкнув, поставил их на стол.

— Муса? Нет? Шені не предлагаю, или...

Я поспешно помотала головой, с содроганием вспомнив свои взаимоотношения с крепким спиртным. Нет, спасибо! Те жуткие похмелья со свадьбы брата, а потом с выпускного в институте запомнились мне надолго. Брат потом сказал, что в нашей семье все плохо переносят алкоголь, тем более крепкий.

Тем временем Гиззат снова подошел к окну и проорал:

— Жиглай!

Дверь немедленно распахнулась, и внутрь просунулась косматая голова. У Жиглая были густые кудрявые рыжие волосы, которые он убирал в хвост, однако отдельные волоски курчавились вокруг его круглой головы, образуя пушистое облако.

— Чаю для су-шен и шенí. И это... лепешки где?!

Жиглай кивнул и испарился.

— Он из островных, что ли? — удивился Игнат.

— А, — махнул рукой Гиззат, — брат привез жену с Островов. Вот теперь рыжих нарожали — породу испортили!

Я посмотрела на нос-картошку и глубоко посаженные глаза лу-вэя и решила, что такая испорченность его породе не повредит. Похоже, Игнат был со мной согласен:

— Зато островные умны и способны к магии!

Но Гиззат только махнул рукой и плеснул самогон на дно кружек. Они выпили, посидели некоторое время с блаженными лицами, закрыв глаза и дыша открытым ртом. Потом каждый взял по ломтику какого-то овоща, макнул в тухлую «замазку» и, отправив его в рот, захрустел. В комнате завоняло еще сильнее. Я отвернулась к окну и принялась грызть ломтик мяса.

Закусив, Гиззат начал обстоятельно рассказывать о том, как идет расследование пропажи Тимура.

— Деньги твои, су-шен, я потратил на нужного человека. Есть у нас тут в окрестностях один прохвост. Из воров, конечно, но доверять ему можно. Да ты, может, его знаешь? Он из Тира, потом в столице промышлял, а теперь в ищейки к нужным людям подался. Ну, как подался... Я пристроил, пока ворье его не порезало, — сказал Гиззат и вздохнул: — Мать его знал когда-то. Красавица была! Роскошная женщина! На одну грудь приляжешь, другой накроешься! А глаза! Эх...

Лицо Гиззата приняло отрешенное мечтательное выражение, и я попыталась представить его молодым и влюбленным. Выходило как-то не очень. Лу-вэй поймал мой взгляд и сконфузился:

— Шенí, прошу извинить!

Он плеснул себе еще самогонки, выпил и, помотав головой, смахнул выкатившуюся из глаза слезу.

— Сын у нее был единственный. О нем она попросила меня, когда поняла, что долго не проживет: присмотри, мол, если что.

— Он что-то узнал? — насторожился Муса.

— Да, — кивнул Гиззат. — Сейчас придет и сам все расскажет.

— А вы сами-то начали официальное расследование? — поинтересовался Игнат.

— Хотели, — Гиззат поморщился, — но сверху постучали и велели тянуть время.

— Это кто же?

Гиззат поднял глаза кверху и пожал плечами. Муса, похоже, прекрасно все понял и нахмурился.

— Кто-то из столицы? — вскинул брови Игнат. — С чего бы это? Простой почтальон, стандартный запрос...

— Что-то готовится, — буркнул Гиззат. — Нам совсем перестали выделять деньги. Народ разбежался. Сидим тут с полусотней недомерков... И кого мы остановим, если что случится?

Тут запахнулась дверь и появился Жиглай с закопченным чайником и стопкой пышных румяных лепешек в руках.

— Эта самое... Вот... еще теплые...

— По уставу обращаться надо! — рявкнул Гиззат. — Разбаловался! «Эта самое»... — сварливо передразнил он племянника.

Вслед за Жиглаем в комнату просочился второй молодой человек: худой, среднего роста, с короткими светлыми, стриженными как у лавочника волосами, серыми невзрачными глазами и невыразительными, словно стертymi, чертами лица.

— Вот он, — кивнул на юношу Гиззат, — Гойко.

Гойко быстро оглядел нас и, остановившись взглядом на Мусе Ахмедовиче, вдруг низко поклонился ему:

— Су-шен, рад встрече!

— Все-таки вы знакомы, — с каким-то удовлетворения заметил Гиззат. — Я так и думал.

— Когда-то встречались, — кратко ответил Муса и не стал посвящать нас в подробности.

Он подошел к Гойко и крепко пожал ему руку:

— Какими судьбами в Арзуне? В столице не сложилось?

Пока Муса расспрашивал Гойко о жизни, я отвлеклась на необычное шуршание в поясной сумке.

«Странно, что это может быть? Я вроде все вещи проверила перед отъездом», — подумала я и, осторожно приоткрыв сумку, сунула внутрь руку. Пальцы наткнулись на что-то мягкое, теплое, пушистое и явно живое.

«Ой, нет... Спотыкач! Как ты сюда пробрался?» — обожгла меня лихорадочная мысль.

Что же делать? Муса вроде не запрещал брать Спотыкача с собой, но и не разрешал. А если кто-то заметит? Как же он так незаметно пролез? Я осторожно осмотрелась: все были заняты едой и разговорами. Я отломил кусок лепешки и сунула его в сумку, откуда сразу раздалось сопение и довольное чавканье.

«Надеюсь, пронесет», — подумала я.

Лепешки было невероятно вкусные: мягкие, теплые, посыпанные сверху какими-то орехами и свежей зеленью. Чай — травяной напиток с мятным вкусом — тоже оказался неплох: освежал и бодрил.

Я прислушалась к тому, что говорил Гойко: выходило, что Тимура сейчас не могли найти ни в Арзуне, ни в Дэоне. Никто его не видел и ничего не слышал о нем уже несколько недель.

— А чего он в Дэоне-то забыл? — удивился Муса Ахмедович.

— Да так... — замялся Гойко. — Женщина там у него.

— Ты знал? — Игнат резко повернулся к Мусе.

— Догадывался, — нехотя ответил тот. — Ну, Тимур! Да-а-а... Он развелся несколько лет назад, — пояснил Муса. — Потом говорил, что встретил наконец ту самую. А кто же

знал, что она отсюда!

— И давно он тут семью имеет? — спросил Игнат у Гойко. — Узнавал?

— Да не семья это, — отмахнулся Гойко. — Обряд-то не проводили. А так — давно уже. Тимур ей купил домик. Его даже соседи помнят. В общем, знали его в Дэоне. Многие знали.

— А кто она?

— Да вдова какая-то. Бездетная, молодая. Муж из тэнгунов был, да погиб несколько лет назад. Лавка у нее сейчас.

— Давай дальше выкладывай, — поторопил Гойко Гиззат, — там еще есть кое-что.

— Да, — кивнул Гойко. — Она некоторое время на севере жила. Оттуда вернулась с Почтовым вашим. И осела в Дэоне.

— На севере... — задумчиво повторил Муса. — Там, значит, она и встретила Тимура. Интересно... Надо бы, конечно, поведать ее. Она, выходит, последняя, кто мог его видеть.

— Дашь человечка до Дэона? — повернулся Игнат к Гиззату, лицо которого после выпитого стало багровым, а нос словно увеличился в два раза.

— Хорошо, — кивнул тот. — С недельку подожди, как раз вернется парочка молодых и шустрых лунче. Ну и Гойко с вами пойдет, так?

Гойко кивнул. Он сел за стол и принялся уплетать лепешки, овощи и мясо, активно запивая еду чаем.

— Наш человек, — ткнул в Гойко куском мяса Гиззат, — выдался случай поесть — никогда не откажется. Впрок будет есть, если что.

— Ну а вдруг потом не получится подкрепиться, — отозвался Гойко с набитым ртом. — Надо пользоваться случаем.

Он полил кусок лепешки растопленным маслом, потом — красным горьковатым медом и, свернув лепешку лодочкой, отправил ее целиком в рот, зажмурившись от удовольствия.

Игната и Гиззата хорошо развезло от выпитого. Посмотрев на них, Муса Ахмедович скрепя сердце согласился провести остаток дня в Арзуне и переночевать в доме лу-вэя, чтобы на рассвете уйти в Казань отдохнувшими и протрезвевшими.

Из кабинета Гиззата мы вывалились только после обеда. Впереди шли Гиззат с Игнатом, громко смеясь и вспоминая прежние дела. Жиглай выглянул из-за угла и проводил начальника круглыми совиными глазами. Тот шагал в обнимку с Почтовым и громко вопрошал:

— А бани? Помнишь как мы в бани ходили?

— А Боо-Лун? — не отставал Игнат.

Белки его глаз покраснели, и от этого сами глаза казались ярко-голубыми и блестящими.

— Боо-Лун, да-а-а! Вот это красавица была! — кивал головой Гиззат и смеялся.

Я с удовольствием наблюдала за ними. И только Муса Ахмедович раздраженно ворчал, высказывая то Гиззату, то Игнату.

— Ну чего ты начинаешь, Муська, — успокаивал его Игнат. — Ну побудем здесь денек. Ничего страшного!

— Ты пойми су-шен, — махал руками Гиззат, — когда мы с волчарой в следующий раз еще встретимся? Может, снова через шесть лет! За это время у меня внуки появятся! Ветви вытянутся, а сам я, может, в корень уйду совсем. Или Тэнлу призовёт.

В конце концов Муса плюнул и пошел рядом со мной и Гойко. Гойко молчал, иногда

только косился на мою сумку и исподтишка рассматривал Игната. Но вопросов не задавал.

Еще даже не начало темнеть, а мы уже легли спать: шутка ли, столько времени пробыть на ногах, да еще преодолеть тяжелую горную тропу. Я с наслаждением вытянулась на узкой кровати, стоявшей в комнате, которую мне отвела жена лу-вэя — милостивая спокойная женщина, встретившая нас на пороге дома и не сказавшая ни слова упрека раскрасневшемуся Гиззату. Приняли нас очень хорошо и доброжелательно. Дом был небольшой, хоть и двухэтажный. Мужчин уложили внизу, а мне выделили комнату прислуги — маленькую, но зато я в ней была одна. Я так устала, что даже не сильно рассмотрела интерьер дома.

«Завтра, — подумала я, — все завтра увижу».

Войдя в комнату, я первым делом заперла дверь и вытащила из сумки Спотыкача, который все это время тихо спал.

Я разгладила шершавое сероватое постельное белье (оно немного колелось), взбила тонкую подушку. Матрас был тощий и, похоже, набит какой-то травой. Низкий потолок был обит досками, окно закрыто деревянными ставнями, стекла отсутствовали. Перед сном я проверила все свои кристаллы, заменила разряженные и поставила их на подзарядку.

Спать хотелось ужасно, но уснуть никак не получалось. Мне вспомнилось, как мы все шли по улицам Арзуна с их одноэтажными домами, сложенными из крупного камня, похожего на песчаник, с низкими, но при этом довольно широкими окнами, кое-где застекленными или затянутыми каким-нибудь прозрачным материалом. Яркие черепичные крыши с загнутыми краями придавали зданиям парящий вид. Их строили так, чтобы образовался внутренний дворик.

— А это что? — я указывала на статуэтки драконов на коньках крыш.

Сделанные из какого-то синего камня с белыми прожилками, они были чудо как хороши и словно повторяли цвет неба. Дракон, раскинув крылья и выгнув шею, смотрел с каждой крыши ярко-оранжевыми глазами.

— Тэнлу — Призрачный дракон, — пояснял Муса, — местный защитник.

Тэнлу был на каждом доме. Там, где не было статуэтки, изображение нанесли на стену, причем обязательно синей краской.

— По легенде он прозрачный и синий одновременно. Дракона не видно, пока он летит высоко в небе. Но когда он открывает глаза, то становится заметен.

— Красиво, — восхищенно вздыхала я.

Каменная мостовая обрывалась сразу за воротами, узкие дороги были посыпаны чем-то вроде песка либо закрыты досками. По улицам ходили горожане, ездили телеги. Лошадки, коренастые, с довольно короткими ногами, очень спокойные, покачивали большими головами в такт шагу. Гривы их были коротко подстрижены.

— Невысокие кони-то, — замечала я. — А пестрые какие!

— Арзунские лошадки ценятся в империи: они очень выносливые и умные, — отвечал Муса.

Вся эта пестрота и суета, грохот колес, крики людей, ржание, визг бегающих вокруг детей, — все смешалось в какую-то вереницу отдельных кадров: сказывалась усталость и обилие впечатлений.

В моей памяти отпечатались три человека. Первый — старик, одетый в поношенный стеганный кафтан с застежкой у ворота, напоминающий монгольской халат и подпоясанный узким поясом. Его седая борода, довольно редкое явление в Арзуне, была неровно подстрижена, кустистые брови почти скрывали светлые глаза. На голове он носил

войлочную шапку, отороченную серым мехом.

Вторая — молоденькая девушка, невысокая, одетая, как и многие горожанки, в длинное темно-синее платье и шерстяную жилетку, расшитую узором в виде оранжевых языков пламени. Ее длинные светлые волосы были заплетены в две тугие косы.

И еще я запомнила высокого худощавого молодого человека в полукафтани с пуговицами впереди, из-под которого выглядывала серая длинная сутана, отделанная темно-зеленой каймой. Муса назвал его служителем храма Тэнлу — чилуном. Он долго шел за нами: то ли ему было по пути, то ли специально наблюдая за незнакомцами. В конце концов он свернул в сторону храма.

И все это периодически сопровождалось низким, тягучим звоном колоколов, который словно стелился по земле, поднимая пыль и заглушая отдельные голоса.

Я вздохнула, погладила Спотыкача, который что-то просвистел мне в ответ, и уже собиралась задуть свечу, чтобы лечь спать, как вдруг заметила, что из сумки выглядывает какой-то кулек.

— Ты что-то прихватил с собой? — спросила я с нарка, разворачивая бумажный сверток.

Из него выскользнул крупный темно-красный кристалл. Тот самый, который я когда-то нашла в мастерской.

Глава шестнадцатая

Я вышла из вагона метро на станции «Яшьлек». Говорят, когда-то над ней располагался магазин «Юность», в честь которого ее и назвали. «Яшьлек» — единственная станция, название которой не имеет перевода. Хотя она и названа «Юность», ничего, что бы это подтвердило, я в ней не заметила: станция была оформлена в самом что ни на есть классическом стиле.

Она всегда выглядела очень просторной и светлой из-за отсутствия колонн, но сегодня ее темно-коричневый мрамор на стенах казался темно-вишневым, почти черным, а потолок низким, словно просевшим. Я протерла глаза — может, не выспалась, вот и чудится. Под сводом станции тянулся длинный ажурный модульный светильник. Его узор всегда напоминал мне снежинки, хотя все считали, что это восточный орнамент.

Муса Ахмедович послал меня с документами в тридцать девятое казанское отделение Почты России, которое находилось в старой сталинке на перекрестке улиц Гагарина и Декабристов. Довольно известное место в городе.

Шестиполосная Декабристов — улица очень шумная. Машины, трамваи, автобусы, троллейбусы, — все куда-то неслись. Все гудело и грохотало, дул ветер, спешили по своим делам люди: утро понедельника обещало суету, много работы, длинную неделю и нескорые выходные. Я поплотнее запахнула плащ и поспешила в сторону отделения: от станции еще надо было прилично шагать, пока доберешься до почты.

Начиналась Декабристов от реки Казанки с Кремлевской дамбы и, изгибаясь, тянулась несколько километров через Московский район, соединяя старую Казань с той ее частью, где располагались известные предприятия авиационной промышленности. Несмотря на шум, место это довольно приятное, особенно в районе станции «Яшьлек»: широкие тротуары, скверы, невысокие дома.

Я любила Казань за ее простор: места тут не жалели. Город не жался и щедро развернулся на берегах двух рек: Волги и Казанки. Небо здесь всегда казалось мне низким и словно перевернутая тарелка сводом накрывало город.

Подгоняемая промозглым ветром, я довольно быстро добежала до перекрестка, на котором находился знаменитый дом с сохранившейся еще с советских времен вывеской «Почта, телеграф, телефон». Кроме этого он был известен домом-близнецом, находившимся прямо напротив него. Оба они, возведенные в середине прошлого века, напоминали ворота, через которые можно было заглянуть в ту эпоху. Две семиэтажные башни с четырехэтажными домами-крыльями вдоль двух улиц смотрелись и в самом деле как портал в прошлый век.

Я быстро закинула документы в отделение и не дожидаясь, пока меня нагрузят еще чем-нибудь, рванула на выход.

Я давно хотела зайти во двор какого-нибудь из этих домов. Дворы сталинки отделялись от шумной улицы Декабристов арочными проездами, которые отсекали ее гул так хорошо, что на секунду мне показалось, будто я оглохла. Здесь были тихие старые дворы с палисадниками, заросшими высокой травой, кленами и высоченными тополями. Ветер остался с той стороны дома, а здесь солнце тут же ласково согрело макушку. В доме была пекарня и пахло сладкими плюшками с изюмом и сахарной корочкой. Одуванчики, цветущие как сумасшедшие, старые детские качели, открытый балкон, на котором

развалилась ленивая кошка, свист зяблика, припаркованные возле подъездов машины, ржавые ограды палисадников, сирень... Сирень?! В конце ноября?!

Я оглядела зелёную траву, едва распустившиеся молодые листочки на деревьях, одуванчики и кисти сирени, свой легкий плащ и старые кеды — как такое может быть?! Словно услышав меня, за домом что-то грохнуло — вероятно, грузовик наехал на яму. Я оглянулась, а когда повернулась назад, увидела уже голые осенние ветки, снег и черный мокрый асфальт двора с прилипшими к нему ярко-желтыми опавшими листьями. Но плащ и кеды остались прежними.

«Вот же тебя глючит», — каркнул внутренний Геннадий.

Я вдруг почувствовала, что очень сильно замерзла, и, выйдя через арку обратно к проезжей части, задумчиво огляделась: куда бы повернуть, чтобы быстрее уехать. По фасаду дома, словно от облака, скользнула крылатая тень. Я задрала голову, холодный ветер обжег уши и нос, обдал мурашками и унесся ввысь. От холода сразу захотелось чаю, горячего супа и теплого одеяла. Люди, одетые в теплые куртки, сапоги и шапки, продолжали бежать по тротуарам, накинув капюшоны или замотавшись шарфами. Одна я стояла дрожащим замерзшим столбом посреди улицы и недоуменно вертела головой. Да что вообще происходит?! Скоро меня уже колотило такой дрожью, что, когда я попыталась достать телефон, он чуть не выпал из рук. Втянув со свистом воздух, я усилием воли уняла дрожь и достала сотовый. Но включить не успела: снова что-то грохнуло.

— Да что это за грохот такой?! — пробормотала я и, прищурившись, посмотрела вдоль улицы. Высоко в небе, со стороны старой части города, дрожащей дымкой мерцало далеко впереди какое-то прозрачное марево. В лицо ощутимо пахло теплом: со стороны реки что-то несло туманной вязкой мутью и плавило все вокруг.

Миг — и оно уже почти рядом. Призрачное пламя взметнулось выше сталинок, языки его уплотнились и окрасились в слабый желтый цвет, и оно с ревом понеслось навстречу мне. Все остальные звуки стихли, а люди вокруг вдруг исчезли. Я подняла руку, закрывая лицо, и зажмурилась. Рев стал усиливаться и внезапно перешел в знакомый тоскливый вой. Это же снарк! Спотыкач!

Я открыла глаза: снарк стоял на моей груди и выл мне прямо в лицо.

«Сон! Это был сон!» — с облегчением подумала я и благодарно погладила снарка, который спас меня от кошмара. Рука болела. Во сне я так крепко сжала в ладони темно-красный кристалл, что он рассек ее и на коже выступила пара капелек крови.

— Только никому не говори, что я им порезалась, — сказала я Спотыкачу. — Это же нарушение правил безопасности! Ну да ладно... тут уже ничего не поделаешь.

Снарк обнюхал мою ладонь и, как мне показалось, сочувственно свистнул.

— Да ничего, заживет! Ты даже представить себе не можешь, что за ужас мне только что приснился! — сообщила я снарку. — Я там чуть не сгорела в каком-то адовом пламени.

Я почесала Спотыкача за ухом — он радостно засвистел.

— Вставать-то пора, интересно? Очень есть хочется, — вздохнула я.

— Жиглай! — раздался рев лу-взя откуда-то снизу. — А ну быстро сюда! Я что вчера приказал? А ты что сделал?

Жиглай что-то ответил, но я не разобрала слов. Потом снова раздался рык Гиззата и топот ног: похоже, Жиглай куда-то направился, и весьма быстро. Я бы даже рискнула предположить, что он побежал.

В комнате было очень холодно: за ночь все тепло выстудило. Здесь не было ни камина,

ни жаровни. Я распахнула ставни: на дворе было ранее утро. Тут в дверь постучали, и послышался голос Мусы Ахмедовича, который звал меня спускаться вниз. От холода я собралась так быстро, как никогда в жизни этого не делала.

Дом Гиззата, как я уже поняла, был небольшой, хотя по меркам Арзуна вполне респектабельный. На втором этаже размещались две спальни и комната прислуги, на первом находились кухня, столовая и кабинет.

Местные жители, как когда-то рассказывал мне Павел, любили украшать свои дома шершавой плиткой: ею выкладывали какой-нибудь орнамент или просто закрывали стену. В жилище Гиззата стены были беленые и украшенные поверху, вдоль потолков, рисунком, стилизованным под языки пламени. Сами же потолки во всем доме были обиты деревом, а на полу лежали простые домотканые полосатые половики — у нас такие в каждой деревне есть. Знакомые с детства, они вызвали во мне сильную ностальгию: сразу захотелось домой в Казань, позвонить родителям, а лучше — увидеть их.

Все уже сидели внизу за большим деревянным столом. Теперь стало ясно, что семья у Гиззата и его жены большая. Хотя, насколько я помнила, дети у них уже выросли и жили отдельно, но по выходным в Империи было принято навещать отца и мать, поэтому стол был большой. И за этим столом почти лежал Игнат.

Волчара с утра выглядел не очень. Весь опухший, с покрасневшими глазами и дрожащими руками, в плохом настроении, он, то и дело морщась, разговаривал с Гиззатом. А вот лу-вэю все было нипочем, словно он и не выпил вчера больше всех.

— Не волнуйся, старый волк, — суетился Гиззат вокруг друга, — сейчас принесут твоё лекарство и будешь как новенький.

Игнат уныло кивал: сил спорить у него не было. Дверь распахнулась, и в комнату вбежал Жиглай с каким-то свертком в руках. Я сморщилась, догадываясь по запаху, что за лекарство притащил племянник Гиззата.

— Дома-то я гуун не держу: супруга взбунтуется, — смущенно пояснил Гиззат. — Вот в крепости запасик создал, да...

Он выскреб остатки гууна, положил в кружку, залил горячей водой, размешал жуткое вонючее пойло и сунул его Игнату. Тот, даже не поморщившись, выпил его одним мощным глотком и шумно выдохнул. Меня передернуло. Лицо Игната из желтого сразу стало красным, на лбу выступил пот.

— Ох, лучше стало! — радостно воскликнул он. — Оживаю! Кстати, — вдруг деловито добавил он, — а вы заметили чилуна, который вчера за нами шел? А когда понял, куда мы направились, сразу отстал. С чего вдруг такое любопытство?

— Молодец, волчара, не теряешь хватку! — похвалил его лу-вэй. — Я тоже его заметил. Но вы не беспокойтесь, я постараюсь узнать, что за интерес у храмовых к Почтовым.

— А я вот как-то его пропустил, — смущенно признался Муса Ахмедович.

— Опыт не пропьешь! — важно поднял палец вверх Игнат и вслед за Гиззатом принялся за еду.

Стол был уставлен тарелками с сыром, желтым растопленным маслом, жареным мясом, зеленью, медом, вареными яйцами, запечеными овощами, маленькими шариками мяса, наколотыми на короткие деревянные шпажки и политыми острым соусом, — едой хоть и простой, но вкусной и сытной. Чуть позднее подошла жена лу-вэя — Оэлун — и принесла крохотные жареные пирожки со сладкой начинкой. Держалась она с большим достоинством

и не выказала ни малейшего удивления нашей компанией, как будто каждый день к ней в дом являлись люди из иного мира, которых надо было принять, уложить и накормить. Хотя, может, так оно и было? Судя по разговору, Оэлун с Игнатом давно знали друг друга.

— Жиглай, возьми тарелку на кухне и садись с нами, — позвала Оэлун племянника. — Поешь-ка как следует, а то совсем исхудал и с лица спал.

— Сначала пусть приведет себя в достойный вид! — немедленно заворчал Гиззат. — Что за лунче выйдет из тебя, Жиглай: воротник расстегнут, штаны вылезли из сапог! А волосы?!

Жиглай смутился и принялся оглаживать пушистые рыжие кудри, которые никак не желали собираться в хвост. Жена лу-вэя, с улыбкой наблюдая за его неловкими попытками привести себя в порядок, заметила:

— Может, из него не стоило делать лунче?

— Вот еще! — возмущился Гиззат. — В нашем роду мужчины всегда становились тэнгунами!

— Смотри, старый волк, — обратилась Оэлун к Игнату, — какую чудесную вещь сделал Жиглай. Разве можно позволить пропасть такому дару?

И она протянула ему небольшую, с ладонь величиной, статуэтку дракона, выточенную из прозрачного зеленого камня.

— Ерунда! Безделушка какая-то, — презрительно фыркнул Гиззат. — Мужчина должен резать хофу, а не камень!

— И вправду, красивая вещь, — Игнат взял в руки статуэтку, которая словно светилась изнутри, отражая падающий на нее свет. — Ты уверен, тхэ, что мальчишке будет лучше у тебя в крепости?

— Никто в этом доме не может идти против вековых традиций, — буркнул Гиззат. — Жиглай! А ну марш в крепость. Нечего тут стоять печальным недотухшим гууном! И так тошно.

Оэлун покачала головой и ласково улыбнулась племяннику и мужу.

— Ты знаешь, что мальчику будет лучше в мастерской. И брат твой был не против. Надо выполнить его волю.

— Знаю, — неохотно кивнул Гиззат. — Ну хорошо! Я распоряжусь... Ступай, Жиглай. Нет, постой... если уж пойдешь в мастерские, то чтобы стал там самым лучшим! Самым-самым! Не посрами честь рода!

Жиглай, вытаращив круглые глаза, испуганно кивнул и молча выскочил из столовой.

После завтрака мы отправились в крепость, и по дороге Муса Ахмедович снова спросил у лу-вэя:

— Так наши договоренности в силе?

— Не волнуйся, Почтовый, — ответил тот, — я извещу тебя, когда мои люди придут.

Гойко в то утро нам не встретился. Мы шли по пустынным улицам: город только просыпался. Где-то далеко орали петухи, позвякивали металлическими круглыми колокольцами идущие пастись козы.

Мальчишка в огромных, явно ему великих сапогах гнал гусей, покрикивая на них, чтобы не разбегались.

«И вправду, фауна напоминает наш мир», — подумала я.

— Прямо-таки сельская идиллия, — заметил Муса Ахмедович.

— За это я и люблю Арзун, — ответил ему Гиззат. — Никакой суеты, кругом покой. Все

друг друга знают. Люди в привычной одежде, — он покосился на мой полукомбинезон. — Никаких изобретений. Все как при отцах и дедах!

— Это кто у вас тут изобретениями занимается? — удивился Игнат.

— Да островные стали прилетать. Корабли эти их... странные. Вроде корабль, должен плыть, а он летит, — Гиззата передернуло. — Ты же знаешь, волчара, как я это все не люблю. Одно дело — честная рубка, другое — вот это все...

— Островные — честные вояки, — возразил Игнат, — тебе ли не знать.

— Честные, — согласился Гиззат, — но уж фанатики своей науки просто невозможные.

Ради нее мать продадут.

— Ну, это ты, конечно, загнул.

— Загнул, волчара, верно говоришь. Просто прилетают они и смущают нашу молодежь. Она грезит о приключениях, а у нас что? Так себе городишко: всего и дел-то — коз пасти да Тэнлу молиться. Вот и бегут.

— Ну, а островные тут при чем?

— Так говорю же: зачастили они к нам, — развел руками Гиззат. — А зачем? Кристаллов здесь уже почти нет. Жила дохлая, почитай, что иссякла. Чего им тут надо? Все летают, замеряют что-то, — Гиззат махнул рукой. — Женщины их одеты в штаны, как мужики. Ну что это за дело?

— Так и наши тоже, — улыбнулся Муса.

— С вас-то какой спрос? Вы же из другого мира.

— Стареешь, тхэ, — вздохнул Игнат. — Лет пятьдесят назад ты сам бы на лошадку вскочил и поскакал за островной джонкой. А ведь так и было, помнишь? Нашел ты тогда приключение на свою тощую кривоногую задницу! Еще и жену-красавицу привез! Как она вообще на тебя обратила внимание?

— Это любовь, волчара, — многозначительно сказал Гиззат. — Да и не так уж плох я тогда был. А сейчас так вообще самый видный мужчина Арзуна.

И Гиззат любовно огладил складки полукафтана на животе и поправил пояс.

— Верно, — согласился Игнат. — А помнишь, как отец стрелой в тебя чуть не попал? Сам Тэнлу, видать, толкнул его под руку.

— Было, было такое. Отец тогда разъярился, помню. Наследства лишил, чуть из семьи не выгнал. Разозлился! Но то когда было-то? А сейчас все иное.

Игнат засмеялся:

— Пусть молодежь едет. На то она и молодежь. Разве их удержишь? Вот если бы у вас тут было, за чем вернуться, это да. Набрались бы знаний и приехали обратно в родной город. Признайся честно: ты просто не любишь островных.

Гиззат не стал отвечать, только вздохнул.

Я надеялась увидеть островных, но, похоже, в этот раз была не судьба. Кроме местных жителей мы никого больше не встретили.

А в крепости Мурзик приветствовал меня радостным хрюканьем. Он пучил оранжевые круглые глаза и всем своим видом показывал, что не прочь подкрепиться: как будто никто не кормил бедняжку не меньше месяца, а то и больше.

— Вот же обжора! — я почесала гребень ящерицы и сунула ему в пасть кусок лепешки.

Жадный Мурзик проглотил ее не глядя и преданно уставился на мою сумку в надежде получить добавку. Может, он ждет, что я скормлю ему Спотыкача?

— Улетаем! — приказал Муса Ахмедович и первым вскочил на Колибри.

Глава семнадцатая

Надо ли говорить о том, что к моменту возвращения я была выжата как лимон, и не только физически, но и морально: это была первая в моей жизни командировка, причем не куда-то в другой город, а в иной мир. Больше всего на свете мне хотелось очутиться в родном и знакомым городе, на пыльных шумных улицах, среди понятных и предсказуемых людей.

Муса Ахмедович, похоже, понимал мое состояние, потому что прямо перед тем, как зайти в конюшни, предложил мне три дня отгула.

— Передохни, Таня, — сказал он. — А то из-за переизбытка информации еще сляжешь с какой-нибудь болезнью. Первый выезд в новый мир всегда самый тяжелый и сложный.

Я с радостью согласилась, и мысль о небольшом отпуске грела мне душу все время, пока я распрягала Мурзика, кормила его и очищала от пыли и грязи, которую эта невыносимая ящерица умудрилась собрать по пути. На брюхо его налипли какие-то куски глины, которые Мурзик безуспешно пытался отгрызть. Хоть и не сразу, но я смогла отскрести всю грязь и в самом прекрасном настроении направилась было в сторону кают-компания, когда в конюшню вошла Мария. Вытянув руку, она держала за хвост грязного и тощего снарка.

— Таня! Привет! Муса Ахмедович, Игнат! Ну наконец-то вы вернулись, — воскликнула она и добавила: — Татьяна, твой Спотыкач какой-то странный. Во-первых, он стал совершенно неуправляем, во-вторых, залез в кают-компанию и сожрал все запасы еды в шкафике. Ты представляешь? Все там раскидал, а что не смог съесть — просто выбросил или испортил. Понадкусывал! Какое-то форменное хулиганство! — возмутилась Мария.

Снарк вертелся и пытался вырваться из ее цепких рук, но она не давала ему этого сделать, помахивая зверьком то вправо, то влево.

— Мне казалось, ты его в клетке заперла. Думала, надо будет его кормить. Но прихожу и вижу, что клетка пуста, а эта скотина ходит и везде нам гадит!

— Это не Спотыкач, — я с трудом вклинилась в короткую передышку возмущенного монолога Марии. — Наш питомец все это время был в моей сумке. Это какой-то другой снарк.

И я вытащила из поясной сумки Спотыкача. Он был гораздо более упитанный, спокойный и очень чистый и не вертелся, а важно растекся на моих руках и оттуда с неодобрением и даже каким-то легким презрением взирал на мелкого сородича.

— Так, — нахмурилась Мария. — А это тогда кто?

— Совершенно очевидно, что это наш второй питомец, — ответил ей Муса Ахмедович, который все еще возился со своим Колибри. — И кстати, Татьяна, в следующий раз, если уж прихватила снарка, будь любезна сообщить мне об этом сразу, а не по возвращении. В Империи есть некоторые города, где снарки запрещены к содержанию и даже ввозу.

— А Арзун? — испугалась я.

— В Арзуне запретов на снарков нет, — ответил за Мусу Ахмедовича Игнат.

— В общем, Таня, — сказала Мария и протянула мне вертлявого снарка, — владей! Но имей в виду, он наглый и вечно голодный, к тому же хитрый, шустрый и очень умный. Даже не знаю, как ты с ним справишься. Мы с Павлом его вчера весь день в кают-компании ловили. В итоге, конечно, поймали, но с большим трудом. Я даже не поняла, что это не наш Спотыкач. Сейчас вот вижу, что Спотыкаша у нас интеллигентный снарк, видный, спокойный и благопристойный, а этот какой-то жиган!

Спотыкач внезапно протяжно свистнул. Второй снарк зашипел и ухитрился вцепиться зубами в палец Марии. Естественно, она выпустила его из рук: острые крепкие голубые зубы снарка прокусили тонкую кожу насквозь. Снарк змейкой скользнул по полу, взлетел ко мне на плечо, цепляясь когтями за одежду, и, изогнувшись, как кошка, распушился и зашипел.

— Вот ведь злобная зверюга! — обругала его Мария, рассматривая укушенный палец. — Вроде не сильно оцарапал.

— Ну и слава богу, — кивнул Игнат. — Значит, просто хотел смыться, а то бы полруки отжевал. Знаю я этих монстров: встречал как-то.

— Когда? — насторожилась Мария.

— Да эта история древняя, как... навоз мамонта, — отмахнулся Игнат. — Лет сто назад случилась, а если быть точным, то где-то в конце семидесятых годов. Я тогда еще совсем зеленый был. Весь такой борзый и гордый, ходил в параллельный мир, никого и ничего не боялся — прямо супермен на выгуле, — усмехнулся он. — Самомнение у меня было ого-го! А еще я тогда смог достать себе ковбойскую шляпу и настоящие джинсы-ливайсы. Да-а-а ...

Игнат помолчал, что-то вспоминая.

— Ну и как раз в то время послали меня в Казань расследовать дело о контрабанде, — продолжил он. — То, что всякие проходимцы приторговывали едой или какими-то другими товарами в обоих мирах, — это все знали. А тут доложили нам, что вроде как кто-то собрался сбить на Землю партию снарков. Допустить этого было нельзя, и вот мы с прикомандированным ко мне милиционером, Юркой Поздняковым, начали проверять, правда ли это или брехня. Поздняков тогда только пришел работать к нам после армии и был еще моложе меня. Это сейчас его уже мало чем удивить можно, а тогда, впервые посетив Арзун, он ходил разинув рот и разглядывал все вокруг.

— А Поздняков — это тот самый? — уточнил Муса Ахмедович. — Который при «особых» случаях приезжает?

— Он самый, — кивнул Игнат. — Так вот, вышли мы с ним на идиотов, которые снарков собирались покупать. От них узнали, кто их подельники среди местных. А в Арзуне Гиззат нам помогал. Он тогда еще простой лунче был. Тоже юнец: мелкий, тощий и невероятно драчливый, постоянно кого-то задирает. Этаким арзунский Д'Артаньян. Взятся он нам помогать с невероятным рвением, все хотел покарать мерзавцев контрабандистов. И вот сидим мы с ними, значит, в засаде. А тут эта стая снарков умудрилась сбежать от незадачливых продавцов и наткнулась прямо на нас.

Игнат снова помолчал, улыбаясь своим мыслям.

— Поймать этих мелких тварей мы, конечно же, не смогли, да и не стояло перед нами задачи ловить снарков. И вот стоим мы после набега этих тварей кто как: мы-то с Юркой еще ладно, лишились только сумок и ножей, которые Гиззат дал. У Позднякова снарки кеды в пыль сточили. Как сейчас помню: стоит, выпучив глаза, на одних подошвах, и пальцами ног шевелит. Сгрызли все подчистую, даже шнурков не оставили! А у меня рубашку уничтожили: только воротник висел, как хомут на шее. А вот Гиззату досталось сильнее: шел потом в гарнизон, прикрываясь моей шляпой! Саблю его кривую сточили: один эфес в руке остался. И главное, в один миг все сотворили: р-р-раз, и все. И стоим мы почти голые. Но, слава Богу, самих нас не тронули. Мы с Юркой тогда эти вот штаны наши из драконьей кожи уважать сильно стали. Им хоть бы хны после набега снарков, ну, пара дырок появилась, а это ерунда. А Гиззат, конечно, тогда насмешек натерпелся. Через весь город шел, сверкая задницей.

— У вас каждая история — хоть книгу начинай писать, — заметила Мария.

— Может, и начну! Вот отойду от дел и напишу мемуары! — улыбнулся Игнат. — Гиззат хочет лет через десять яблоневый сад вырастить. Уже даже саженцы посадил. А я буду там в тени деревьев писать свои рассказы, пока он гусениц собирает.

Я, представив себе эту картину, фыркнула и погладила пыльного тощего снарка, вцепившегося в мое плечо.

— А ты свой сад не хочешь завести? — спросил Муса Ахмедович.

— Нет, пусть мои сыновья сажают. Не мое это, ты же знаешь, — пожал плечами Игнат. — А мальчишкам моим вроде нравится, старший так вообще уже свое хозяйство имеет: скотину купил и огород разбил.

Тут зверек на моем плече резко и требовательно свистнул, перебив Игната.

— Мне нравится этот снарк, — заявила я. — Правда, он какой-то мелкий, но это не беда — откормлю. Но сначала надо придумать ему имя.

Потом в отделе началась такая суета, что даже вспоминать не хотелось. Какие-то отчеты, телефонные разговоры, компенсация командировочных, подписание бумаг в бухгалтерии, и все это в ужасной спешке. Когда все закончилось, я посадила второго снарка, которому дала имя Проныра, в клетку и попросила Марию и Павла присмотреть за питомцами. Мария, конечно, была категорически против, но не отзывать же меня из законного трехдневного отгула? К тому же Спотыкач оказывал на своего братца-снарка положительное и успокаивающее влияние, поэтому я ушла отдыхать с почти спокойным сердцем.

За эти три дня я выспалась, съездила к родителям, отошла от кошмарного сна и даже успела сходить в тот самый двор и удостовериться, что там сейчас глубокая осень и нет никакой цветущей сирени.

На четвертый день, отдохнув и перезагрузившись, я с удовольствием вошла в почтовое отделение на Черноморской и даже с какой-то нежностью выслушала ворчание Алсу Ибрагимовны, кивнула девочкам-операторам, помахала Гене и прошла в кабинет Специального отдела.

И понеслись неторопливые, наполненные работой с приборами, кристаллами, чтением Тетради Мастеров и прочей документации дни. Я разбирала, собирала, заменяла, даже паяла и продолжала учиться, теперь уже летать. Получалось у меня плохо, и, пожалуй, лучше всех по этому поводу высказался внутренний Геннадий: «Не орел ты, Танька. Ползать тебе по земле с ящерицей!»

А я и не была против: с Мурзиком мне было привычнее и спокойнее, да и падать с него невысоко. Но Муса Ахмедович оставался непреклонным и все спешил, все торопил нас. Выбирая между львом и снежным барсом, я по совету Мусы решила тренироваться на последнем, более миролюбивом и мелком. Лев вообще подпускал к себе только Мусу и Марию.

Заниматься со мной стал Игнат, который маялся от скуки в ожидании людей Гиззата и к тому же хорошо летал на Барсике. Барса мы прикармливали рыбой. С Мурзиком в этом деле было проще: яйца и тем более хлеб и яблоки не пачкают рук так, как сырая рыба голова. К тому же к рыбьим головам питали слабость мои снарки, Проныра и Спотыкач: стоило им почуять угощение, как начинался «снаркопсихоз». Один возмущенно свистел, другой адски завывал; первый давил на жалость, второй яростно выдирал еду из рук. Да и Барсик от них не отставал: если он чувствовал запах рыбы, но не получал ее, то старался

выбросить меня из седла или просто отказывался взлетать.

— Кошки любят ласку, но при это с ними надо строго! — объяснял Игнат. — А ты все гладишь его. Конечно, он из тебя веревки вьет. Надо с ним как со снарками — твердо!

Но как можно быть строгой с большой, пушистой, красивой кошкой? Никак! Вот и не выходило у меня приструнить наглого Барсика.

Через день я уже научилась ухаживать за ним и довольно прилично держалась в седле: уроки езды на Мурзике не прошли даром. Но вот взлет и посадка до сих пор давались мне тяжело.

— Ну что ты опять зажмурилась? Чего боишься? Это же просто воздух! Не втягивай голову и не выпускай поводья! Да что же это такое? — сокрушался Игнат.

Я никак не могла привыкнуть к резкому толчку, с которым Барсик отрывался от земли, и самому ощущению полета.

— Похоже, придется тебе, Таня, пока ездить на Мурзике, — вздыхал Игнат.

Я была бы только рада, но Муса упорствовал, а однажды пришел на площадку и сам стал гонять нас с барсом. Правда, взлетать высоко он мне пока запретил.

— Всему свое время, — говорил Муса Ахмедович. — Успеешь еще, надо сперва приноровиться к животному. Пригнись! Сожми колени, чтобы не упасть.

Однако у Барсика было свое мнение о том, как высоко нам следует подниматься. И когда он шутя взмывал выше, чем было дозволено, мне сразу хотелось покрепче вцепиться в его мягкую шерсть, зажмуриться и заорать от страха.

— Не балуй! — кричала я, заваливаясь на спину.

Если бы не крепления, удерживавшие меня на спине кошки, на каком-нибудь занятии я бы точно свалилась.

Через несколько дней Муса Ахмедович разрешил мне описать пару кругов над выездной площадкой. Что мы с Барсиком и сделали, пока все напряженно наблюдали за нами снизу.

Не могу сказать, что я получила неопишуемое удовольствие от полета: да, вид сверху открывался фантастический, но ветер неприятно бил мне в лицо, отчего слезились глаза, и трепал волосы, а когда барс проваливался в воздухе на метр вниз, мои внутренности ухали туда вместе с ним и скручивались в клубок. Я стала понимать Павла, который наотрез отказывался летать и ездил только на Мишке. Теперь мне тоже так хотелось.

Вестей от Гиззата пока не было, а из столичного ревизионного управления нам поступали какие-то странные распоряжения. Сначала там потеряли наши отчеты, потом нам запретили выезжать в Дэон, а затем из Москвы позвонили и срочно вызвали Игната обратно. Все это очень не понравилось ни Мусе Ахмедовичу, ни самому Игнату.

Меня в курс дела не вводили, но я случайно услышала, как Мария обсуждала происходящее с Мусой Ахмедовичем. А на следующий день Игнат сказал:

— Думаю, мне надо выехать в Дэон. Документы, которые в Москве вроде бы как потеряли, я продублировал. Какая-то хрень происходит там у них в управлении, пусть сами разбираются.

— Стоит ли нам соваться в Дэон? — нахмурился Муса Ахмедович. — Может, они не зря запрещают?

— Если бы там было настолько опасно, то давно бы уже прислали к вам кавалерию, — покачал головой Игнат. — Думаю, ничего страшного не будет, если мы просто переговорим с женой Тимура.

— Тот самый случай, когда повар и водитель спасают мир? — засмеялась Мария. — А

кстати, где люди Гиззата?

— Он решил сам ехать с нами: сказал, заодно проведает родню. Там, в Дэоне, нас уже будут ждать его люди. Думаю, дня за три управимся.

— Я не смогу отправиться с вами, — вздохнул Муса Ахмедович. — Вызвали в головное. Улечу до конца недели...

— Ну, тогда я поеду, — обрадовалась Мария, — а то засиделась тут с бумагами. А на Базе оставим Павла и Татьяну.

— Добро, — кивнул Муса Ахмедович.

Провожали Марию и Игната всем отделом. Ястребок перебирал когтистыми лапами и нетерпеливо клекотал: видно было, что ему не терпелось взлететь.

— Застоялся мальчишка, — ласково улыбнулась Мария.

Она была одета, как арзунские женщины: в длинное теплое платье, расшитую жилетку и кожаный полуплащ до колен, напоминавший местный кафтан. Сначала Мария хотела надеть свои любимые галифе и китель, но Муса Ахмедович и Игнат настояли на том, чтобы не выделяться среди жителей Империи.

— Все же Дэон — не Арзун, где тебя знает каждая собака, — говорил Муса. — Не стоит рисковать.

— Да как я полечу во всем этом? — возмущалась Мария.

— Надо постараться, — мягко, но твердо отвечал Муса Ахмедович.

Игнат тоже облачился в местную одежду, но в ярких полосатых штанах, мягких кожаных сапогах и похожем на халат стеганом кафтане выглядел, как настоящий модник. На голову он напялил малахай с длинным меховым хвостом.

— А это еще зачем? — недовольно покосился на шапку Игната Муса. — Разве здесь такое носят?

— Я ношу, — уперся тот. — А что? Тепло и красиво.

Муса не стал спорить, но настоял, чтобы участники экспедиции надели пластинчатые доспехи наподобие тех, что носили тэнгуны.

— Да зачем нам это? — снова возмущалась Мария, но Муса не стал даже слушать ее.

Запасная одежда, дорожные принадлежности, спальники, запас провианта и воды, — все было упаковано в сумки и приторочено к седлам животных.

— Надеюсь, скоро увидимся, — сказала я Марии.

— Конечно, — кивнула она и легко вскочила на ястреба.

Муса Ахмедович, усталый, с темными кругами под глазами, что-то долго и серьезно втолковывал Игнату. Тот молча кивал.

— Будем ждать новостей, — донеслось до меня. — Связь прошу держать через «морзянку».

Насколько я знала, «морзянка» была сложным и редким артефактом односторонней связи, рассчитанным всего на три использования.

Выдав все наставления, Муса лично проверил вещи отправляющихся, запасы кристаллов, еды, состояние защитных браслетов и, махнув рукой, скомандовал старт. Гиззат ждал Игната и Марию в Арзуне, оттуда они вместе должны были тронуться в Дэон, стараясь не привлекать внимание.

Первым взлетел Барсик. Как и в прошлый раз, он легко и изящно оттолкнулся от земли и, взмахнув мощными крыльями, взмыл высоко в небо. За ним, щелкнув ярко-синим клювом, белой молнией рванул ввысь ястреб Марии. Это выглядело очень эффектно: маленькая

хрупкая фигурка как влитая сидела на большой птице, почти незаметной среди облаков.
— Бисмиллях, — сказал им вслед Муса Ахмедович и вздохнул.

Глава восемнадцатая

С тех пор, как все разъехались, прошло два дня. Муса Ахмедович велел нам с Павлом не спускать глаз с устройства связи, и мы с большим старанием выполняли его указание. Я дежурила днем и таскала за собой по всем помещениям Цеха громоздкий и тяжелый ящик, напоминающий советские радиостанции времен второй мировой войны, но при этом с местной магической начинкой. По внешнему виду устройства было видно, что в его создании активно участвовали инженеры с Земли. Внутрь «морзянки» я заглядывать не стала: побоялась нарушить работу артефакта.

Ночью на дежурство в отделе заступал Павел, который, по его словам, даже спал в обнимку с ценным артефактом. Но пока на связь никто не выходил.

— Может, он сломался? — предполагал Муса Ахмедович, когда мы звонили ему в Москву. — Вы его не роняли? Не проливали на прибор что-нибудь?

Мы с Павлом отнекивались и пожимали плечами: перед отъездом Игната и Марии мы все проверили, и вряд ли за это время артефакт мог неожиданно сломаться.

А потом и сам Муса Ахмедович, который без устали звонил несколько раз в день и спрашивал, как наши дела, внезапно оказался вне зоны доступа. Прошло еще три дня, и даже главный оптимист нашего отдела Павел приуныл и занервничал. Беспокойство нарастало, к нему присоединилось еще и раздражение от осознания собственной беспомощности.

— Что за напасть? — ворчал Павел на пятый день, когда никто так и не вышел на связь. — Зуб даю, Таня, с нашими что-то случилось.

— Да сплунь, накаркаешь, — рассердилась я.

Тут еще и Козлиный как с ума сошел: стоило мне спуститься в метро, как он начинал шипеть, что скоро всех нас изведут и весь город будет его, Козлиного, территорией. Павел советовал не обращать на него внимания или сменить транспорт.

— Это что же получается: нас победит какое-то, как говорит Муса Ахмедович, отродье шайтана?! А вот и нет! Это мой город, мое метро! Как хочу, так и езжу, — разозлилась я. — Никому уступать не буду!

— Так-то я согласен с тобой. Но ты смотри по своим силам: выдержишь ли? Если что, я поддержу твое решение пересесть на автобусы, — сказал Паша.

— Ты пойми, я не жалею, просто обратила внимание на то, что Козлиный стал просто невыносим. Все время поносит наш отдел, — я покачала головой. — И это его раскатистое «ж» ужасно раздражает. Сегодня вот он читал стих про жука: «Жизнь жука в плену горька, жалко бедного жука». К чему это? И хохотал, как безумный. А потом знаешь, что выдал? Расписал, как мы все умрем. В подробностях... Жуть!

— Слава Богу, я ничего такого не слышу. Мне одному в нашем отделе повезло, — вздохнул Павел и поспешно перевел тему. — Как твои крысы?

— Снарки, — поправила я его. — Неплохо. Оставила их сегодня на ночь в клетке, так Проныра вылез, перегрыз все провода и устроил гнездо в старом сломанном ноутбуке. Пусть там и живет пока.

— А ты не боишься, что он сбежит и сгрызет все вокруг?

— Может, и сгрызет, — философски заметила я, — но этого упрянца ни одна клетка не удержит.

А потом случилось нечто странное: мы не смогли выйти из Цеха на Базу. Ворота

оказались заблокированы. Заметили мы это довольно быстро: Павел пришел на ночное дежурство, мы поболтали, обменялись мыслями о том, как хорошо будет, когда весь отдел снова соберется. Потом я собралась уходить, и тут-то мы обнаружили, что ворота заперты.

Мы попытались открыть замок, но все усилия были тщетны. Неожиданно для самих себя мы оказались заперты в Шанлу.

И вот тут нам стало совсем не по себе. А если честно, то мне от страха даже захотелось забиться в какую-нибудь щель, закрыть глаза и лежать там не шевелясь, пока кто-нибудь не придет и не выручит нас. К счастью, присутствие Павла не дало мне впасть в панику: он сразу загрузил меня вопросами и работой, заставил провести диагностику, попробовать разобрать замок и проверить, не забился ли он грязью.

— Это не простой замок, он не забивается и просто так не ломается, — поясняла ему я. — Этот механизм — сам по себе, практически, артефакт.

— И как это понимать? — почесал затылок Павел. — Кто тогда мог его заблокировать? Может, замок все же заклинило?

— Не думаю, — буркнула я.

— А ведь было уже такое, помнишь? При прошлом мастере.

— Было. Но тогда просто сломался ключ в скважине, а сейчас происходит что-то другое.

До глубокой ночи мы думали, что же нам делать. Ждать, пока нас откроют? Отправиться в Арзун? А может, в Дэон, по следам наших коллег?

— Идти в Дэон нам точно не стоит, — заявил Павел. — Будем честны, во всем отделе мы двое были в Империи меньше всех, а боевого опыта у нас совсем нет. Я даже вашими артефактами пользоваться не умею, да и не имею на это права. Если наши попали в беду, то правильнее всего будет как можно скорее добраться до выхода в Россию и организовать поиски Игната и Марии совместно с имперскими тэнгунами.

— Только местные не сильно горят нам помогать, — напомнила я ему. — Муса Ахмедович должен был приехать еще вчера. Может, он просто задержался в Москве и уже едет к нам на Базу?

— Может, едет. А может, и нет, — пожал плечами Павел. — Согласно Уставу мы должны некоторое время выждать, потом запереть все выходы и обратиться в ближайшую почтовую станцию. Так?

— Вроде да. Я точно не помню, — призналась я. — Почему нельзя просто подождать, пока нас откроют?

— Все правила в Устав вписаны кровью, — вздохнул Павел. — Вроде в сорок восьмом была ситуация, подобная нашей. И тогда часть работников ушла, а те, кто остался, погибли. Конечно, тогда шла война, но и после нее хофу и их сторонники из местных устраивали диверсии.

— Нас заблокировали с той стороны — с Земли. Значит, это сделал кто-то из своих, — не сдавалась я.

— Да, если только ворота действительно не сломались.

— Если бы Муса был на связи, он бы наверняка понял, что что-то не так. Вот мы сейчас уйдем, а потом окажется, что на самом деле никакой опасности не было!

— Если все и правда в порядке, то мы просто совершим небольшую прогулку до соседней станции, — пожал плечами Павел. — А если нет... сама понимаешь, чем это может обернуться.

Я помолчала, обдумывая слова Павла, и в конце концов согласилась.

— Хорошо, — кивнул он. — Тогда подождем еще день и, если не появится никаких вестей, уйдем. Заглянем в Арзун, попросим помощи в гарнизоне и отправимся на станцию по Восточному тракту. Конечно, я никогда там не был, но у нас есть карта, так что, думаю, не пропадем.

Приняв такое решение, мы неожиданно для самих себя успокоились. Волнение и страх отступили, и мы принялись споро собираться.

— Лишнего не бери, только необходимое. Хотя кто знает, что нам будет нужно в дороге, — размышлял вслух Павел. И наконец махнул рукой: — Эх! В общем, Таня, решай сама!

Собралась я быстро. Куча вещей на полу мастерской привела Павла в замешательство, и я, увидев выражение его лица, перебрала их и оставила только самое нужное: набор инструментов и прочих полезных приблуд, диагностический сканер, бинокль, пару ускорителей подзарядки, огромный запас кристаллов, все аптечки, какие только смогла найти и запасной защитный браслет из запасов мастеров. В последний момент я сунула в карман тот загадочный темно-красный кристалл: вдруг пригодится?

В конюшне перед нами встал еще один вопрос: как именно добраться до Арзуна? В нашем распоряжении были Лев, Колибри, Мурзик и Мишка. Никто из нас не рискнул бы лететь, и, не сговариваясь, мы оба решили ехать по земле на Мурзике и Мишке.

— А что с Левкой и Колибри будем делать? — задумался Павел. — Всех животных брать с собой смысла нет. Может, их оставить здесь? А если ворота так и не разблокируют, кто их кормить будет?

— Может, просто дадим им команду «вольная охота»? — предложила я.

— Это что? — удивился Павел.

Я вытащила артефакт-свисток, который мне дала Мария.

— Специальная команда, после которой они покинут конюшню и сами будут искать еду, но при этом далеко не уйдут, — пояснила я. — Считаю, в отпуск слетают.

— Отлично, тогда так и сделаем, — одобрительно кивнул Павел.

Сами не замечая того, мы тянули время. Уже и вещи собрали, и в помещениях все прибрали, и животных выпустили на «вольную охоту», а все продолжали сидеть в Цеху, все время находя себе какие-то дела. Иногда мы проверяли ворота: а вдруг?.. Но чудеса не происходило, и в конце концов Павел словно через силу произнес:

— Пора.

В полном молчании мы заперли двери на станцию, оседлали животных и, в последний раз окинув тоскливым взглядом выездную площадку и ворота-вход в конюшню, стали неторопливо спускаться по тропе в сторону Арзуна.

Знакомая дорога змеилась вдоль склонов гор, и Мурзик привычно бежал по ней, периодически взбираясь на большие камни и оглядывая окрестности. Дорога была та же, а вот чувства мои — совсем другие: когда мы ехали в Арзун в прошлый раз, я была охвачена предвкушением и ожиданием чуда от встречи с новым миром, а сейчас меня переполняли усталость, беспокойство и печаль. Даже наши животные вели себя не так, как обычно: Мурзик сильнее прихрамывал, а всегда спокойный Мишка явно был раздражен и периодически пытался схватить ящерицу за хвост. Только моим снаркам было все нипочем: один спал в сумке, а второй забрался Мурзику на голову и посвистывал вслед пролетающим мимо птицам.

Но уже на подходе к пригорку, с которого открывался вид на Арзун, Проныра вдруг заволновался и негромко зашипел, явно намекая, что рядом чужаки.

Мы спешили. Место оказалось удачное: нависший над землей массивный каменный выступ скрыл нас и наших зверей от посторонних глаз. Мы недоуменно озирались по сторонам, пытаясь понять, что же так всполошило снарка, когда сверху раздалось еле слышное шипение, воздух замерцал и в небе возник корабль.

Это был самое удивительное судно, которое я когда-либо видела. Во-первых, это была джонка: я узнала широкую приподнятую корму, опущенный прямоугольный нос, плоское днище и складчатые красные паруса, похожие не то на плавник рыбы, не то на крыло дракона. Во-вторых, изящная, но при этом какая-то хищная джонка парила в воздухе. А в-третьих, она казалась совершенно необитаемой: на палубе никого не было, никто не смотрел вниз.

— Она... она как будто бросила якорь, — восхищенно прошептал Павел, во все глаза рассматривая загадочный парусник. — Я, если честно, впервые вижу нечто подобное. Хотя много раз слышал о таких кораблях!

— Это же островная джонка?

Павел молча кивнул. Мы так и стояли раскрыв рты и разглядывали висевшую в воздухе и изредка поскрипывавшую деревянным корпусом джонку.

— Нет, я не согласен с тобой! То, что сигнал усилился вовсе не означает, что луэ начал перемещаться! — вдруг раздался откуда-то слева чей-то звонкий мужской голос.

Юноша явно с кем-то спорил. Ответов оппонента мы, правда, не слышали.

— Как будто по телефону говорит. Или, может, он сам с собой беседует? — прошептал Павел и, присев на корточки, осторожно высунулся из-за камня.

Я вдруг с ужасом поняла, что мы практически безоружны. Защитный браслет был только у меня. В какой-то степени нас охраняли животные: насколько я знала, медведь был обучен в случае опасности защищать всадника, но вот Мурзик, увы, своим воинственным гребнем и огромными клыками мог только напугать. У Павла не было даже браслета, поэтому я подскочила к нему, чтобы вовремя закрыть своей защитой нас обоих.

— Да нет... Нет, не думаю, — говорил юноша. — Мы впервые поймали такой мощный сигнал! Вспомни, все прошлые замеры были просто какие-то жалкие подобиями того, что сегодня показал наш прибор.

И тут мы наконец увидели таинственного хозяина джонки. Прямо под кораблем стоял долговязый рыжий парень с надвинутыми на лоб очками-гоглами, в кожаных штанах с металлическими заклепками на коленях, зеленом кителе с позолоченными пуговицами, весь перетянутый ремнями со всевозможными сумками, закрепленными на них ножами, какими-то трубками и коротким, но расширяющимся на конце клинком в ножнах. Он был очень молод, не старше восемнадцати лет. Хотя по меркам этого мира и судя по оружию на поясе, незнакомец наверняка уже считался взрослым мужчиной. Худое узкое лицо с длинным носом, небольшие светлые глаза, смешная реденькая рыжая бородка, как у Линкольна, коротко и неровно подстриженные волосы и одна скрученная в хвост на затылке длинная прядь придавали ему вид лиса, взявшего след. Он с жаром размахивал руками и продолжал увлеченно спорить с кем-то невидимым.

— Он не кажется мне опасным, — заметила я.

— Мне тоже, — согласился Павел, напряженно прислушивавшийся к разговору.

— Я думаю, нам стоит пройти еще один круг, достаточно широкий, чтобы можно было

уточнить область нахождения луэ, — вдохновенно вещал рыжий. — Почтовая станция? У меня нет ее координат! Да! Никто не знает точно, где она находится. А если даже она недалеко, то что с того? Думаешь, это она вызывает колебания стрелки? Да не-е-ет... Нет, такого не может быть!

— Вон, — прошептал Павел, — видишь, у него на голове красный обруч, или как это называется? Ну, типа наушников, только не такие, как наши, без накладок на уши. На кристаллах они, что ли, работают?

И действительно, на голове юноши был тонкий обод, почти не заметный среди густых волос. На концах виднелся едва заметный за ушами незнакомца красный камень.

— Вот здорово! Похоже на костные наушники, — восхитилась я.

Между тем молодой человек продолжал уверять собеседника, что надо сделать круг над горами, а потом еще раз снять замеры в Арзуне.

— Может, нам выйти к нему? — спросила я.

— Подожди, — остановил меня Павел. — Не нравится мне все это. Что островная джонка могла потерять в Империи? Я вообще не уверен, что ему разрешено здесь находиться.

— Да чего там опасного? Мы же замеряли общий фон вчера над городом! Ну и что, что караван прибыл? Мало ли караванов в Арзун приезжает? — не унимался юноша.

— А караваны-то сюда почти не ходят, — прошептал Павел. — И кто же тогда прибыл в Арзун?

Рыжий напряженно выслушал ответ собеседника, а потом недовольно сказал:

— Хорошо. Архейский караван — это серьезно, согласен. Да, понял. Сейчас сделаю последний замер, и поднимаемся.

Он наклонился над темно-серым ящиком, стоявшим у его ног, и принялся нажимать на какие-то не то кнопки, не то кристаллы и переводить рычажки, что-то бормоча себе под нос.

— Ладно, — наконец, сказал он. — Тут, похоже, что-то сломалось. Я поднимаюсь.

Джонка плавно снизилась, и оттуда спустилась веревка с плетеной корзиной на конце. В нее юноша и положил свой драгоценный прибор, а сам высоко подпрыгнул, зацепился за борт и легко приземлился на палубу.

— Ловко! — констатировал Павел, поднявшись и с кряхтением выпрямившись. — Мне до него далеко.

— Что же мы не вышли? — спросила я с сожалением, глядя, как судно неторопливо плывет в сторону гор.

— Сам не знаю, — пожал плечами Павел. — Может, и правда стоило выйти. Ты слышала новость про караван? Не думаю, что это случайность. Архейцы в Арзуне... — задумался он. — Давненько такого не было. Да еще в отсутствие начальника гарнизона. Думаю, не стоит нам заходить туда.

— А как же мы дойдем до восточной станции? — удивилась я.

— Сами пойдем. Да, это будет медленно и, я уверен, тяжело, но, думаю, вполне нам по силам. Меня больше беспокоит то, что мы одеты, как Почтовые, и наши звери легко узнаваемы. Вот с этим надо что-то делать.

Пока Паша размышлял над нашим внешним видом, внутренний Геннадий включил сирену скорой помощи, подвывая где-то в районе живота: «Вот так ты и сгинешь, Танька, в чужом мире, верхом на ящерице и с крысой в сумке! Таков твой план?! Боже! Да вас съедят какие-нибудь родственники Мишки или поймают хофы! Вы помрете от голода и холода! Вас

зарезут разбойники!»

Чувствуя нарастающую панику, я несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула, а потом стала спокойно и размеренно дышать, как меня учил Муса Ахмедович. Вспомнив его, я расстроилась еще сильнее.

— Тань, ну что ты прямо с лица спала? — попытался подбодрить меня Павел. — Не дрейфь, не пропадем! Я тоже бывал тут, и не один раз. У меня даже знакомый есть в Тире. Вот к нему и зайдем, попросим помощи, если надо будет.

— А вдруг все-таки пропадем? Я вообще нигде, кроме Арзуна, не была.

— Все будет хорошо, — мягко успокаивал меня Павел. — Через несколько дней, ну, может, через пару недель, уже выйдем к нашим.

Первоначальная паника сменилась сильнейшей злостью на всех вокруг: на пропавших коллег (как они могли нас бросить в такой момент и в чужом мире?!), на Мусу Ахмедовича (куда он исчез в самый сложное время для отдела?) и даже на внутреннего Геннадия, который вместо того, чтобы промолчать, начал истерить. А самое главное — на Тени, хофы и саму себя, влезшую во все это. И чем дальше я слушала Павла, тем сильнее злилась.

— В конце декабря у моей мамы день рождения! — звенящим от ярости голосом отчеканила я. — И если мы к этому времени не вернемся обратно, я порву каждого хофу, который мне встретится в этом сарае под названием Империя, сожгу тут все к хренам собачьим... и... — я набрала воздуха, чтобы продолжить.

— Конечно, конечно, — поспешно поддакнул Павел, к которому вернулось самообладание. — Ты только не волнуйся. Всех порвем. Всех! Я помогу тебе! Я буду держать, а ты рвать.

— Зубами!

— Да хоть бы и зубами, — послушно согласился Павел.

И тут я начала смеяться. Павел, глядя на меня, сначала улыбался, а потом тоже расхохотался во весь голос. А когда эта истерика закончилась, то страх и гнев ушли, осталась одна усталость.

— Ладно, Тань, — наконец серьезно сказал мне Павел, — пошли уже, поторопимся. Путь нам предстоит неблизкий.

Глава девятнадцатая

Павел вытащил карту Империи, разложил ее на плоском камне и ткнул в точку, отмеченную на востоке страны.

— Тут Драконьи горы, — пояснил он. — Юго-восток Империи. А мы вот здесь.

Он указал на Западный хребет.

— А Западный хребет высокий? — спросила я.

— Не скажу, что очень: точно не Гималаи. Станция южнее Арзуна, — Павел пригладил короткие светлые волосы. — Если нам придется обходить города и поселки, то лучше идти по степям. Городов в южной части Империи с гулькин нос. Но есть деревеньки, полузаброшенные поселки, какие-то охотничьи домики — вот их тоже лучше обойти.

— А Дзон где?

— Да вот он, — Павел показал точку чуть восточнее Арзуна, — довольно близко находится: расстояние между ними около ста километров. Хотя, может, и меньше... Мы обойдем его, — он провел ногтем по карте, показывая наш будущий путь. — Нам надо попасть в Тир. По местным меркам это довольно крупный город. Еще недавно был жутким захолустьем, но сейчас активно растет и уже перерос Арзун. Ехать до Тира дней семь. По Восточному тракту, конечно, было бы быстрее, но я не рискну выходить на него с нашими животными. Они заметные, а там как-то слишком оживленно.

Павел снова задумался. Я с интересом изучала карту: Тир, крупный торговый город, располагался на берегу большого озера, была там и паромная переправа.

— Как мы переберемся через озеро? — спросила я. — На пароме?

— Нет, — покачал головой Павел, — придется идти в обход или отпустить Мурзика и Мишку. Но потом пешком ползти по степям в горы и дальше подниматься до станции? Нет уж, лучше обойдем.

— Думаешь, паром не выдержит их вес? — удивилась я.

— Уверен, что выдержит. Но насколько это безопасно? Предлагаю решить вопрос на месте. Может, нами вообще никто и не интересуется, а у нас с тобой просто приступ паранойи. Тогда спокойно сядем на паром и, окруженные зеваками, переправимся на другой берег озера.

— А если нет, то нас могут схватить, — задумалась я. — Знаешь, в такой ситуации я нахожусь впервые. Мне все время кажется, что все это просто дурной сон.

— Мне тоже, — вздохнул Павел. — Но я больше беспокоюсь о том, что сейчас происходит на других станциях. А вдруг это масштабная диверсия против всех наших отделений?

— Да брось. Вот это уж точно паранойя.

И все же мы не удержались и отправились посмотреть на Арзун. Правда, без животных, чтобы не привлекать внимание. Сквозь туман были видны изогнутые крыши домов, башенка храма и фигурка дракона на ней. Я даже услышала звон колоколов: он словно тек по улицам, петлял между домами и клубился в воздухе вместе с пылью и этой странной дымкой, накрывшей город. Но если раньше он казался мне умиротворяющим и величественным, то сегодня в нем будто сквозила какая-то тревожность и торопливость.

— Странно, — заметила я, — утро давно прошло, а туман остался. Интересно, почему?

— Не знаю, — пожал плечами Павел, — не припомню здесь такого явления. Туман ли

это вообще? Посмотри, как плотно стелется, словно дым. Не пожар ли там?

Через некоторое время мы ушли. Павел указал на джонку, висевшую в воздухе на приличном расстоянии от Арзуна.

— Не зря они там торчат, — заявил он. — Островные не дураки. В городе точно не все в порядке. Слышишь, как бьют колокола?

— Странно: вроде колокол небольшой, а слышно его даже отсюда, — изумилась я.

— Ничего удивительного здесь нет: их звук усилен специальными кристаллами.

Мы решили уйти как можно быстрее: свернули со знакомой проторенной дороги на какую-то узкую, почти звериную тропку. Еле заметная для нас, она была прекрасно видна нашим животным, которые, как мне показалось, хаживали по ней уже не раз и не два.

— Что за тайная тропа? — поинтересовалась я у Павла.

— Это спуск к заброшенной дороге на южных землях, — объяснил он.

— А почему ее забросили?

— А что там делать-то? — развел руками Павел. — Людей на юге практически нет, только степь, поросшая какой-то острой травой, на которой даже скот нельзя пасти. Одним словом, бесплодные земли.

— Почему бесплодные? Разве нельзя как-то вывести эту траву? Засадить чем-то другим, пшеницей, например?

— Вот появится больше людей в Империи, и все это сделают. А пока желающих нет: после войны население восстанавливается медленно, сказываются засухи и многолетние неурожаи. Зато пиратов стало намного больше! — фыркнул Павел.

— А что там дальше, на юге? За Империей?

— Выжженные земли. Их еще ничейными зовут.

— Пустыня? — не поняла я.

— Хуже, — нахмурился он. — Говорят, не так давно, лет семьдесят назад, там была битва с хофу. Наши добровольцы в ней тоже поучаствовали. Правда, их было немного: сама знаешь, восприимчивых к магии у нас на Земле единицы... В общем, имперские ударили чем-то по хофу и по пиратам. Не ядерной бомбой, конечно: наше оружие здесь работает не так, как на Земле. Говорят, поле какое-то мешает, — неуверенно сказал Павел. — Поэтому использовали что-то магическое.

— Это решающая битва, что ли, была?

— Да-а... — отмахнулся Павел. — Там вялотекущие боевые действия сменялись масштабными не один десяток лет.

— А как же Призрачный дракон? Защитник местных...

— Ну, а что дракон? — пожал плечами Павел. — Говорят, он появляется в самый опасный и критический момент. Когда на юге бомбанули по хофу, о нем ничего не было слышно. Значит, имперские вполне могли справиться сами, что они, собственно, и доказали. Согласно легендам, дракон появлялся перед людьми всего три раза и всегда в момент массового прорыва хофу в мир Шанлу. Все эти случаи описаны в летописях и хранятся в каких-то тайных библиотеках при храмах.

— Зачем же такая секретность? — удивилась я.

— Да вот и я не пойму! Может, и не было там никакого Призрачного дракона? И существуют ли они вообще, эти летописи? Хотелось бы мне попасть в храмовые библиотеки и порыться там, — размечтался Павел.

Я задумалась. Значит, Призрачный дракон всегда являлся в тот момент, когда миру мог

прийти конец. А сейчас что? Если слухи, которыми обменивались мои коллеги в отделе, были правдивы, то количество хофу в Шанлу и в Империи все увеличивалось. Они лезли из Архейской торговой лиги, как тараканы. И если пропажи почтальонов и блокировка ворот с этим связаны, то... шла не простая диверсия. А вдруг это очередной виток конфликта, который снова затронет Землю?

— Расскажи побольше о Призрачном драконе, — попросила я Павла.

— Ну... поговаривают, будто он возник из самого сердца тьмы. Из этой искры истинного света родился ее отблеск — Призрачный дракон, сердце мира Шанлу, тот огонь, что не дает хофу проникнуть в кровь людей и превратить их в слуг демонов. Тэнлу прозрачный и одновременно синий, безмятежный, как ветер в солнечный день. Он слеп, ведь сердцу не нужны глаза: они отвлекают и заставляют видеть все иначе. Но в моменты, когда его миру грозит сильнейшая опасность, он прозревает.

— И что это означает?

— То, что ты слышала, — пожал плечами Павел. — Кстати, есть мнение, что хофу пытаются создать себе подобных из местных жителей.

— Теней?

— Нет, Тени — это управляемые подобия. Хофу же — слуги демонов, которые когда-то были людьми. Хофу они становятся каким-то загадочным образом.

Я вздохнула: из рассказа Павла мне почти ничего было не понятно.

Вдруг он остановился и обернулся в сторону гор. Звон колоколов, который звучал хоть и тихо, но весьма отчетливо, резко оборвался, а со стороны города в небо поднимался столп дыма.

— Так это все-таки пожар? — ужаснулась я.

— Может, и пожар, — хмуро ответил Павел. — Странно все это. И колокола, и туман этот. Теперь вот как будто что-то горит: уж не храм ли? Хофу первым делом всегда колокольни жгли... Поторопимся!

— Может, нам лучше вернуться? Вдруг людям нужна наша помощь?

— Не думаю, что это хорошая идея. Скорее всего все это работа архейских караванщиков. Вон, смотри, джонка тоже улепётывает, — поднял голову Павел. — Не бросили бы артефакторы Арзун: островные хоть и чокнутые, но честные.

Мы ехали не останавливаясь, пока не стало темнеть. Перекусывали, не слезая с животных, козинаками, сухарями, орехами и батончиками. Спустились в предгорье с великанами-кайлу и густым сосняком, покрывающим склоны возвышенностей. Чем дальше мы отдалялись от гор, тем ровнее была местность. Холмы, покрытые сухой, выжженной солнцем травой, местами еще сохраняли зеленые островки вблизи оврагов и в тени деревьев. Весь день солнце грело слабо, было прохладно.

Павел обходил стороной все поселения, ругаясь, когда на пути попадались деревеньки, не отмеченные на карте. Он даже вдоль реки отказался идти, потому что «там точно куча поселков, это же река — место, где можно всегда найти еду и сплавить товары».

От долгой езды болела спина, затекли ноги, но Павел хотел отъехать как можно дальше от гор и Арзуна, и мы продолжали двигаться, пока он наконец-то не согласился устроить привал под невысокой раскидистой сосной.

— Переночуем здесь, — решил Павел. — Место хорошее: сухое, закрытое от ветра, и ручей недалеко.

У меня был очень скудный туристический опыт. Проще говоря, я ничего не умела: ни

костер развести, ни палатку собрать. К природе я относилась настороженно, как чисто городской житель, и с глубоким подозрением, предполагая полное отсутствие комфорта и наличие неудобств в виде холода, насекомых, диких зверей и бытовых страданий. Смотреть на холмы мне быстро наскучило, и, в отличие от Павла, который то и дело предлагал вдохнуть поглубже и изумлялся «вкусному» воздуху, красоте пейзажа и яркости неба, меня все вокруг раздражало. Чем дальше я находилась на природе, чем сильнее мне хотелось назад, в милый сердцу загазованный город.

Наконец мы расседлали животных, разожгли костер, разложили пенки и спальники. Хотя правильнее сказать, что это Паша разжег костер, объяснил, куда кинуть спальник и заставил разложить пенку. Он же показал, как готовить ужин на горелке: вскипятил воду, закинул в нее самую простую крупу — гречу, положил ломтики «салями» на толстый кусок хлеба и подал мне. На свежем воздухе любая горячая еда съедается на ура, даже гречка, которую я в городе старалась есть как можно реже. Потом мы пили чай, в который Павел щедро добавил сгущенки и который здесь казался настоящим напитком богов. После такого ужина я не могла ни сидеть, ни стоять от усталости и переживаний, так что меня свалило с ног прямо в спальник.

Дежурить решили по очереди, и первым вызвался Павел.

Спала я плохо: постоянно вздрагивала во сне и просыпалась от криков ночных птиц, а когда наконец крепко уснула, мне приснились родители. Они что-то кричали мне, но я никак не могла расслышать, что же.

Посреди ночи Павел разбудил меня, прервав этот мучительный беспокойный бред, я с облегчением заступила на дежурство и, чтобы снова не уснуть, стала рассматривать загадочный темно-красный кристалл. Я никак не могла понять, тот ли это кристалл, что носила на груди Тень Тимура.

«Растяпа! — ругала я себя. — Куда ты смотрела? Надо быть внимательнее!»

Кристалл, прохладный и гладкий, имел форму вытянутого ромба со закруглёнными гранями и легко помещался в ладони. По краям он был почти черный, в центре его пульсировала еле заметная красная искра. Заметить эту пульсацию можно было только через мои сканеры. Была ли эта она раньше, когда я пыталась понять, что это за артефакт, и изучала его с помощью различных приборов?

«Тогда ее точно не было», — решила я.

В таком случае, откуда эти изменения? По спине пробежал холодок. Мог ли причиной пульсации быть тот порез на моей ладони? Я снова взглянула на кристалл сквозь очки: пульсация исчезла, камень тусклой стекляшкой лежал на ладони.

«Показалось! — с облегчением подумала я. — Что же это за камень такой и какие у него свойства? Защитные? Или что-нибудь этакое, предвидение будущего, например? Или, может, это что-то вроде оружия? Хотя вряд ли: порезавшись об оружие, я уже точно склеила бы ласты».

Мои размышления прервал какой-то шорох: должно быть, птица пролетела, ведь ночь была полна разных звуков. Оторвавшись от кристалла, я осмотрелась: вокруг, кажется, никого не было, и Мурзик спал спокойно и крепко, как младенец, да еще и похрюкивал во сне. Интересно, проснется он в случае опасности или продолжит сладко дрыхнуть, даже когда ему откусят половину мощной лапы?

Подумав, я выпустила из сумки снарков, надеясь, что они не сбегут. Спотыкач недовольно прищурил глаза, глядя на тусклые угли от костра, и улегся мне на плечо, а

Проныра сразу скрылся в ночи. Но поскольку он не свистел и не шипел, я не беспокоилась: опасности точно нет, можно продолжить спокойно ждать утра.

В итоге мое дежурство закончилось тем, что я мирно уснула под боком у Мурзика. Как потом сказал Павел, «приходи и бери нас, безмятежно дрыхнувших, голыми руками». А еще нам стало понятно, что мы не созданы для сна на земле, долгих путешествий верхом и отдыха под открытым небом: мы встали раздражённые, невыспавшиеся и опухшие от укусов комаров.

Под утро пошел дождь, земля размокла, и ручей стал значительно больше — повезло, что мы расположились достаточно далеко от него, иначе проснулись бы в воде. Утешало только, что сосна закрыла нас от морозящий сырости и что ночь прошла спокойно.

— Просто мы непривычны к таким путешествиям, — сказал Павел и принялся готовить завтрак, периодически с кряхтением потирая спину. — Думаю, скоро мы уже станем бывальными путешественниками.

«Или просто помрете от холода, голода или зубов диких зверей», — заметил внутренний Геннадий.

Через несколько часов мы как-то незаметно для самих себя вышли в степь. Далеко вперед, насколько хватало глаз, простиралось колышущееся море. Оно словно струилось и текло по земле серыми и золотыми волнами трав, местами сменяясь невысокими кривыми кустарниками.

Вокруг и правда было ни души. Особенно непривычным для меня было отсутствие столбов линий электропередач и проводов.

— Это и есть та самая острая трава? — спросила я у Павла, беспокоясь за наших животных.

— Нет, она южнее. Это обычный ковыль, — ответил он и, цокнув языком, направил Мишку прямо в желтое море.

Идти по степи было еще хуже, чем по холмам: глазу зацепиться было не за что. Единственным развлечением для меня стали птицы, то и дело выскакивавшие из-под ног наших животных.

Устраиваясь на очередную ночевку, я спросила у Павла:

— Паш, нас тут не сожрет кто-нибудь? Какой-нибудь динозавр или другой какой хищник?

— Вряд ли, — успокоил меня он. — Во-первых, с нами Мишка, а во-вторых, из зверей здесь водятся только тушканчики и суслики. Спи давай.

— Подожди спать. Расскажи еще что-нибудь о Призрачном драконе. Может, ему уже пора открыть глаза и посмотреть вокруг?

— По мне, так лучше обойтись своими силами, — немного подумав, ответил Павел. — Все те три раза, когда, согласно легендам, появлялся Призрачный дракон, мир находился в шаге от катастрофы. Так что лучше не доводить до этого.

В эту ночь я спала гораздо спокойнее: то ли от того, что оба снарка дружно сопели у меня под боком, то ли от негромкого умиротворяющего хрюканья Мурзика. Проснувшись на рассвете, я осмотрелась: Павел еще спал, в воздухе стояла утренняя туманная дымка, вокруг тишина. И среди всей этой безмятежности я вдруг услышала голос Мусы Ахмедовича.

— Ты уверен, Расул?

Муса Ахмедович спускался на эскалаторе на перрон станции «Северный вокзал». В сером шерстяном пальто и кепке похожий то ли на усталого банковского служащего, то ли

на инженера, он разговаривал с немолодым мужчиной в кожаной куртке.

— Слухи о том, что в отделе появился предатель, ходят давно, — отвечал Расул. — Что-то готовится, Ахмедыч, ты поэтому не расслабляйся! Я тут направил запросик в Москву, пока ты был в командировке, посмотрим, что они нам ответят.

— Что за запрос? — насторожился Муса Ахмедович.

— Да по кристаллу одному. Есть у меня подозрение, что он не простой.

— Ты уверен, что это безопасно?

— Авось пронесет, — усмехнулся Расул. — На ловца, если что, и зверь прибежит. Да, Муса, я три дня отгула возьму, — он постучал ладонью по груди, — к кардиологу схожу: мотор барахлит что-то.

Послышался шум приближающегося поезда, поднялся ветер, и Муса Ахмедович придержал кепку.

— Трех дней-то хватит тебе для обследования? Ты все же будь осторожнее, Расул, — вздохнул он. — Сейчас всем нам необходимо быть в форме. Если это хофу снова мутят воду, то не миновать нам очередного прорыва и войны.

Расул молча кивнул. Свист нарастал, в конце тоннеля забрезжил свет, и полы его длинной кожаной куртки затрепетали на ветру. Придерживая их, он крикнул Мусе Ахмедовичу:

— А ты тоже почувствовал, что метро болтает сильнее? Я уже стал улавливать отдельные слова. Впечатляет, скажу тебе.

Муса не ответил и как будто к чему-то прислушался. Вместе с поездом по перрону промчалось эхо, словно завывавшее: «Пронесё-ё-ёт».

А потом кто-то деловитым голосом Козлиного ответил: «Нет».

Сказано это было четко и со скучающим тоном, но так, что сразу стало понятно: что-то будет. Оба, и Муса, и Расул, вздрогнули и обернулись. Я тоже огляделась: поезд со скрипом остановился, из вагонов повалил народ. Дождавшись, пока все выйдут, я вошла внутрь вслед за Мусой Ахмедовичем и Расулом, и тут кто-то тронул меня за плечо.

— Вставай, Таня, пора! — сказал Павел.

Я уселась в спальнике, стряхивая с него капли: под утро прошел небольшой дождь. Голова болела, и меня немного знобило: уж не простудилась ли?

Павел уже протягивал мне кружку с горячим сладким чаем, обеспокоено заглядывая в мое усталое лицо.

— Опять дурной сон?

Я кивнула, с благодарностью взяла кружку и сделала большой глоток горячего чая.

— Уф-ф-ф, хорошо, — довольно протянула я. — Приснится же всякий бред!

Чай прогнал мерзкое ощущение тумана в голове, и я стала помогать Павлу складывать наши вещи и грузить их на Мишку и Мурзика.

Мы даже не подозревали, насколько легко и комфортно проходило наше путешествие, до сих пор больше напоминавшее необременительный туристический поход. Весь день шел дождь: поздняя осень в полную силу вступила в свои права. Ливень, град, а потом и многочасовая морось сделали свое дело: мы замерзли, устали и промокли, как бродячие собаки на дороге. Вечером Павел с трудом приготовил горячую похлебку с крупой и салом, а я, проклиная погоду, недоумевала, почему мы не прихватили с собой палатку. Вот забыли, и все тут. Павел тоже вздыхал и, подозреваю, грустил о том же.

Проснувшись и с трудом разогнув свои промокшие спины, мы обнаружили, что медведь

пропал. Мишка каждую ночь отправлялся на охоту, но утром всегда был на месте. А сегодня он не вернулся. Мы прождали его несколько часов, периодически высвистывая команду «назад» в мой свисток-артефакт, но тщетно.

И тогда, погрузив вещи на Мурзика, мы пошли дальше пешком. Ходоки мы были так себе: ноги разъезжались на мокрой скользкой земле, постоянно натывались на какие-то ямки, норы сусликов, камни, неровности. Несколько раз я сильно споткнулась и чуть не подвернула ногу, но в конце концов привыкла: просто глядела себе под ноги и старалась не отставать от Павла.

Потом вновь пошел уже опостылевший дождь — кожаные плащи отяжелели, ботинки промокли.

— Такими темпами мы доберемся до станции не раньше, чем через пару недель, — уныло сообщил мне Павел. — И то если повезет.

— А до Тира-то далеко еще? — проскрипела я, чувствуя, как плещется в ботинках вода. — До него бы хоть дойти.

— До Тира, думаю, осталась пара дней пути. Хотя... может, и больше.

Мы устало тащились вперед под дождем, даже Мурзик весь вымок, а его гребень как-то побледнел. Сидевшие на нем снарки казались двумя мокрыми, нахохленными курицами и недовольно шипели и на нас, и на ящерицу. Приходилось то и дело останавливаться, чтобы отдохнуть и согреться горячим супом, который Павел разводил из пакетов прямо в кружки. А еще нужно было следить за снарядами, потому что Проныра умудрился спереть пару пакетиков, прогрызть в них дыру и сожрать все содержимое.

— Вот гад, — обругал снарка Павел. — Ведь я тебе только что сухарь отдал, проглоти эти этак!

— А, бесполезно, — я устало махнула рукой, прихлебывая горячее варево из металлической кружки. — Он из спортивного интереса ворует. Так что надо часть еды на себе тащить.

— Лучше мы этого гада в сумку запрем, — решил Павел и попытался поймать шустрого зверька.

Проныра с шипением прыгнул со спины Мурзика и юркнул в мокрую траву.

— Надеюсь, там ты еще сильнее вымокнешь, — мстительно произнес Павел.

— Он тебе отомстит, вот увидишь, — покачала я головой. — Дождется, пока ты расслабишься, и как-нибудь нагадит. Ты только подожди.

— Да он совсем обнаглел! — возмутился Павел.

— Это точно, — вздохнула я. — Надо что-то с ними делать. Как-то дрессировать, что-ли. Есть какие-нибудь приспособления для этого, не знаешь? Если аристократия держит снарков как домашних зверушек, то наверняка должно быть.

— Поищем в Тире, — буркнул Павел.

Вечером дождь кончился, но зато заметно похолодало. Павел развел костер, нарубив на растопку высушенное колючее дерево, и мы попытались просушить часть вещей, но получилось у нас плохо.

Проныра за ночь так и не появился, зато Спотыкач обсох и отлично выспался в моем спальнике. А утром мы обнаружили, что Мурзик свернулся в клубок и впал в спячку.

— Ну все, — вздохнул Павел, — теперь дней пять будет дрыхнуть, а может, и дольше.

— А вдруг до самой весны?

— Не-е-т, — засмеялся Павел, — на моей памяти он дольше двух недель не спал. Так

что проснется.

— Будем ждать?

— Конечно, нет, пойдем пешком. До Тира идти день-два максимум. Чтобы быстрее добраться, пойдем налегке. — Павел ткнул зеленый бок ящерицы испачканным в грязи носком сапога: — Эх, Мурзейка, подвел ты нас, друг!

Мы оставили Мурзика под кустом колючего кустарника, закрыли его ветками, чтобы не был сильно замечен, и там же оставили наши вещи: все равно на себе столько не утащить. Каждый повесил на плечо по большой сумке. К середине дня мы выбрались на размокшую от дождей дорогу. Грязь была страшная, и я с трудом выдергивала ботинки из размокшей чавкающей глины, беспокоясь о том, что могу просто потерять их в этой жиже.

— Может, все же по степи пойдем? — предложила я Павлу.

— Один наш зверь пропал, — пыхтел он, шагая по грязи, — второй впал в спячку. Мурзик, конечно, потом нас нагонит — у него отличный нюх. Это дорога — самый короткий путь. Так что давай просто дойдем до Тира в целости и сохранности, а там уже решим, как нам перебраться на другую сторону озера.

Глава двадцатая

До паромной переправы мы добрались к вечеру следующего дня. Наверное, можно было прийти быстрее, но Павел сказал, что мы сильно отклонились на юг и пришлось спешно «подниматься» на север. Небо затянуло тучами, стемнело, видимость была очень плохая, но у тирской паромной переправы горел маяк, видневшийся издали еще при подходе к городу.

Пока мы шли, Павел рассказал мне, что еще лет десять назад на месте города был небольшой, окруженный хлипким частоколом поселок с парой грязных улиц и деревянными воротами из досок, которые закрывались на ночь и даже не охранялись. Сейчас на его месте раскинулся большой торговый город с каменными домами, огромным рынком, множеством трактиров и храмом, а некоторые улицы даже освещались фонарями. Вход в город перекрывали ворота из толстых бревен, за которыми стояла пара тэнгунов, которых я сразу узнала по зеленым кафтанам и оранжевым наборным поясам.

— Да, похоже, дела в Тире идут неплохо, — пробормотал Павел. Проходя через ворота, он кинул мелкую монетку в специальный ящик на входе.

— Это за вход? — спросила я, уныло плетясь следом: ботинки, набрав воды и грязи, стали невероятно тяжелыми. — Здесь теперь какое-то важное место? Ты говорил, что паром — единственная возможность быстрее добраться на восток.

— Да, — устало кивнул Павел и добавил: — Ночевать будем там, где всегда останавливался Муса Ахмедович.

Тир, торговый город на берегу Срединного озера, в темноте казался мрачным и не располагал к прогулке. По улицам расползлся какой-то серый туман, каменные мостовые влажно поблескивали. Воды вокруг было много: в воздухе стояла морось, сверху капал мелкий дождь, на земле блестели лужи. Если центральные улицы еще были вымощены камнем, то в переулках попроще они были в лучшем случае покрыты деревянными настилами, а в худшем — просто земляными, узкими и размытыми дождем. А еще в городе ощутимо пованивало стоячей озерной водой, тиной, немного рыбой и очень сильно — дымом.

— Смотри не упади, — простуженно бурчал Павел, весь отсыревший, вплоть до отросшей за эти дни бороды, с красным носом и ужасным насморком.

Я тоже выглядела не лучше и больше всего на свете мечтала о сухой одежде и горячей еде.

— Запашок тут, конечно, стоит, — вздохнул он. — Вроде раньше так сильно не воняло. Ну да ладно, перетерпим, не сахарные.

— Ты давно здесь был? — спросила я, сунув замерзшие руки под мышки.

— В прошлом году.

Дома стояли с закрытыми ставнями: жители Тира ложились спать рано. Только в центре города светились окна трактиров. По улицам в сырой мгле нам встречались редкие прохожие, похожие на привидения, и иногда стража. Нас ни разу никто не остановил и, вопреки моим опасениям, не попытался ограбить, и мы довольно быстро добрались до трактира.

— Что это за место? — поинтересовалась я, с трудом шевеля одеревеневшими от холода губами.

— Его знакомый Мусы Ахмедовича держит, — сказал Павел. — Медведем зовут — это

прозвище вроде. Мужик суровый, но надежный, и кухня у него хорошая.

Трактир оказался двухэтажным каменным зданием с широкими окнами, типичным для городков Империи: крыша с загнутыми вверх краями покрыта темной от сырости черепицей, на коньке — фигурка Тэнлу. За мутным цветным стеклом горел свет, исходивший, вероятно, от камина или очага. Павел решительно шагнул вперед, толкнул тяжелую дверь, зашел внутрь и прогудел:

— Здорово, хозяин!

Я с замирающим сердцем юркнула следом.

В трактире было тепло и душно, пахло едой и людьми, но после сырой улицы вся эта обстановка казалась мне прекрасной. Небольшое окно было отделано витражом с изображением огнедышащего дракона и воина, под потолком висела круглая люстра с зажженными свечами. Хозяин гонял с поручениями кухонных работников и беседовал с немногочисленными посетителями, которые пили у стойки. Если не обращать внимания на клинок, висевший у хозяина на поясе, то можно было представить, что это какой-то ирландский паб, стилизованный под старину.

— Прямо как в кино, — призналась я. — Все никак не могу поверить в реальность происходящего.

— Внутренний Геннадий включился? — засмеялся Павел, который снял плащ и теперь наслаждался теплом. — Да ну его в баню, сейчас поедем горячего и пойдем спать. Дела подождут до завтрашнего утра.

— В фильмах и книгах от такой беспечности всегда случается какая-нибудь гадость, — заметила я.

Павел лишь тяжело вздохнул. Посетителей в трактире было немного, и мы заняли столик подальше от двери и поближе к камину. Высокая и седая сухопарая помощница Медведя принесла нам еду, с неодобрением посмотрела на лужу, натекшую с мокрого плаща Павла, и ворчливо сказала:

— Одежду-то и отряхнуть мог бы, Почтовый.

— Э-э... — смутился Павел. — Не подумал как-то...

— Ладно уж, — махнула она рукой, — ешьте вот. Медведь вам лично распорядился подать. Знает, что вы с дальней дороги.

Она покосилась на меня, с подозрением оглядев кожаный полукомбинезон и короткие кудрявые волосы, и ушла, всем своим видом выражая осуждение.

— Вот уж не думала, что мы так бросаемся в глаза, — сказала я. — Надо менять одежду.

Павел кивнул и набросился на еду: густую и острую жирную похлебку вроде венгерского гуляша в глубокой миске, лепешки, травяной чай в закопченном металлическом чайнике и зелень. Все было горячее, свежее и очень вкусное, особенно после опостылевших сухих пайков и пакетиковых супов. Некоторое время мы молча ели, дуя в деревянные ложки. Скоро от острой и горячей еды по всему телу растеклось приятное тепло, замерзшие пальцы ног сладко заныли, а к лицу прилила кровь.

— Хорошо-то как, — довольно протянул Павел, когда наконец управился со своей порцией и даже собрал остатки густого супа куском лепешки.

Он налил нам чаю, взял свою чашку и, прищурившись, посмотрел на открытый огонь в камине.

— Да, ты права, — наконец со вздохом сказал он, — откладывать нельзя. Пожалуй, переговорю с хозяином: надо узнать последние новости. Он уже понял, кто мы, так что нет

смысла хитрить.

Павел с трудом поднялся и медленно, приволакивая сбитые ноги, направился к стойке. Хозяин, высокий плотный мужчина со сломанным носом и мрачным лицом, какое-то время молча слушал Павла, потом кивнул, что-то коротко сказал и вручил ему ключ от комнаты на втором этаже.

Мы с Павлом поднялись по скрипучей лестнице, которая вывела нас в узкий коридор с комнатами для постояльцев. Наша находилась в самом конце: небольшая спальня с низким потолком, окном, закрытым ставнями, умывальником и двумя жесткими топчанами с тощими матрасами. В углу была небольшая печка, уже растопленная, в которой ободряюще потрескивал огонь.

— Сойдет, — выразил общее настроение Павел. — Мокрую одежду подсушить точно сможем. Лишь бы клопы ночью не искусали.

— Клопы?! — ужаснулась я. — Клопов-то нам только и не хватало! Ты уверен, что они тут есть?

Я с сомнением оглядела матрас и потыкала пальцем подушку, как будто это могло помочь обнаружить кусачих тварей. Потом достала из сумки сонных мокрых снарков, дала каждому по куску хлеба и, усевшись на кровать, начала было снимать ненавистные ботинки, когда Павел остановил меня:

— Подожди, сейчас хозяин подойдет. Узнаем, что и как. Может, придется сразу уходить, хотя хотелось бы, конечно, отдохнуть денек.

— Думаешь, он прогонит нас? — нахмурилась я. — Ты говорил, что ему можно доверять.

Павел пожал плечами, вздохнул, потом порывлся в своем мешке, вытащил оттуда складной арбалет, за несколько секунд собрал его и, натянув тетиву, уселся напротив двери.

— В смысле?! — оторопела я. — Ты что собрался делать? Это что вообще такое? Мы что, стрелять будем?!

— Это на всякий случай, — коротко ответил Павел.

Ждали мы недолго: через несколько минут в коридоре послышались быстрые шаги, и в дверь постучали. Войдя и увидев арбалет, Медведь хмыкнул:

— Впечатляет. Вы, значит, от Мусы?

— От него, — кивнул Павел. — Давно ты его видел?

— В последний раз он заходил ко мне летом, — коротко ответил хозяин и без лишних разговоров перешел к главному: — Новостей у меня немного, и все они плохие.

— Говори, — напрягся Павел.

— Хофу лезут отовсюду, и это уже не просто слухи. Тени шастают к нам с севера — тэнлунги ловят и развеивают их пачками, а вот истинный хофу еще никому не попадался. Говорят, у них появилась своя защита и теперь их невозможно почуять. Тэнлунги проверяют всех, кто хоть немного отличается от местных. Если есть малейшие подозрения, волокут в свои храмы, а уж что там происходит, один Тэнлу разберет.

— Не может быть, — не поверил Павел. — Неужели все настолько плохо? А как же колокола? А ваши хваленые артефакты?

— Колокола работают, — пожал плечами Медведь. — А артефакты тоже действуют не всегда. К тому же в столице были убиты все самые искусные мастера-артефакторы. Уцелевших закрыли в храмах. Говорят, на севере, на границе с Архейской лигой, копят силы для начала войны.

Павел задумался и наконец спросил:

— А что на востоке? Там безопасно?

— Сейчас в Империи везде опасно, даже на западе.

— Шпионаж и диверсии?

— И это тоже. И вот еще, — трактирщик бросил Павлу какой-то предмет.

Это был защитный браслет почтальона.

— Откуда? — спросил Павел, а мое сердце сжалось.

— Поймали тут одного: воровал в золотой лавке два дня назад. При нем нашли браслет, — хмуро ответил хозяин. — В тюрьме его быстро казнили. Стража скрыла браслет, чтобы продать, а я выкупил его через своих людей. Это же кого-то из ваших? Муса предупреждал, что в таких случаях нужно срочно связываться с вами.

— Из наших, — горько подтвердил Павел. — Еще есть новости?

— Нет — покачал головой хозяин. — И надолго здесь не задерживайтесь. Ходят слухи, что за Почтовыми охотятся и все прежние договоренности разорваны.

— И кто же это охотится за нами?

— Известно кто: люди Архейской лиги.

— Да что же случилось, почему в Империи вдруг начался такой хаос? — вздохнул Павел.

— Говорят, Император болен: его никто не видел уже две недели. Отсюда и смута.

— Но как же армия? — не унимался Павел. — Ваша разведка? Тэнлунги, в конце концов?

Трактирщик пожал плечами:

— Я все сказал. Больше мне прибавить нечего.

Павел кивнул, закрыл за ним дверь и даже подпер ее стулом, сел на кровать и глубоко задумался.

— По-твоему, все это правда? — наконец подала голос я.

— Боюсь, что да. К чему Медведю нам врать? Муса говорил, он ему должен был за какую-то услугу, значит, какое-то время мы можем быть за себя спокойны. Но лучше не расслабляться.

— А что это за люди — тэнлунги?

— Они из местных священников-чилунов, что-то вроде инквизиции и контрразведки от церкви, — отмахнулся Павел и вдруг резко вскочил и забегал по нашей каморке. — Задерживаться нельзя! Завтра купим на рынке недостающую одежду и срочно на восток, пока не началась война или еще что похуже.

Он поднес к свету защитный браслет, который все еще держал в руках.

— Как думаешь, чей он? — спросила я.

— Сложно сказать: браслеты у нас не именные. Может, Тимура или Марии, у Игната был свой, с другим набором кристаллов. А может, его хозяин вообще с другой почтовой станции. Эх... Что уж тут гадать...

Утро выдалось солнечным. Днем Тир был приветлив и даже по-своему красив.

Мостовые подсохли, горожане выставили за окна горшки с цветами, рамы оказались украшены резьбой, незаметной в темноте, а двери были выкрашены в яркие цвета. Коньки крыш украшали уже знакомые фигурки дракона, а приподнятые края создавали ощущение, что дом вот-вот взлетит.

Я ожидала увидеть на улицах грязь, текущие вдоль дорог нечистоты и мусор, но там

оказалось на удивление чисто. Конечно, земляные дороги были грязными после дождя, но кто-то быстро положил вдоль домов деревянные настилы, так что можно было идти, не погружаясь по щиколотку в жидкую грязь. Никто не выплескивал помой из окон, горожане были опрятно одеты, приветливы и не выказывали по отношению к нам никакой враждебности. Только противный запах стоячей воды никуда не делся, но здесь никто уже не обращал на него внимания.

Мы завернули на рынок и купили два теплых дорожных костюма, мне — длинную, до колен, рубашку без воротника, Павлу — рубаху покороче, узкие пояса, которые носили местные, и шерстяные жилеты. На смену кожаным плащам взяли стеганные серые полукафтаны с утепленными капюшонами, а я приобрела еще и высокие сапоги с мягкими голенищами.

Браслеты и артефакты мы убрали под одежду и теперь выглядели как небогатые торговцы, люди достойные, но не аристократы. После долгих раздумий Павел все же взял себе похожий на саблю кривой клинок: многие торговцы носили подобное оружие.

— Ты что, умеешь с ним обращаться? — изумилась я.

— Нет, но без оружия я выгляжу странно, — ответил Павел, стараясь приноровиться к мечу, и добавил: — Правда, я уже не уверен, что это была хорошая идея.

Клинок был неудобен и при ходьбе бил его по ногам и путался в полах кафтана.

Закупившись одеждой и едой, мы поспешили к озеру. К деревянной пристани были причалены рыбацкие лодки и небольшие торговые суденышки. Выяснилось, что ближайший паром прибудет только завтра, а значит, нам предстояла еще одна ночь в Тире. С одной стороны, возможность выспаться в тепле нас порадовала, с другой, Медведь ясно дал понять, что оставаться в городе опасно. Но выбора у нас не было: не пускаться же вплавь через озеро.

— Смотри, — вдруг указал наверх Павел.

Я подняла голову: над городом парила джонка с красными парусами.

— Старый знакомый! — воскликнула я. — Интересно, что он тут делает? Опять замеряет какие-то сигналы? Что же он ищет?

— Надеюсь, не нас, — фыркнул Павел. — Теперь моя заветная мечта — незаметно проскользнуть на почтовую станцию и покинуть Шанлу целыми и невредимыми.

— И потом начать поиски наших, — подхватила я.

Павел одобрительно кивнул. Он купил на рынке кулек мелких жареных креветок, которых местные щелкали вместо семечек и теперь с удовольствием ел их, то и дело выплевывая колючие хвосты. В пять часов вечера зазвонили колокола, и их низкий мелодичный звон потек по улицам города, словно кисель, заполняя собой все проулки и дворы. Удивительное дело: когда звонили колокола, все вокруг словно становилось ярче, даже лица людей менялись, расслабляясь и светлея. Мы пошли по направлению звона и, свернув направо, оказались на небольшой центральной площади, на которой стоял каменный храм — одно из самых высоких зданий в городе, сложенное из светлого камня, с витражными узкими окнами и широкой колокольной, откуда и доносился звон.

Когда мы вернулись в трактир, хозяин его ни словом, ни жестом не показал, что вчера разговаривал с нами, с равнодушным видом выдал нам ключ и выставил на стол еду, на этот раз — тушеную капусту с жареной костлявой рыбой.

— Что насчет нашей легенды? — спросила я, когда мы поели и поднялись в комнату.

— Легенды? — не понял Павел.

— Ну да. Вот спросят нас, куда мы идем, — что сказать в ответ?

— Идеально было бы притвориться немыми, — хмыкнул Павел, — но это, к сожалению, невозможно. Скажем, что мы брат и сестра и отправляемся по торговым делам в столицу.

— Неплохо, братец, — улыбнулась я.

Ночь прошла спокойно, и на следующее утро мы с Павлом отправились на пристань. Перед выходом он велел мне проверить сумки и вытащить из них все лишнее.

— Хорошо бы еще наших крыс оставить тут, — буркнул он.

— Снарков! — привычно поправила его я. — Ну и кому ты их оставишь? В любом случае они сбегут за нами. Помнишь, Игнат намекал, что они полуразумные? Думаю есть в этом что-то...

— Ага, — кивнул Павел, — конечно есть: Проныра ночью нассал мне в сапог. Замечательно!

— Ну, зато мы теперь точно знаем, что у него отличная память, — засмеялась я.

Пока Павел, ругаясь, сушил сапоги, я осмотрела свои вещи и решила, что все возьму с собой: каждый кристалл может понадобиться. Да и ценность их слишком высока, чтобы отдать их какому-то малознакомому трактирщику. Потом я вытащила темно-красный кристалл, задумчиво повертела его в руках и в конце концов положила в тонкий кожаный мешочек, который повесила на грудь: мне показалось, что хуже от этого не будет.

К переправе мы подоспели вовремя: народ толпился на пристани, в нетерпении поглядывая на капитана, который с самым независимым видом стоял на палубе большой плоскодонной лодки, на которую загружали какие-то ящики с большой телеги. За погрузкой наблюдал торговец с двумя охранниками. Вторая лодка стояла чуть поодаль. Судя по количеству пассажиров, обе они должны уйти полными под завязку. Когда люди начали наконец подниматься на борт, мы с Павлом пристроились в конец очереди.

Вдруг я почувствовала, что камень на груди потеплел. А когда мы проходили мимо торговца, который лениво разговаривал с охранниками, камень резко нагрелся и обжег меня сквозь одежду и кожу мешочка. Я схватилась за грудь и увидела, что глаза у торговца совершенно черные, словно залитые густой темнотой. Этими черными ямами он рассматривал проходивших мимо людей, которые, казалось, ничего не замечали. Ужас, охвативший меня, сложно было описать: я ощутила какой-то иррациональный страх и желание немедленно бежать.

Я молча схватила Павла за руку и потащила прочь от пристани.

— Да что случилось?! — спросил он, пытаясь вырваться. — Что с тобой?

— Ты видел? Этот торговец, он не человек!

— Обычный мужик, — сердился Павел. — Что за истерика? Что тебе привиделось?

— У него черные глаза!

— Я ничего не заметил, — растеряно сказал Павел. — Ты уверена?

— Абсолютно!

— Не может такого быть... А если ты права, то как им это удалось? — задумался Павел. — Ты понимаешь, что увидела хофу, который спокойно находился в городе с одним из самых мощных храмов Тэнлу, и никто не заметил, что это слуга демонов?! А ведь в очереди на паром я видел пару чилунов.

Я поежилась: так вот, как они выглядят, эти загадочные хофу... Камень на груди остыл, место ожога нещадно чесалось. Я вытащила мешочек и увидела, что кристалл прожег в нем дыру.

— А это что за артефакт? — прищурился Павел.

— Нашла в мастерской. Правда, пока не поняла, что за кристалл.

— Ты носишь на себе незнакомый камень?! С ума сошла?

— Если бы не он, мы бы не увидели хофу. Можно сказать, он нас спас.

— Странно. Чилуны ничего не увидели, а ты вдруг их распознала, — почесал затылок

Павел. — Ну ладно, поздно переживать: паром уже отчаливает.

— И что будем делать? Ждать следующий?

— Боже упаси! Наверняка тут полно хофу, — передернул плечами Павел. — Лучше пойдем в обход. Пешком!

Я вздохнула: опять пешком, опять тропы, дороги, комары...

Глава двадцать первая

Не успели мы отойти от Тира подальше, как над нами стала нарезать круги уже знакомая нам джонка. Павел, недовольно поглядывая вверх, пробурчал:

— Знаешь, что я заметил? Сначала появляется этот рыжий крендель, а потом начинаются неприятности! Ой, не к добру эта посудина тут летает!

Я задрала голову, с интересом наблюдая за судном, которое то удалялось, то приближалось.

— Эх, а я бы с радостью на ней полетала. Так уж точно лучше, чем вот это все, — и я кивнула на тропу, по которой мы шли вдоль озера.

Нам так и не удалось уйти далеко от города: похоже, мы исчерпали свой запас удачи. Когда тропа резко стала забирать вверх, мы медленно, с пытением, больше часа ползли по ней и, взобравшись на вершину, от усталости совсем потеряли осторожность. Павел, который вышел на возвышенность первым, резко остановился, толкнул меня назад, а сам, пригнувшись, попытался скрыться за кустами.

На вершине холма стоял уже знакомый нам торговец с тирской пристани и разговаривал с рыжеволосым капитаном джонки. Мой темно-красный кристалл немедленно нагрелся и даже сквозь рубашку обжег кожу.

Приземлившаяся джонка напоминала раненую птицу: паруса обвисли, как поникшие крылья, а корпус опасно накренился. Казалось, она вот-вот рухнет на бок, смяв выступающие деревянные и металлические трубки и снасти.

Нас, конечно же, заметили.

«Нельзя быть таким беспечными», — запоздало подумала я. Бежать было поздно, охранники торговца были уже рядом — блеснули короткие, расширяющиеся к концу, клинки.

— Спокойно, — сказал Павел то ли мне, то ли им.

Он выпрямился и поднял руки раскрытыми ладонями вверх, показывая, что оружия у него нет. Я встала за его спиной, лихорадочно соображая, хватит ли заряда моих кристаллов, чтобы создать воздушную стену, и запоздало сожалея, что артефакт работает только на одном человеке.

Между тем торговец резко толкнул рыжего парня в грудь, и тот упал. Он явно был жив, но, похоже, каким-то загадочным образом обездвижен, причем, судя по его искривленному от боли лицу, весьма болезненным способом.

Развернувшись, торговец не спеша направился в нашу сторону. Он выглядел совсем как обычный человек: немолодой, невысокий, крепко сложенный, правда, черты лица были словно смазанные, отвернись — и вряд ли их вспомнишь. Оглядев нас своими страшными глазами, он спокойно и уверенно произнес:

— Су-шен и шени! Решили пойти пешком? Чем же вас не устроил паром?

— Передумали, — пожал плечами Павел.

— Куда направляетесь? Мы как раз ищем попутчиков, не хотите присоединиться?

— В столицу, — не моргнув глазом, коротко ответил Павел. — Попутчиков не ищем.

— И откуда же вы? — продолжал допрос торговец.

— С Дэона.

Я не вмешивалась в беседу: боялась как-то показать, что понимала, кто именно стоял

перед нами. Кристалл, судя по всему, прожег кожаный мешочек, затем мою рубашку и теперь медленно выжигал на моем теле отпечаток своих граней. Я поморщилась, представив, какой сильный потом будет ожог. Долговязый рыжий островитянин продолжал неподвижно сидеть на земле, словно замороженный, даже глазами перестал вращать.

Торговец все рассматривал нас, если это слово можно применить к его странным нечеловеческим глазам, и как будто раздумывал, что ему делать дальше.

— А что с кораблем? Это ваш? — неожиданно для себя спросила я.

Павел в изумлении обернулся ко мне: он явно не понимал, о чем речь.

— Каким кораблем? — живо повернулся ко мне хофу. — Шени видит корабль? Что за странное видение посетило тебя, дитя...

Мои мысли заметались, как испуганные снарки: это что же получается, только хофу и я можем видеть джонку?! Как же неудачно получилось... Интересно, как он скрыл ее ото всех? Неужели с помощью какого-то артефакта невидимости?

Последующие события стремительно пронеслись у меня перед глазами, смешавшись в одну кучу. Торговец сделал два широких и каких-то текучих шага в мою сторону, Павел дернулся, чтобы прикрыть меня собой... Взмах меча, блеск стали, и он упал на выжженную траву прямо у моих ног. Меня словно накрыло плотной пеленой: ветер стих, уши забило вязкой тишиной, стало жарко, все вокруг выцвело. Я видела только глаза хофу, из которых вдруг начала изливаться темнота, клубясь вокруг его лица. Он протянул ко мне руки, и я поняла, что это последние минуты моей жизни...

Сильнейшая боль пронзила меня в тот момент, когда хофу коснулся моего плеча: она скрутила, вывернула суставы и пронеслась по всему моему телу, сминая кости и выжигая кровь. И так же резко схлынула, оставив меня, мокрую и дрожащую, обессилено лежать на земле.

На том месте, где только что стоял хофу, дымилась горстка золы. Его охранников и след простыл. Испарились они, что ли?

Кривясь от боли, я с трудом подползла к Павлу и стащила с него треснувшие очки-авиаторы. Рукав его намок от крови.

— Папа! Ты живой?

Залезла в свою сумку, достала все запасы аптечек, которые были у меня с собой, запихала артефакты Павлу под рубашку и стала ждать, напряженно всматриваясь в его бледное лицо. Эти секунды казались мне вечностью.

— Он живой, — раздался откуда-то сзади знакомый звонкий голос. — Его всего лишь слегка поцарапали мечом. Хотя, конечно, эти отродья тьмы могли клинок ядом вымазать, но вряд ли: вон, су-шен уже открыл глаза. Не бойся, шени!

Павел и вправду пришел в себя. Я обернулась: рядом с нами стоял тот самый рыжий хозяин джонки.

— Шени — непревзойденный боец! — с уважением сказал он и представился: — Джоэсс Никколо Луиджи. Можно просто Ник, после такого-то происшествия! Могу я узнать ваши имена?

Я молча смотрела на него: слова до меня до сих пор доходили туго. О чем это он? Кто боец? Я?! Неужели это я сожгла хофу? Или, может, это кристалл?

Не дождавшись ответа, Ник продолжил:

— Предлагаю как можно быстрее покинуть это место. Не думаю, что хофу был один. Сможешь встать на ноги? — наклонился он к Павлу.

Идти сам он не мог, и мы с новым знакомым подхватили его под руки и затащили на борт джонки. Потом Ник достал свисток, выточенный из цельного куска какого-то желтого кристалла, и коротко дунул в него. Звука не последовало, но через пару мгновений джонка начала медленно, со скрипом подниматься вверх.

— Интересная штука, — с уважением заметила я.

— Обычный управляющий артефакт, — отмахнулся Ник.

За последующие несколько часов я поняла, что передвигаться по воздуху куда легче и приятнее, чем пешком. Джонка оказалась просто чудесная: отделанная дорогими породами дерева, с тремя каютами и плотными алыми парусами. Металлические части судна блестели медью или серебром, и вообще все выглядело очень дорого.

Команды на судне не было: Ник со всем управлялся сам, а корабль слушался его беспрекословно, словно живой. Впрочем, может, так оно и было? Судно, казалось, с любопытством прислушивалось к нам.

Летели мы почти бесшумно, слышно было лишь легкое поскрипывание переборок, еле уловимый свист, доносящийся из опутывающих корпус тонких металлических трубок, и редкое хлопанье паруса на ветру.

— Послушай, — первым делом спросил Павел, когда более-менее пришел в себя, — кто же нас всех спас? Ник?

— Нет.

— А кто же?

— Я... — видя его растерянность, я пояснила. — С помощью кристалла. Было ужасно больно! А охранники просто сбежали...

Павел помолчал, переваривая полученную информацию.

— Обговорим это позднее, — наконец предложил он. — Что же это за кристалл такой и откуда он взялся у нас в мастерской?

Я пожала плечами: ответа у меня не было.

— А корабль может быть живым? — я перевела разговор на другую тему.

— Нет, — ответил Павел. Потом немного подумал и добавил: — Правда, есть ничем не подтвержденное мнение, что долгое существование магических предметов может привести к некоторой не то чтобы разумности, но какому-то характерному поведению этих вещей.

— Интересно, — прошептала я, — почему островные до сих пор не захватили весь мир с таким-то научным прогрессом?

— Легенды гласят, что они бежали в Шанлу из мира хофу и получили здесь защиту от Призрачного дракона, не давшую им превратиться в монстров. В благодарность за это жители Островов поклялись посвятить свои жизни выжиганию всей этой демонической дряни. У них есть какой-то сложный кодекс, в котором прописано, что самое главное для них — борьба с демонами, наука и прогресс. Если честно, я очень мало об этом знаю, Игнат смог бы рассказать гораздо больше.

Мы оба вздохнули, вспомнив «волчару» и «старого тхэ».

— И что, вот так прямо все подчиняются древнему кодексу? А как же темные властелины? Что, островные ни одного не сумели породить? Не верю...

— Была среди них парочка, — кивнул Павел. — Сами же островные их и удавили. И вообще, откуда мы знаем что именно их сдерживает от того, чтобы установить в Шанлу свое господство? Может это что-то физическое. Не одной же метафизикой жив человек!

— Может, попросим подбросить нас до станции? — спросила я, покосившись на Ника,

стоявшего поодаль на специальном возвышении, где скорее всего должен был быть штурвал. Он положил руки на прозрачную сферу, закрепленную в специальном углублении на стойке, сделанной из какого-то металлического сплава. Внутри висело несколько кристаллов, светившихся ярко-голубым светом. Я с интересом уставилась на неизвестное устройство управления джонкой.

— Это было бы неплохо, — ответил Павел. — Вопрос только в том, чем мы будем с ним расплачиваться...

На палубе стремительно холодало: джонка поднималась все выше.

— Сейчас поставлю автопилот, и можно будет спуститься в каюту, — сказал Ник, заметив, что мы замерзли. — Давно уже мы не фиксировали такого количества хофу в Империи.

— А как вы это делаете? — поинтересовалась я.

— Есть специальные устройства. Правда, у них иногда хромает точность. Добиться устойчивой работы нам так и не удалось, — Ник отнял руки от сферы и махнул нам, приглашая спуститься в кают-компанию. — Так откуда вы?

— С почтовой станции на западе Империи, — ответил Павел.

— Так вы Почтовые! — изумленно воскликнул Ник. — Никогда еще не встречал людей из вашего мира, хотя много слышал о вас от моего прадеда. Он помогал искать трещины между нашими мирами, а еще участвовал в той войне против демонов на Земле. — Он наморщил лоб. — Под Сталинградом, что ли... Есть у вас такое место?

Слышать это было странно. Оба моих прадеда прошли всю войну и вернулись живыми, хоть и с ранениями. И этот разговор словно создал между нами особые доверительные отношения, как будто теперь мы объединены чем-то общим. С другой стороны, разве это не так? Хотя, конечно, Нику ничто не мешало соврать.

— Нам нужно попасть в почтовое отделение на востоке Империи, — наконец решился начать разговор Павел и коротко пояснил причину нашего ухода со станции. — А ты куда направляешься?

— Я не могу назвать цели моих исследований, но пока что нам по пути, — ответил Ник. — И кстати, помимо хофу мы фиксируем увеличение числа теней-разведчиков. И еще... мы посетили почтовую станцию на севере Империи и еще два ваших отделения. Там никого нет, никаких признаков жизни. Что скажете?

— Возможно, все сотрудники просто на Земле, — предположил Павел. — Или выведены из Империи в целях безопасности, после того как обнаружили блокировку наших ворот. Это было бы самым правильным решением. Хотя в свете последних событий... — задумался он. — Может, их тоже заблокировали?

— Думаете, где-то на Земле есть предатель? — спросил Ник. Мы кивнули. — Что ж, это вполне возможно. Раз он действует настолько открыто, то скорее всего его операция вышла на следующий этап, когда можно уже не скрываться.

— Уверен, предатель тут не один, — вздохнул Павел.

— Их наверняка полно в ваших элитах и руководстве. Впрочем, то же самое мы наблюдаем в Империи. — Ник помолчал, а потом спросил у меня: — А что это за камень у тебя, Таня? Вот этот, в оплавленном кожаном мешке.

Я, спохватившись, поскорее запихала кристалл под одежду. Камень и в самом деле оплавил кожу мешочка так, что она образовала плотную сухую кожаную «скорлупу» вокруг него с одной стороны, а с другой попросту отсутствовала. Что же это получается, он

нагревался только с той стороны, которая была обращена ко мне?

— Глупец! Ясно же, что девчонка — носитель луэ, — раздался чей-то скрипучий голос.

Мы с Павлом в изумлении уставились на Ника. Неужели с нами был еще кто-то?

Ник, который ничуть не удивился, вытащил из-за пазухи уменьшенную, но совершенно точную копию человеческого черепа.

— Позвольте представить: джоэсс Луиджи Луиджи, великий ученый с мировой известностью и по совместительству мой прадед!

Я настороженно присмотрелась: в пустые глазницы черепа были вставлены ярко-зеленые кристаллы, соединенные между собой мостиком, так что создавалось впечатление, будто на носу его сидели очки. Небольшого размера, легко помещающийся в ладони, Луиджи Луиджи воинственно сверкал зелеными кристаллами-очками, требовал немедленно поставить его на ровную поверхность и жаловался, что его укачало.

Мы с Павлом какое-то время в изумлении рассматривали «прадеда».

— Невежливо, мой мальчик, прятать предка под рубаху. К тому же ты не мылся дня два! — возмутился тот.

— Ты же не чувствуешь запахов! — удивился Ник.

— Ха! — фыркнул Луиджи Луиджи. — Зато мое воображение еще не угасло. И ум! В отличие от усохших мозгов моих научных оппонентов.

Голос исходил откуда-то изнутри, при этом челюсть черепа оставалась неподвижной.

— Вы научились записывать память человека на магические кристаллы?! — восхитилась я. — Это просто чудо!

— Никаких чудес, деточка, — сварливо скрипнула черепушка. — Это наука!

— И куча ошибочных изысканий, — добавил Ник. — Сколько ради этого было загублено кристаллов и стержней воспоминаний, страшно представить!

— Не ной, потомок! Просто не каждому дано продолжить свои дела и после смерти.

— Помни, что твои кристаллы вызревали в моей крови! — парировал Ник.

— Пф-ф, — фыркнула черепушка. — Всего-то половина раствора!

— Целая половина!

— Ой, ну хорошо, хорошо! Потому-то ты и назначен моим помощником! А не наоборот.

И они перешли на какую-то научную тарабарщину, которую даже мне после прочтения всех тетрадей и учебников на Базе было не понять. А Павел, судя по его лицу, потерял нить разговора сразу, как только услышал про кровяной раствор.

Жаркая дискуссия была прервана черепушкой, когда в самом разгаре спора Ник с красным от возмущения лицом обосновывал выводы какого-то эксперимента.

— Ладно, прочь споры! — сказал Луиджи. — Тащи прибор, будем замерять девчонку!

Тут мы с Павлом словно очнулись. Замерять? Меня?!

— Что еще за прибор? — насторожился Павел, на всякий случай загородив меня собой.

Я лихорадочно соображала, что со мной будет, если сигануть вниз прямо с борта джонки. Выдержит ли защитный браслет падение с такой высоты?

— Он абсолютно безопасен! — успокоил нас Луиджи. — Замеряет силу сигнала луэ.

— Луэ? — нахмурился Павел. — Что за луэ такое? Оно что, фонит?

— Конечно нет! — проскрипел Луиджи, пока Ник, пыхтя, вытаскивал из-под стола знакомый темно-серый ящик.

— Никаких замеров не будет, пока я не получу объяснений, — твердо заявила я.

Ник замер, похоже, вспомнив незавидную участь хофу и не рискуя подходить ко мне со

своим ящичком.

— Справедливо, — согласился Луиджи. — Луэ — легендарный древний артефакт. Его еще называют оком Тэнлу. Мощный кристалл заключен в каменную оболочку.

— Око Призрачного дракона? — уточнила я. — И чем оно так знаменито?

— За всю историю нашего мира луэ появлялся всего три раза...

— Постойте-ка, не связано ли это с приходом самого дракона? — спросил Павел.

— Абсолютно верно, — подтвердил Луиджи. — Перед его появлением можно заметить некоторые знаки, которые мы и отслеживаем. Да, мы ждем его уже больше тысячи лет! В последний раз, согласно легендам, луэ явился примерно тогда.

— А при чем здесь Таня? — нахмурился Павел. — Какое она имеет отношение к вашему древнему артефакту?

— Я и сам не пойму, если честно, — признался череп. — Луэ всегда требуется носитель. Один из тех, кого вы называете способными, или восприимчивыми, к магии, а мы — просто одаренными. Нет каких-то специальных правил отбора: стать проводником воли Призрачного дракона может любой из них. И если этот камень на шее девчонки — луэ, то даже не знаю, что с вами делать...

— Зачем вы искали луэ? — спросила я. — Он ведь и сам прекрасно находит себе носителя.

— Ну что за легкомысленность! — возмутился Луиджи. — Совершенно ясно, что чем сильнее носитель, тем мощнее око. Ну и, конечно же, я мечтал с его помощью усилить потомство нашего рода!

— Чего?! — с негодованием воскликнул Ник. — А мне-то ты пел о судьбе мира! А что потом случается с носителем, забыл?!

— А что потом? Потом должно еще наступить! И между прочим, в легендах об этом не упоминают, — отрезал череп.

— Может, потому и не упоминают, что в итоге носитель, к примеру, погибает? — заметил Павел.

— Мальчик мог успеть оставить потомство! Луэ нужно время, ему вполне бы хватило, чтобы завести пару наследников.

Мы все замолчали, переваривая услышанное от Луиджи Луиджи.

— Ну, Луиджи, — наконец произнес Павел, — вы, конечно, великий ученый, насколько я помню историю этого мира... Но это уже перебор!

— Возможно! — запальчиво воскликнул череп. — Но наука требует жертв!

Я с подозрением спросила:

— А были случаи замены носителя?

— Были. И я уже размышлял над этим. Но пришел к выводу о нецелесообразности такого решения. Не благодарите меня — я всегда отличался великодушием!

— Ну так что? Проверяем сигнал? — уточнил Ник. — Уверен, это то, что мы искали!

Я кивнула. Ник нажал на какие-то рычажки и повернул выступающие кристаллы.

— И? — спросила я, через пару напряженных минут, когда ничего не произошло.

— Тэнлу пойми, что с ним не так! — почесал рыжий затылок Ник. — Вроде работал же!

— Олух! Кристаллы поменял? И это один из моих самых талантливых потомков! — рассердился Луиджи. — Воистину, род мой выродился! О, Витале! О, Бартоломео! Где вы, братья мои — светочи и умы семейства Луиджи?!

Пока Луиджи жаловался миру о том, что семья оскудела на светлые головы, Ник

заменял кристаллы.

— Готово, — пропыхтел он и снова перевел рычажки и повернул камни.

— А чья, говорите, разработка-то? — уточнил Павел через минуту, когда опять ничего не произошло.

— Моя, — недовольно скрипнул Луиджи. — Но раньше прибор работал! Мы уже засекали сигнал луэ.

— Каким образом? — спросила я.

Ник указал на вдавленные в глубокие ниши камни, которые были закреплены на боковине устройства:

— Эти ловители сигнала должны загореться. Грубо говоря, чем ближе око, тем больше кристаллов светится. Луэ не регистрировался уже больше тысячи лет, и его уникальный код-сигнал был утерян.

— Мы его смоделировали по расчетам, — пояснил Луиджи. — Может, все же у девчонки не луэ...

— Стоп! — остановил его Ник. — Я, кажется, понял. Надо кое-что изменить.

И он переместил какие-то рычажки вниз, а один из камней, подумав, повернул назад в исходное положение. Прибор затрясся, кристаллы обнаружения сигнала вспыхнули и начали вылетать из своих гнезд в разные стороны. Парочка улетела за борт, остальные застряли в деревянном корпусе корабля. Мы пригнулись: чудо, что они не прошили нас насквозь.

— Все же луэ! — торжествующе заорал Луиджи из-под стола, куда его закинул Ник. — Брось прибор, мой мальчик, не стоит горевать о нем, он свое отработал! Теперь надо решать, что делать дальше! Если артефакт прибыл в наш мир, значит, стоит ждать заварушки! — мне почудилось, что если бы череп мог потерять от возбуждения руки, то он бы так и сделал.

«Хрень! Костяная флешка врет!» — припечатал внутренний Геннадий.

Я мысленно согласилась с ним. Все эти легенды, драконы и прочие странности мира Шанлу не касаются нас с Павлом, все, что нам нужно — добраться до почтовой станции на востоке Империи и выйти на Землю.

Позднее в каюте я осмотрела ожог, который оставил на груди кристалл. Что удивительно, он уже успел покрыться корочкой.

Эх, видела бы меня мама — вот кто бы меня понял, вот кому можно было бы пожаловаться и даже поплакать... А пока я, вздохнув, осторожно наложила на ожог мазь, выданную мне Ником, и нацепила на себя две аптечки, в которых еще еле теплился заряд. По непонятной причине после прикосновения хофу все мои кристаллы полностью разрядились.

Глава двадцать вторая

Муса Ахмедович торопливо шел по обледеневшему асфальту, опустив голову и придерживая свою любимую серую кепку. Ветер порывался сорвать ее и унести куда-то вдоль Никитского бульвара и дальше. Я шла следом за ним, пытаюсь понять, каким образом оказалась в Москве. Он ведь поехал в командировку один! В голове была каша из слов, воспоминаний и каких-то непонятных образов. Чем больше я старалась разобраться во всем этом, тем сильнее путались мысли, и наконец, бросив гадать, я поспешила за Мусой Ахмедовичем. Но как бы я ни ускоряла шаг, догнать его у меня не получалось: темное пальто все время мелькало где-то впереди. Расстояние между нами все увеличивалось, и я, отчаявшись догнать Мусу, уже хотела его позвать, когда вокруг резко потемнело, и мне показалось, что чья-то гигантская тень накрыла часть города. Я подняла голову: на небе ни облачка. Странно, но гадать о причинах тени было некогда: серое пальто заворачивало в подворотню, и я рванула вслед, пытаюсь окликнуть Мусу Ахмедовича.

— У-а-а-а, — сипло вырвалось у меня вместо громкого возгласа, как будто чья-то когтистая лапа наступила мне на горло. Дыхание перехватило, и мир выцвел...

Я открыла глаза: в каюте темно, ночь выдалась безлунная. Спотыкач сидел на столе и смотрел в круглое окно. Что он там видел, в этой непроглядной мгле? Джонка привычно поскрипывала деревянными переборками. Все спали, одна я мучилась странными то ли снами, то ли видениями.

Мы летели на восток Империи. Конечно, не так мы с Павлом представляли себе этот полет... Пашу мучила морская болезнь, и он второй день лежал пластом в своей каюте. Меня изводили кошмары: поспать удавалось только урывками, но каждый эпизод сна сопровождался какими-то видениями, после которых болела голова и возникало ощущение разбитости.

Я вспомнила, как бежала во сне за Мусой Ахмедовичем по бульвару к старому семиэтажному зданию, где находился региональный центр, курирующий работу всех Специальных отделов нашей страны. Я никогда не была в этом здании, но ощущала странную уверенность, что оно существовало на самом деле и именно в том виде, в каком предстало передо мной во сне, как, впрочем, и сам центр: с непрезентабельным входом, стальной серой дверью, облупившимися стенами в коридоре и мягкими, как будто подгнившими, полами.

«И почему все отделения Специальных отделов запихнули в старые дома?» — устало подумала я и вышла в кают-компанию, чтобы выпить воды. Горло пересохло: может, все же это снарки наступили на него своими лапками, пока я спала? Уж слишком реальным казалось это ощущение.

Я зачерпнула воды из бочонка, посидела, подышала открытым ртом, вытерла пот со лба и собралась было вернуться обратно в свою каюту, когда раздался недовольный голос Луиджи.

— Ну и чего ты не спишь?

После того как череп понял, что я «увела» у его семьи драгоценный кристалл, первые пару часов он сильно дулся и изредка шипел ругательства в сторону правнука, а нас с Павлом предпочитал вообще игнорировать. Нику было не до препирательств и выкрутасов предка: джонка шла еле-еле. Наш рыжий капитан никак не мог понять, по какой причине почти все

кристаллы в артефактах сели, а некоторые вообще, перестали работать и словно выгорели. Пока он потел, бегал, рвал свою бороденку и потрясал руками, мы с Павлом размещались на судне. В итоге Ник смог худо-бедно настроить работу корабля и джонка, виляя кормой, медленно полетела на восток. Правда, пришлось спуститься ниже и Ник все время беспокоился, как бы чего не случилось.

— Это девчонка во всем виновата, — заявил Луиджи. — Теперь из-за нее еще и джонка джоэсс Луиджи Луиджи потеряла скорость!

— Теперь это джонка джоэсс Никколо Луиджи, — огрызнулся Ник, который устал и теперь меньше всего хотел с кем-то ругаться, тем более с нами. — И я ее починю!

Весь день Луиджи наблюдал за мной с каким-то кровожадным исследовательским интересом. Узнав о моих странных снах, он сообщил, что это норма для носителя.

— Согласно старым записям, — разглагольствовал череп, — ты должна обладать тремя способностями...

— Я не прибор, — бурчала я, все больше раздражаясь от лекций старого ученого.

— Слушай меня и не перебивай, девчонка! От тебя зависит то, как пройдет пришествие Тэнлу! — сотрясал воздух возмущенный Луиджи. — Так вот, три способности: первая — видеть и чувствовать близость теней и хофу, вторая — уничтожать их, третья — видеть то, что происходит далеко от тебя с теми, кто тебе знаком. Утверждается, что эти видения мучительны, но вот в чем причина их болезненности, понять мы так и не смогли.

— Вот спасибо! — «обрадовалась» я. — И все? Больше никаких экзекуций?

— Не ёрничай! Считай, что тебе повезло! Стать проводником воли Призрачного дракона дано далеко не каждому. Дракон — магия в чистом виде! Представляешь, какие у тебя потом будут перспективы? Не представляешь? Нет?! Тэнлу, где мне взять столько терпения на эту невежду?!

— Превращаться в дракона не надо будет? Или меня ждут еще какие-то «приятности»? — с подозрением спросила я.

— Нет, никаких превращений не произойдет. Но может случиться кое-что другое. Хотя... Да не-е-ет... не думаю, что тебе это доступно, — размышлял вслух череп, разглядывая меня так, словно я была подопытным зверьком. — С чего вдруг ты, человек из другого мира, станешь предвестником? Нет, вряд ли. Ник!! — вдруг рявкнул он так неожиданно, что в моей сумке проснулись и забились двумя всполошенными рыбинами снарки. — Поди сюда, ленивый мальчишка!

— Что? — выглянул с палубы Ник.

— Тебе надо вести записи! — заявил Луиджи. — Раз уж мы упустили луэ, так хоть запротоколируем это событие и будем первыми исследователями носителя!

— Тут не помереть бы всем миром, — заметил Ник. — А ты о записях каких-то беспокоишься.

— Я о науке беспокоюсь! Так что веди записи и не спорь. Вечером будешь читать мне, что написал за день. И запомните, — если бы Луиджи имел руки, он бы яростно замахал ими, — Тэнлу вечен! А значит, и наша цивилизация никогда не исчезнет!

И весь день вредная костяшка донимала меня вопросами: не потею ли я, не мерзнут ли руки, почему шмыгаю носом, не хочется ли мне чего-то странного, например, укусить кого-нибудь?

— Если только вас, — рассвирепела я.

Наконец Луиджи отстал от меня, и я смогла отдохнуть: постояла наверху и подышала

свежим воздухом, перевела дух после допросов и огляделась вокруг. На палубе было свежо, и ветер бил в лицо. Внизу простиралась равнина, озеро мы давно миновали и теперь летели вдоль Восточного тракта. Дорога была оживленной: я рассмотрела и телеги, и какие-то вооруженные отряды, и небольшие торговые караваны, и просто одиноких путников, тащившихся пешком в густой пыли.

«Как же хорошо, что мы здесь, а не внизу», — подумала я.

Потом начались странности: луэ на груди постоянно то нагревался, то остывал, показывая, что мы пролетаем над хофу. Сначала я пугалась, но потом привыкла и перестала обращать на это внимание. Однако осознание того, что Ник был прав и в Империи действительно полно хофу, было неприятным.

Основательно померзнув на палубе, я спустилась вниз и попыталась вздремнуть. Но не тут-то было: меня вновь начали преследовать странные сны. По словам островных, чем больше камень взаимодействовал со мной, тем сильнее проявлялись те самые три свойства. И тогда приходили видения, настолько внезапные, что я не всегда могла понять, сплю я или брежу наяву.

Мне вспомнился первый сон, который накрыл меня, когда я задремала на диванчике в кают-компании, сразу после перекуса. Павел выполз из каюты к нам узнать последние новости.

— Подай мне воду, пожалуйста, — попросил он.

Я повернулась к деревянному бочонку и... закашлялась. В воздухе летала пыль, кругом валялись какие-то обломки, куски арматуры, под ногами хрустело разбитое стекло.

— Что случилось-то? — спросил Муса Ахмедович у какого-то прохожего. Напротив старой семиэтажки на Никитском бульваре собралась целая толпа.

— Так взрыв!

— Газ, что ли, взорвался?

— Да кто скажет-то? Может, и газ, а может, и бомба, — пожал плечами мужчина.

Муса стал пробираться вперед, распахивая локтями зевак, я старалась не отставать, с ужасом спрашивая себя, что за дела здесь творятся и где я. Внезапно все вокруг потемнело. Пока я недоуменно вертела головой, кто-то вынырнул из плотной завесы и, схватив Мусу Ахмедовича за руку, потянул прямо туда, откуда только что вышел, в густую пелену тумана и пыли. Я торопливо шагнула следом, глаза защипало, и...

— Соринка, что ли, попала? — спросил Ник, когда я отняла руку от лица.

Я в ужасе огляделась. Что это было? Ник и Павел с удивлением смотрели на меня, лежавший на столе Луиджи раздраженно каркнул:

— Глупцы! У девчонки было видение!

И все завертелось, хотя, как мне казалось, странности со мной стали происходить гораздо раньше, еще в Арзуне. Присутствие Тэнлу ощущалось в каждом сне, как холодок, который пробежал по коже, когда тень дракона накрывала меня. Он словно сопровождал меня в каждом видении и с каждым разом становился все явственнее и ближе. Иногда мне даже чудился протяжный, низкий звон колоколов. К вечеру мы поняли, что хронология видений не последовательная. К этому времени я была уже как в тумане, зато Луиджи находился в невероятном возбуждении, правда, сначала снова сильно рассердился.

— Предвестница! — орал он, сверкая камнями в глазницах. — Ну надо же. Ник! Ты слышал? Она видит прошлое и настоящее. А значит, и будущее скоро увидит! Это прекрасно и ужасно одновременно.

— Ужасно-то почему? — удивился Ник.

— Потому! — отрезал Луиджи, а потом вдруг вкрадчиво сказал мне: — Между прочим Ник очень хороший мальчик! Чистая кровь, светлый ум, талант! Он уже защитился как джоэсс. С прекрасной научной работой, кстати... И он признанный ученый в кругах артефакторов и авторитет среди островных мастеров, несмотря на свой возраст! А впереди у него еще целая жизнь... Так что ты бы подумала, девочка!

Пока я с недоумением слушала черепушку, внутренний Геннадий не удержался.

«Этого еще не хватало! — прошипел он. — Ах ты, старая костяная сводня!»

Я прыснула, Луиджи надулся, поняв, что я смеюсь над ним.

Вот и сегодня ночью он словно бы нехотя блеснул зелеными кристаллами и спросил:

— Так что тебе там опять пригрезилось?

На мое плечо взлетел Проныра и злобно зашипел. Оба с нарка невзлюбили Луиджи с первого взгляда, и тот платил им той же монетой. Вот и сейчас Проныра попытался схватить Луиджи лапой. Однажды ему это уже удалось, и теперь говорящий череп щеголял свежими отметинами на лбу, оставшимися от острых зубов с нарка. Я ловко перехватила Проныру и прижала к себе, отчего тот сразу успокоился и пронзительно засвистел.

— Вот же поганец! — недовольно проскрипел Луиджи.

Я не ответила, вспоминая самое интересное из видений.

Муса Ахмедович стоял напротив мужчины, неопределенного возраста и незапоминающейся внешности. Незнакомец был одет в серый мятый костюм, вымазанный в пыли и извести.

— Региональный центр взорвали, — сообщил он Мусе. — Тебе повезло, что ты опоздал на совещание. Всех руководителей Специальных отделов и ревизоров надолго вывели из строя.

— Кто? — напряженно спросил Муса.

— Если бы мы знали! — вздохнул мужчина. — В самих отделах тоже есть проблемы. Да и у нас на службе не все гладко... Ты давно звонил своим в Казань? Мои люди доложили, что твои подчиненные отсутствуют на месте, а ворота в Империю заблокированы.

— А в других отделениях что с выходами в Империю?

— Везде все заблокировано.

— Много наших осталось там? — спросил Муса и коснулся лба дрожащей рукой.

— Двое точно. Плюс все твои.

— Не может быть, чтобы Павел и Таня тоже застряли в Шанлу!

— Сотрудники почты говорят, что утром они зашли в кабинет и больше не выходили, — покачал головой мужчина. — Мне жаль, что все так сложилось.

— Юра! — тихо сказал Муса. — Что же происходит, Юра? Ты же хорошо знаешь Игната и с нами уже много лет сотрудничаешь. Думаешь, это очередной виток войны?

— Уверен. Аналитики службы безопасности ожидали обострения конфликта не позднее конца года. Вот оно и пришло. Срочно вылетай в Казань, мои люди ждут тебя там.

Впервые я видела Мусу Ахмедовича в таком подавленном состоянии. Он как будто резко постарел и усох, словно кто-то выпил из него все жизненные силы.

— А как же мои люди? Кто их вытащит, если все выходы в Империю заблокированы?

— Никто...

Утром Павел не пожелал слушать меня, заявив, что все эти видения — чепуха, бред сивой кобылы и галлюцинации.

— Нам надо прорваться на восток, к своим, — твердил он. — Я не верю, что все так плохо. Вот увидишь, это всего лишь наваждение!

А потом все — Ник, Павел и я — разом принялись говорить, доказывая свою точку зрения. По итогам нашего сумбурного совещания было принято решение лететь до почтовой станции в Драконьих горах. Ник настаивал на том, чтобы свернуть к Островам, но Павел был непреклонен. Итог всему подвел Луиджи:

— Глупцы! Торопитесь на станцию, там все и решите! Надеюсь, прямо сейчас мы не совершаем страшную ошибку!

Ник пришвартовал джонку недалеко от почтовой станции. Дальше мы все пошли пешком, кроме Луиджи, которого нес Ник. Череп наотрез отказался остаться на джонке.

— Пока не вижу никаких следов людей, — сообщил Павел, отнимая от глаз похожий на старинный бинокль прибор, который ему дал Ник. — Снег лежит нетронутый, площадка перед входом давно не чищена. Но, может, станция все же обитаема и открыта? В любом случае надо пойти туда и проверить.

Поднимались долго: тропа была завалена снегом, в который мы проваливались по колено. В полном молчании мы обошли площадку и осторожно приблизились к входным воротам. Долго стояли и рассматривали черную, словно прожженную огнем дыру на месте замка. Потом Павел осторожно толкнул дверь, и мы вошли внутрь.

Внутри оказалось холодно и темно: почтовая станция явно была пуста. Фонарик слабо осветил распахнутые ворота конюшни, пустые стойла, брошенное посреди коридора ведро и всякий мусор. Пахло чем-то затхлым.

— Нет ни записок, ни посланий, только выжженный замок и беспорядок, — прошептал Павел. — Одно радует: никаких тел тоже нет. По-моему, тут все ясно.

— Пойдем дальше? — спросила я так тихо, что он еле услышал.

Ник молча шел за нами, вытащив свой меч, и сжимал в руке какой-то кристалл.

— Здесь может быть опасно, — сказал он. — Я пойду первым, вдруг тут все же кто-то есть. Хотя, — он вытянул руку, — видите? Кристалл светит тускло, значит, живых существ рядом нет. Но обнаружить хофу он не сможет.

— Хофу я не чувствую. Пока что, — сказала я.

Лицо Павла стало жестким, он прищурился, сжал губы и как-то весь подобрался, словно готовясь к прыжку — теперь это был уже не тот веселый семинарист в лыжной шапочке, которого я в первый раз увидела на Базе. Он вытащил арбалет, наклонился, натянул тетиву. Раздался щелчок, и Павел, подняв оружие и вложив болт в ложе, направился в сторону входа во внутренние помещения почтовой станции.

Он опередил Ника и уже собрался открыть дверь, когда луэ нагрелся так сильно, что я вскрикнула. Ник закрыл меня собой, а Луиджи заорал:

— Хофу!

Ноги мои подкосились, и я упала, сильно ударившись головой. На мгновение в глазах потемнело, а потом я неожиданно увидела, как прямо из стены вышли двое хофу. Их лица были спокойны и даже выражали какую-то скуку, словно им предстояла долгая рутинная работа. Оба своими черными глазами и смазанными чертами лица напомнили мне тирского торговца-хофу.

Один из них схватил Павла за шею и с легкостью поднял над землей, да так высоко, что ноги его болтались, как у куклы. Лицо Павла стало багроветь, он выронил арбалет и фонарик, попытался разжать пальцы, сомкнувшиеся на его горле, но тщетно: хофу все

усиливал хватку, и я с ужасом поняла, что Паше остались считанные мгновения.

Второй хофу выхватил меч, легко и даже как-то небрежно взмахнул им, блеснуло лезвие, звякнул металл. Ник медленно покачнулся, и я в ужасе уставилась на его руку, валяющуюся на земле. Хофу одним движением отсек ее вместе с мечом. Темно-красная, почти черная струя крови брызнула прямо на каменную стену, и капли веером разлетелись в разные стороны. Ник упал. Тишина забила мои уши плотным слоем ваты, в голове стоял колокольный звон, в котором я различила слова:

— Чего же ты ждешь, луэ? Очнись! Твои друзья сейчас погибнут!

Я увидела глаза дракона, синие и одновременно прозрачные, с вертикальными зрачками. В них отражался свет, они округлились и вспыхнули, как звезды. Этот свет бил мне прямо в глаза...

— Таня! — Павел склонился надо мной и осветил мое лицо фонариком. — Что с тобой?

Я открыла глаза. Во рту снова пересохло, головная боль была изнутри прямо в середину лба, создавая ощущение, что он сейчас взорвется.

— Сейчас тебя придушит хофу, а Нику отрубят руку, — с трудом просипела я. — А выйдут хофу прямо из стены слева.

Ник в ужасе уставился на меня, фонарик в руке Павла мелко задрожал, и тут раздалось сердитое карканье Луиджи:

— Глупцы! Она предвидела! Никколо!

С влажным хрустом от стены отделились две невысокие расплывчатые фигуры, через мгновение превратившиеся в хофу. Но мы были уже готовы. Щелкнула тетива арбалета, и болт пробил плечо одного из врагов. Рука его безжизненно обвисла, но он продолжал идти к нашу сторону. Павел опустил арбалет и начал спешно его взводить, но я понимала, что он не успеет.

— И-и-и, — завизжала я, и почувствовала, что какая-то невидимая сила толкает меня прямо к хофу.

Я не помнила, как очутилась за его спиной, видела только, как мои руки хватают его за шею и он с воем начинает гореть призрачным огнем. Кровожадная радость взметнулась в моей душе и запела, разгораясь огнем, пожирая все хорошее, что было во мне.

«Да, да, больше смертей! Убей всех!» — бесновалась какая-то часть меня, ощущая, как что-то родное и темное мечется внутри умирающего хофу.

И тут же в голове разлился колокольным звоном голос Тэнлу, окатил меня изнутри, как холодный душ, прошелся болью по всем моим кровеносным сосудам.

А дальше наступила темнота.

Глава двадцать третья

Кто-то тяжело и со свистом дышал в темноте. Плотная, словно сдавливающая горло тьма холодила кожу. Невыносимо хотелось выйти на солнце, бежать отсюда как можно быстрее, навстречу холодному ветру... Вокруг стоял тошнотворный запах грязных тел, пота, крови и еще чего-то, что я не могла разобрать. Страха? Безнадежности?

— Волчара! Эй, ты живой там? Волчара!!

— Да чтоб тебя! Что ты орешь-то, старый тхэ? Я только заснул еле-еле. В этих цепях хрен поспишь...

— Долгая жизнь была у нас с тобой, так, волчара? Весело жили — есть что вспомнить... Я рад, что ты был моим другом.

— Что это ты завел похоронные разговоры? Еще поживем, повоюем. Оторвем задницы мерзким тварям!

— Оторвем, конечно. Но чует мой старый зад, без меня рвать будут! Никого кроме нас с тобой тут не осталось, всех кончали грязные хофу... Много тебе вчера этой дряни дали? Я после первого глотка ничего не помню.

— Да тебя почти сразу принесли обратно...

— Не помню ничего. Ног не чувствую, и руки... Пальцев нет как будто у меня. Волчара! Сможешь посмотреть, остались у меня пальцы?

— Как? Тут темно, как в заднице хофу. А болят пальцы-то?

— Нет. Просто не чувствую их. Как же я ненавижу это место! Эх, сюда бы мой меч! Я бы разнес, разметал тут все по камешкам, стер в пыль! Волчара, просьба у меня будет к тебе...

— Какая?

— Передай Оэлун, что она лучшее, что было в моей жизни. Пусть живет!

— Да что ты болтаешь, старый тхэ? Сам передашь жене своей. Лично! Помирать нам еще рано. Я уж точно не собираюсь!

— Это хорошо, что ты не сдаешься. Как же тут душно... Волчара, ты слышишь этот звон? А этот запах яблок... Смотри, как выросли мои яблони в саду! Когда же они успели?

— Какой еще звон? Это в животе твоём с голодухи урчит, поди... Эй! Тхэ, ты там живой? Тхэ?!

Тьма разлетелась на мелкие осколки, поднялся холодный ветер, понес меня куда-то вверх и вытолкнул прямо в нашу кают-компанию.

— Очнулась!

Первым, кто заметил, что я открыла глаза, был Луиджи. На моей груди в боевой защитной позе грозно замерли снарки, которые, по словам Павла и Ника, все это время никого ко мне не подпускали.

— Зверюги тебя охраняли, словно ты самое ценное, что у них есть. Даже не соблазнились угощениями, — сообщил мне Ник.

— Мы справились? — спросила я у Павла. — Никто не пострадал?

— Никто, кроме тебя, — озабоченно ответил он. — Один хофу сгорел, со вторым Ник разделался с помощью какого-то чудо-артефакта. Ты полдня провалялась в обмороке. Луиджи считает, что ты так ослабла от взаимодействия с луэ, говорит, мол, сейчас идет ваша с кристаллом сонастройка. По мне, так лучше бы выбросить этот камень, пока он тебя

окончательно не погубил!

— С ума сошел! — всполошился Луиджи. — Только попробуйте!

— Никто ничего не выбросит! — успокоила я его. — Еще какие-нибудь новости есть? И куда мы летим?

— А вот тут мы никак не можем договориться с твоим коллегой, — сердито заявил череп. — Очевидно же, что нас ждали! И сейчас самое верное решение для всех нас — покинуть территорию Империи и отбыть в Содружество Свободных островов.

— Надо сначала проверить все наши отделения, — упрямо заявил Павел. Он подал мне стакан воды, а потом помог усесться на диванчик. — Стоит убедиться, что они закрыты и пусты.

Голова у меня кружилась, кают-компания периодически плыла перед глазами.

— Знаете, — неожиданно даже для самой себя сказала я, — а Игнат-то жив...

— Ты его видела? — насторожился Павел.

— Да. Их где-то держат, в камере или в подвале... Там темно и воняет, и, по словам Игната, их заковали в цепи.

— Их? — уточнил Ник.

— Я узнала только голос Игната. Но с ним еще кто-то, кого он называл «старый тхэ». Сам понимаешь, это может быть только Гиззат. Но...

— Но?

— Надо спешить! — выпалила я, приподнимаясь на слабых руках. — Их нужно найти как можно скорее. Я не уверена, но, похоже, их держат в какой-то экспериментальной лаборатории.

Все молча уставились на меня.

— Хофу начали проводить эксперименты над людьми? — задумчиво пробормотал Луиджи. — Интересно, как и зачем? Хотят создать новое оружие? Наши шпионы доносили слухи о демоновой крови, но я в них не верил. Все знают, Тэнлу велик и бережет каждого из нас от заражения тьмой...

— Все равно надо сначала проверить оставшиеся почтовые станции, — упрямо заявил Павел.

— Да ясно, что все ворота на Землю заперты, — устало сказала я, — смирись уже. Нужно ехать за нашими. Никто, кроме нас, не спасет Игната и Марию.

— Да что мы можем? — покачал головой Павел. — Выстрелить из арбалета? Или ты собираешься сжечь каждого хофу?

— Если понадобится, то да, — мрачно кивнула я, с содроганием вспоминая, как горел хофу, и боль, которую я при этом чувствовала.

— Надо лететь на Острова, — сказал Ник, — собрать еще людей и вместе вызвolyть ваших.

— Вы должны знать еще кое-что, — подал голос Луиджи. — Существуют такие места, где грань между нашими мирами истончена. Более того, в старых, разрушенных войной городах есть трещины, которые легко расширить. Если, конечно, знаешь, как это делается. Найти трещину и пройти в ваш мир через нее просто так не получится. Птица пролетит, а вот человек уже не пройдет. Не зря в свое время мы строили почтовые станции и возводили стабилизирующие проход ворота.

— Хофу могут попасть на Землю? — спросила я.

— Слава Тэнлу, они не птицы, — блеснул кристаллами глаз череп. — Хофу нужен

надежный проход, как и людям, а демоны вообще не могут покинуть пределы своего мира. Точнее, пока не могут, по нашей теории. Но если хофу удастся создать по-настоящему широкий разрыв пространства... то демоны пролезут и к нам, и к вам.

— Есть еще тени, — напомнил Ник.

— Тени, — «отмахнулся» Луиджи, — лишь инструмент. Жалкие подобия демонов, не имеющие собственной воли.

— Ага, если только это не Тень Призрачного дракона, например.

Луиджи резко замолчал, глаза его резко вспыхнули и погасли, а потом замигали. Я уже знала, что что всегда означает активный мыслительный процесс.

— А ну повтори!

— Чем сильнее человек или другое существо, тем мощнее его Тень. И тогда не важно, умна она или нет, разрушений и вреда в любом случае принесет много, — сказал Ник. — Например, если создать Тень Тэнлу, то... в общем, сами представляете.

— Разве это возможно? — ужаснулась я

— Точного механизма создания Теней мы не знаем, — ответил Луиджи. — Но наверняка это что-нибудь мерзкое, хофу по этой части мастера. Нам известно, что для ритуала используется предмет, который содержит память о хозяине, или часть его тела, рука, например, или нога. Одно радует: Тени существуют очень короткое время. А еще хорошо то, что у любого существа может быть не более четырех теней.

Я задумалась. Интересно, жив ли Тимур? И сколько его Теней бродило по Земле? И только ли по ней?

— Ладно, — решил Павел. — На Острова так на Острова! Луиджи, Ник, у ваши мастеров есть возможность открыть проход на Землю?

— Найти места, где границы между мирами истончены, мы сможем, но вот с самим проходом придется потрудиться. Его создание займет время! Понадобятся особые кристаллы и стабилизаторы. К тому же для этого нужно получить разрешение Совета Содружества.

— Сначала нужно найти наших, — твердо сказала я. — У нас мало времени.

— Нет, сперва Совет Содружества!

— Сейчас у нас есть дела поважнее!

— Мы все равно не сможем их найти! Слишком мало у нас сил. И куда ты вообще собралась, девчонка? С хофу воевать? Ты еще не полноценная луэ, вечно то трясешься, то в обморок падаешь! — не унимался Луиджи.

— Можно связаться с Островами через тебя, Луиджи, — предложил Ник. — Просто пошлем туда сообщение и попросим получить разрешение. Соберем Совет — пусть решают.

— И они не будут ничего делать. Ты же знаешь, кто там заседает, — фыркнул череп. — Соберутся, переругаются, будут долго вести дебаты и в итоге ничего не решат. В последнее время Совет уже совсем не тот!

— Сделаем, как говорит Таня, — твердо сказал Ник. — А ты все-таки свяжись с Советом Содружества. Пусть вышлют подмогу. — Он повернулся к нам и потер руки. — Кажется, намечается заварушка!

— Вздор! — рассердился Луиджи. — И вообще, куда нам лететь? Пусть девчонка нам скажет! У нее сплошной хаос во всем! Совершенного не умеет управлять кристаллом! Пора бы уже стать настоящей луэ!

— И как же? — фыркнула я.

— Не знаю, — отрезал Луиджи. — Сплошное безрассудство! — сердито буркнул он, и

кристаллы в его глазницах погасли.

— Жизнь того стоит, костяная голова. Когда еще быть безрассудными, как не сейчас? — весело сказал Ник и повернулся к нам. — Думаю, сейчас нам лучше всего отправиться в Дэон. Там покрутимся и, может, что-нибудь узнаем.

Ник развернул медленную, ставшую неуклюжей джонку, и мы направились туда, откуда начался наш путь. Я чувствовала себя так, словно после долгих странствий возвращалась на родину. Даже несмотря на то, что станция в Арзуне была разрушена. Кстати, Ник сказал, что тогда они с Луиджи срочно покинули территорию города, потому что заметили, что сигнал луэ удаляется. Может, город и не сгорел вовсе? Может, нам в тот день следовало вернуться в гарнизон?

Пока мы летели, Луиджи продолжал обвинять меня в лени и утверждал, что я никак не могу настроиться, как следует прочувствовать кристалл и ограничить его влияние на другие артефакты.

И все-таки разговаривать с Ником и Луиджи было очень интересно. Если Ник рассказывал об обычаях своего мира, то Луиджи был полон воспоминаний о своих походах и открытиях, участии во Второй мировой войне, травил старые военные байки и разве что не требовал скрутить ему самокрутку. Он много помнил о зарождении Особого отдела и о том, кто курировал этот процесс.

— Я был ранен под Сталинградом. Месяц провалялся в госпитале и уже не вернулся на фронт. Как я об этом жалел! — вздохнул Луиджи.

— И ты еще упрекаешь меня в безрассудстве? — возмутился Ник.

— Это другое! Там была борьба за выживание!

— Можно подумать сейчас нам предстоит веселая прогулка, — фыркнул Ник. — Хофу явно готовят прорыв, а значит, будет война, как и тогда. А может, даже и хуже!

— Тьфу ты, проклятый мальчишка, — недовольно проскрипел Луиджи. — Не буди лихо!

Потом он помолчал, как будто вспоминая что-то, и наконец продолжил:

— Я никогда не доверял архейцам. Слишком уж они изворотливы, слишком жадны. Да и эти их игрища с пиратами — ничего хорошего из этого не могло выйти.

— Откуда здесь пираты? — спросила я. — Да еще и на севере.

— Да разве же это север? — фыркнул Павел. — Там у них теплое течение, никакими холодами и не пахнет.

Ник кивнул:

— На севере всегда собирался всякий сброд, ищущий приключений и легкой добычи и скрывающийся от правосудия. Империя и Острова несколько раз пытались извести эту мерзость, но у них ничего не получилось.

— А ваши Острова не имеют отношения к пиратам?

— Конечно, нет, — оскорбился Луиджи. — Мы начинали как союз независимых ремесленников. С тех пор все открытия в Шанлу были сделаны нами!

— А почему на Островах нет почтовых станций? — спросила я.

— Там нет трещин. Удивительно стабильное состояние материи! Пожалуй, таких мест нет почти нигде в Шанлу.

Ник вышел на палубу. Луиджи неожиданно щелкнул челюстью, и вдруг его глазакристаллы вспыхнули ярко-зеленым цветом, раздался второй щелчок, потом — странный свист. Когда он стих, глаза черепа погасли. Мы с Павлом встревоженно переглянулись.

— Он как будто завис, — осторожно заметил Павел. — Может, глюкнул?

Последние пару часов череп периодически «подвисал», отсылая сообщения в Совет Содружества и уговаривая прислать подмогу или участвуя в каких-то «удаленных» спорах. Но тогда щелчков и тем более свиста не было.

Пока мы раздумывали, Луиджи снова «подгрузился», при этом один кристалл в глазнице горел привычным зеленым цветом, а другой — красным.

— Луиджи, — осторожно позвал его Павел, — вы в порядке?

Череп не отвечал, продолжая мигать кристаллами и громко щелкать. Наконец Павел позвал Ника.

— Что тут у вас? — спросил он, спускаясь в кают-компанию и вытирая мокрое лицо полотенцем. — Там снаружи дождь начался. Гроза!

— Ник, — сказала я, предчувствуя что-то нехорошее, — Луиджи цвет кристаллов поменял.

Ник бросился к черепу, схватил его и поднес к лицу.

— Нет, нет, нет! — воскликнул он и так резко побледнел, что стали видны крупные веснушки у него на лице.

Луиджи вновь издал серию щелчков и произнес неожиданно усталым старческим голосом:

— Мой мальчик, будь сильным.

— Да что произошло? — растерянно спросил Павел.

Ник не отвечал. Прижав ладони к лицу, он раскачивался взад-вперед и повторял как заведенный:

— Этого не может быть... Не может быть...

— Моя память была разделена, — произнес череп. — Часть ее хранилась на родном острове Никколо, в клане семейства Луиджи, часть мальчик носил с собой. Таким образом поддерживалась связь между Никколо и его семьей. В случае уничтожения одной из частей я буду восстановлен во второй.

— Вас что, уничтожили? — ужаснулась я.

— Взорвали, — сухо ответил Луиджи.

— И насколько сильным был взрыв?

— Думаю, очень мощным, — повернул к нам бледное осунувшееся лицо Ник. — Наш дом тоже уничтожен, я правильно понимаю?

— Верно, мой мальчик.

— А Остров? И все, кто был там? Кто-нибудь спасся?

— Возможно, но маловероятно. Мы этого не ожидали. Все произошло во время совещания.

— А мои... Наши с тобой? — в отчаянии спросил Ник.

— Не думаю, что кто-то из них уцелел, — вздохнул Луиджи. — По крайней мере дом и мастерская точно разрушены.

Кристаллы Луиджи горели неровным светом, то гасли, то снова вспыхивали. Ник опустил голову. Некоторое время мы с Павлом сидели в полном молчании, не зная, как утешить молодого человека, который в один миг лишился родного дома и, возможно, семьи.

— Мне очень жаль, — наконец неловко сказала я. — Как ты, Ник?

— Никак, — равнодушно он. — Мне кажется, что это просто дурной сон. Да, дурной сон! Нам надо лететь домой. Я должен сам все увидеть. Я не верю, что все наши погибли!

— А другие острова? — Павел повернулся к Луиджи.

— Не могу сказать точно, — ответил тот, — может и уцелели. А может, и нет.

— Кто же мог устроить взрыв?

— Конечно, хофу! Мы ведь очень сильны в артефакторике. Далеко продвинулись в разработке оружия против них, — сказал Луиджи. — Поэтому сейчас нас всех постараются устранить. Как же мы были беспечны и самоуверенны! — горько вздохнул он. — Хофу прекрасно знают, что островные никогда не пойдут на договоренности с демоническим отродьем. Это противоречит всем нашим принципам.

— Я разворачиваю корабль, — вдруг сказал Ник Павлу. — Могу вас высадить где-то по пути.

Павел склонился было над картой, решая, где бы нам было удобнее сойти, как вдруг...

— Николай! — негромко позвал Луиджи.

Мы с Павлом в изумлении уставились на него. С каких это пор Никколо стал Николаем?

— Там остался Виктор, он не пострадал, потому что во время взрыва был на корабле, в море. Так что не беспокойся, он все сделает. Нам же Совет разрешил продолжить путь в Дэон вместе с Почтовыми, — медленно говорил Луиджи.

Ник помолчал, потом встал и так же молча вышел из кают-компании.

— Оставьте его. Он сильный мальчик, справится, но сейчас путь лучше побудет один.

— Почему вы назвали его Николаем? — недоуменно я.

— Мой сын и внук погибли при проведении сложных опытов. Вся мастерская тогда угорела от какого-то ядовитого тумана. И мальчиков, моих правнуков, я растил сам, пока мог. Их назвали Никколо и Виктор в честь моих друзей-однополчан, Николая и Виктора. Кольки и Витьки! Оба погибли под Сталинградом, — вздохнул череп и мигнул сначала зеленым кристаллом, а потом красным. — А я вот вторую жизнь обрел...

Ночь прошла без происшествий. Джонка еле тащилась в сторону Дэона. Ветер надувал паруса, и тогда корабль начинал лететь веселее и быстрее. Сны в эту ночь были на удивление спокойными.

Я видела своих коллег: небритого и изрядно помятого Мусу Ахмедовича, который, задумавшись, сидел в незнакомом кабинете, Марию в одежде местной горожанки, идущую куда-то по улицам неизвестного мне города, и Игната. Он был все там же, в подвале, и хотя я не видела его, но слышала его дыхание. А потом во мгле что-то влажно блеснуло.

— Кто здесь? — глухо спросил Игнат, его залитые чернотой глаза смотрели прямо на меня.

Глава двадцать четвертая

За ночь из веселого и беспечного задиры Ник превратился во взрослого мужчину. Его лицо осунулось, скулы стали жестче, а у рта залегли две морщины, которые обещали когда-нибудь превратиться в тяжелые жесткие складки. Он не рвал на себе волосы и вообще старался делать вид, что спокоен, однако часто замирал, словно пропадая в своих мыслях, а потом резко вздрагивал и приходил в себя.

Ник не сразу подчинился приказу Совета Содружества: все утро они с Луиджи спорили. В конце концов, получив второе указание от Совета с жестким требованием следовать в Дэон и сопровождать луэ, то есть меня, он все-таки уступил.

— Пока сам не увижу, что Острова нет — не поверю. Плевать на все ваши доклады, — припечатал он.

После этого Луиджи занялся мною. С момента «воссоединения» своих субличностей череп изменился: его части никак не желали жить мирно, каждая имела индивидуальные черты и ни за что не желала их терять.

— Пора уже начинать учиться, — заявил мне Луиджи. — Ты должна управлять кристаллом, а не плыть по течению!

— Да я только «за»! — возмутилась я. — Но как же мне это делать? Может, есть какие-то старые легенды, где упоминается, как нужно работать с луэ?

— К сожалению, я ничего подобного не помню и могу опираться только на свой опыт артефактора. И вот что я хочу сказать тебе, девчонка: воля и кровь — единственное, что необходимо для управления кристаллом подобной силы, — заявил Луиджи, и оба его глаза сверкнули зеленым. И в следующее мгновение, поменяв цвет кристаллов на красный, заорал:

— Ах ты, старый фанатик! Тебе бы только опыты проводить! А если девочка не выдержит?

— Слабак!

— Демон! Безжалостный кровопийца! Да тебя к стенке приставить надо и расстрелять без решения суда!

— Луиджи! — рявкнул Ник. — Соберитесь оба! Надо помочь Тане.

— Так что там насчет крови? — мрачно поинтересовалась я. — Надеюсь, из меня не придется нацедить пару стаканов, чтобы вымачивать в нем этот ваш кристалл?

— Конечно, нет, — «успокоил» меня Луиджи. — Достаточно просто погрузить камень в рану! Если сделать надрез... Мучитель детей и кошек! Надрез?! Ты хоть представляешь, как это больно?.. Но это самое быстрое и простое решение! И вообще, сейчас не до жалости! Если бы на месте девчонки был Никколо, я бы ни минуты не раздумывая поместил кристалл ему под кожу. — Тут Луиджи заметил, что Ника передернуло. — А что такого? Надо терпеть, жизнь — боль!.. Ах ты, душегубец, едри твою рыбу! Коляха, Таня, не слушайте его, мы найдем менее болезненное решение!

— А воля что? — устав слушать перебранку, я задала вопрос, который меня тревожил гораздо сильнее.

Тут уж оба Луиджи не нашлись, что ответить.

— Важно, чтобы кристалл находился как можно ближе к телу владельца, — подвел итог рассуждениям черепа Ник. — Если он часть Призрачного дракона, надо искать путь к Тэнлу.

— Он самоее найдет, — проворчал Луиджи, — главное, чтобы девчонка была готова и

не струсила.

Я подвязала луэ повыше на шее, чтобы он удобно лежал в ямке между ключицами.

— Надеюсь, этого достаточно?

— Может, все-таки отдать камень Нику? — упрямо пробубнил Павел, который категорически не желал делать из меня «опытную делянку» для Луиджи.

Но никто его не слушал. Кожа под камнем нестерпимо зудела, и я, конечно же, очень быстро расчесала ее до крови к радости одной из частей черепа.

Джонка шла все медленнее и медленнее, и Ник готовился покинуть судно, чтобы продолжить путь пешком, иначе до Дэона пришлось бы добираться слишком долго. От окончательного принятия такого решения его останавливало только то, что внизу мы могли наткнуться на отряд хофу или их сторонников. Поэтому пока мы медленно, но верно дрейфовали в нужную сторону на джонке.

Ближе к вечеру я вышла на палубу, чтобы еще раз посмотреть вниз на Шанлу, так похожего на мою родную Землю. Если отвлечься и забыть о том, что я не дома, то разницы почти не заметишь: те же равнины, холмы, озера, поросшие камышом реки. Луэ теперь был не просто теплым, а скорее горячим. Кожа под ним воспалилась и покрылась коркой, которую я постоянно сдирала. Вот и сейчас он прижался к свежей ранке и резко нагрелся. Голова закружилась.

— Таня, что с тобой? Тебе плохо? — я не заметила, как Павел поднялся следом за мной. Он озабоченно посмотрел на меня. — Ты тут стоишь уже минут пять и даже не шелохнешься.

— Да? Как-то не обратила внимания, — удивилась я.

Павел выглядел неважно: короткие светлые волосы отросли и торчали в разные стороны, неровно сбритая борода отдельными островками покрывала щеки и подбородок, обветренное покрасневшее лицо помрачнело, между бровями залегла глубокая морщина, которая, похоже, уже никогда не исчезнет. Только взгляд, упрямый и сосредоточенный, оставался прежним.

— Думаешь, наши все же в Дэоне? — спросила я.

— Если и так, то их нельзя там оставлять, — подумав, ответил Павел. — Я бы их переправил куда-нибудь на север, ближе к границе с Лигой. Или вообще вывез из Империи.

— Мы только время потеряем, пока будем искать их следы, — вздохнула я. — Эх, почему же луэ никак мне не подчинится? Как заставить его смотреть туда, куда мне нужно?

— Затея с камнем мне не нравится. Но в том, что наших держат где-то на границе с Архейской торговой лигой, я не сомневаюсь. Поселений там много, начнем искать — потратим годы, чтобы все обойти.

Чем больше я думала о пропавших коллегах, тем сильнее нагревался кристалл, и в какой-то момент я почувствовала, что прямо за моей спиной находится некто необъятный, кого невозможно постичь, и с большим интересом смотрит на мир моими глазами. И странное ощущение предопределённости, которое периодически накатывало последние дни, затопило меня полностью. Никакой радости или гордости от этого чувства я не испытывала, скорее какую-то горечь и тоску, словно понимала, что просто так мы от проблем не отделаемся. Нам еще придется столкнуться со многими неприятностями и многое потерять.

А еще я теперь знала, что луэ может показать мне всякого, кто мне знаком, в любом мире, где я была хотя бы раз.

— И какова будет плата? — спросила я вслух того, кто смотрел через меня.

— Что? — не понял Павел.

Я покачала головой, а Павел удивленно пробормотал:

— У тебя... у тебя один глаз стал янтарный... Ты ничего не чувствуешь?

— Чувствую, — вздохнула я. — Сейчас, подожди минутку...

Вечером в городе похолодало и поднялся промозглый ветер. Под ногами змеилась мощенная камнем улица. Город, в котором я оказалась, был больше Арзуна и даже Тира. Высокие дома в два или три этажа выглядели солидно, на одной из небольших торговых площадей я разглядела неработающий фонтан. Рядом с ним прямо на пыльном парапете валялась почти полная корзина спелых красных яблок. Неужели их никто не забрал? Я наклонилась, чтобы поднять одно, и неведомая сила потянула меня вперед.

Улица поднималась вверх. На перекрестке стояла статуя Тэнлу, которому кто-то отбил драконий нос и крылья и выковырял глаза. Ветер усилился, вокруг кружились опавшие жёлтые листья, сосновые иголки, паутина. Я прошла дальше, остановилась, чтобы перевести дыхание, и огляделась. Нет, это явно не Западный хребет. Широкая река, на крутом берегу которой раскинулся незнакомый город, матово блестела в вечернем свете. На другом берегу горели костры. Это что, военные шатры?

Город выглядел пустынным, людей вокруг было мало, редкие прохожие куда-то спешили, стараясь идти в тени, и ускоряли шаг, стоило мне обратить на них внимание. Как будто они могли меня почувствовать или увидеть. Может, вечером здесь всегда так? Нет, мысленно покачала головой я, вряд ли. Фонтаны, ухоженные улицы, чистенькие дома... А половина трактиров, мимо которых я проходила, была закрыта. По освещенным улицам никто не гулял, казалось, даже птицы покинули это оцепеневшее место. Я пошла дальше, мимо домов, лавок, трактиров, каких-то хибар... Вокруг стояла неприятная и раздражающая тишина. Что же в ней не так? Ах да, вечером в Империи всегда звонили храмовые колокола, но сегодня их почему-то не было слышно.

Вдруг впереди мелькнула светлая, коротко стриженная голова, знакомая невысокая хрупкая фигурка завернула за угол двухэтажного дома из светлого камня. Я повернула следом и оказалась в тени высокой сосны. Каменная мостовая осталась позади, и, обогнув дерево, я быстро, почти бесшумно зашагала по узкой улице.

Мария — я сразу ее узнала — успела уйти далеко вперед. Она очень изменилась: волосы выгорели и были коротко и неровно острижены, как будто кто-то подрубил их ножом, исхудалое лицо потемнело, под глазами залегли темные круги, но тем не менее ее невозможно было с кем-то спутать. Одета в мужскую одежду, она шла, низко опустив голову, чтобы не привлекать внимания. Когда она оглянулась, я поймала настороженный взгляд знакомых желтых глаз.

«Что же это за место? — подумала я. — Может, я смогу взлететь?»

Вопрос этот я задала тому, кто сейчас смотрел туда же, куда и я. А вдруг?.. Но нет, летать я не могла. Впрочем, я была уверена, что нахожусь в Империи: об этом говорили загнутые края крыш и фигурки дракона.

Между тем Мария подошла к старому, но еще крепкому двухэтажному дому в самом конце улицы и, постучавшись в ворота, негромко сказала:

— Открывайте, есть новости.

Вслед за ней я просочилась на просторный двор и с изумлением огляделась: да ведь это небольшая крепость прямо внутри города!

Первый этаж дома представлял собой монолитную каменную стену. Узкие окна на

втором этаже напоминали бойницы., и я была уверена, что там замерли наготове стрелки. Двор был абсолютно лыс — ни деревца не росло на его утопанной твердокаменной поверхности, высокий каменный забор надежно скрывал жителей от любопытных глаз. Ворота были обиты железом, и двое крепких мужчин тут же подперли их бревнами.

Во дворе собралась толпа простых горожан и человек тридцать вооруженных тэнгунов. Среди них были как простые лунче, так и те, кто, судя по узорам, выбитым на оранжевых поясных пряжках, занимал более высокую должность. На нескольких тэнгунах я разглядела пропитавшиеся кровью повязки.

— Ну, что там в городе? — спросил Марию уже немолодой военный с изрубленным лицом. Широкий шрам протянулся от левого виска до самого подбородка: кто-то очень давно рассек лицо незнакомца, а потом, видимо, прижег рану. Ожог стянул кожу и уголок рта, так что создавалось впечатление, будто лу-вэй (я разглядела его пояс) все время усмехался.

— Город сдан без сопротивления: администрация обо всем договорилась. Те, кто был против, сейчас висят-болтаются на входе у главных ворот, — коротко и сухо ответила Мария. — Все входы в храмы заколочены. Колокола сняли и куда-то увезли. Чилуны... часть их перебили, но кое-то успел сбежать. Многие бегут из города, остальные ждут прихода Архейской лиги. Слухи ходят всякие...

— Какие? — напряженно просил лу-вэй.

— Говорят, Тэн убит, — мрачно сказала Мария. — Нет больше Императора... Преемником якобы объявлен его племянник, и скоро все принесут ему присягу.

Мужчина кивнул.

— Нам тоже пришло известие, — сказал он. — На западе собирают вооруженные силы под предводительством нового Тэна, сына прежнего Императора.

— На западе? — прищурилась Мария. — Разве эта часть Империи не разрушена? Арзуэ сожгли, Дэон — сам знаешь...

— Разрушена, но говорят, что всех предателей в Дэоне вырезали по приказу нашего истинного Императора. Всего за одну ночь! И теперь в Дэоне собирают силы и верных людей. Туда нам и надо.

— Сначала закончим мое дело! — нахмурилась Мария. — Ты обещал помочь вытащить моих друзей из этого страшного подвала! Охранник по пьяни выболтал, что Игнат жив.

— Ты встречалась с охраной этого места? Это же опасно! Они все под властью хофу.

— Он от страха перед ними и от тоски напивается каждый вечер. Я просто подошла и послушала его болтовню.

Слушая их разговор, я не заметила, как стемнело. Где-то очень далеко зазвонил колокол, возможно, последний в этом городе. Звон поплыл над городом, и лица людей начали светлеть. Заплакала и запричитала какая-то женщина. Однако колокол быстро и резко замолк, а потом чей-то голос, наверняка усиленный каким-то артефактом, приказал открыть ворота. Все напряженно замерли.

— Нас предали! Мы все умрем! — истерически закричала какая-то женщина в простом шерстяном платье и черном переднике.

Паники допускать было нельзя, и лу-вэй велел ей замолчать, но она не унималась. Наконец откуда-то из толпы вынырнула тонкая женская рука, блеснули знакомые глаза, и кто-то рывком утянул кричащую в тень. Раздались две звонкие оплеухи, вскрик, а затем — тихий скулёж. Мария сердито крикнула:

— Ну, что испугались?! Дадите хофу сожрать наших стариков и детей?!

— Не дадим! — подхватил лу-вэй. — Чего рты поразевали? Демоново отродье только и ждет, чтобы вы тут наложили в штаны! Один раз выкинули их из Империи, значит, и во второй раз сможем!

Потом он повернулся к Марии и сказал уже тише:

— Мари, ты совсем ополоумела?

— Паника нас погубит, — сквозь зубы проговорила Мария. — Помощи ждать неоткуда. Зря ты тогда не послушал меня и не увел детей и женщин из города. А теперь уже поздно!

— Не нагнетай! Я уверен, мы выстоим и сможем уйти. Сама знаешь, есть возможность вывести людей через подземный ход!

— Выстояли бы, не будь среди нас столько предателей, — с горечью сказала Мария.

— Этого никто не ждал, — согласился лу-вэй.

— А зря, — зло прошептала Мария, — всегда надо быть готовыми к удару в спину.

— Кто бы говорил, — пробурчал тэнгун.

— Я уже заплатила за глупость и доверчивость... а мои друзья все еще расплачиваются.

— Мы вытащим их, Мари, — примиряюще произнес лу-вэй, — и выжжем эту заразу. И уйдем к нашим, на запад!

...— А дома, дома там были какие? — спрашивал меня Луиджи.

— Плохо помню. Вроде обычные: крыши, драконы...

— Да при чем тут это! — нетерпеливо воскликнул он. — Этажей сколько? Особенности у них какие-то были? Балконы, может, необычные? Горы вокруг были?

— Точно! — я хлопнула себя ладонью по лбу. — На той улице, где каменная мостовая, дома были трехэтажные. Первые этажи у домов облицованы каким-то серым камнем. И да, были широкие деревянные террасы, очень красивые. Я таких не видела ни в Тире, ни в Арзуне.

— Сельвик! — воскликнул Ник.

— Точно он, — согласился Павел, — я однажды был там. Значит, Мария жива? Слава Богу!

— Вот уж не думал, что хофу и Лига взяли Сельвик, — нахмурился Ник. — Как быстро все начало разваливаться! Наверняка они давно готовились, иначе бы им не удалось так ловко все проверить! И где, спрашивается, вся хваленая защита Империи? Где тэнлунги? Тоже мне защитники храмов и Тэнлу, всё проспали!

— Главное, что наша луэ наконец-то сонастроилась, — заявил Луиджи и тут же перебил сам себя: — Тебе бы только о работе! Порадуйся, что Почтовые живы!

— Сельвик стоит почти на границе с Лигой. Там архейских прихвостней больше, чем где-либо еще. Трудно будет, конечно, — задумчиво продолжал Ник. — Джонку придется спрятать на подступах.

— Значит, все храмы заколотили? — протянул Павел. — Насколько я помню, в Сельвике их было шестнадцать. Из-за близости города к беспокойным местам они должны были звонить по очереди и как можно чаще, чтобы покрыть всю территорию.

Пока Ник и Павел раздумывали, как нам лучше добраться до Сельвика, Луиджи, хищно мигая кристаллами, громко щелкал челюстью, что означало внутреннюю борьбу между его субличностью. Наконец красный глаз потух и победившая часть старого черепа, воинственно воззрившись на меня зеленым оком, произнесла:

— У меня есть три минуты! Ну! Рассказывай, как ты смогла укротить луэ? И что с твоим

глазом?

Я с интересом и словно в первый раз разглядывала диковинный артефакт, в который Островные смогли заключить человеческую память.

— С глазом? Не знаю... А насчет кристалла... Луиджи, как можно укротить ветер? Или гром? Никак. Снимай свои показания, если надо. Я не против.

— Я уже попробовал, — кисло сообщил он мне, — и прибор тебя совсем перестал видеть. Сигнал пропал. Ерунда какая-то, если честно.

— Ерунда не ерунда, — сказал Ник, который выходил на палубу и, спустившись обратно в кают-компанию, услышал наш разговор, — а есть и хорошие новости: скорость джонки восстановилась!

— Отлично! — обрадовалась я. — Тогда полетели в Сельвик.

Глава двадцать пятая

Джонка летела на огромной скорости. Ник разогнал корабль так сильно, что на палубе было тяжело стоять, приходилось крепко держаться за поручни, чтобы ненароком не снесло ветром.

Луиджи обещал, что недалеко от Сельвика нас будет ждать подмога. Вот только точных координат встречи мы так и не получили: связи с Островными не было. Ник, судя по его лицу, сильно жалел, что уступил Луиджи и не вернулся на Острова, но послушаться приказа так и не решился.

Чтобы не привлекать внимания, джонку оставили далеко от Сельвика: Ник постарался как можно надежнее спрятать драгоценную любимицу. Дальше нам предстояло идти пешком.

— Постарайся выжить, — всю дорогу твердил мне Павел. — Мы не воины и не готовились к таким событиям. Держимся за Ника: он опытнее, хоть и моложе.

Я лишь молча кивала. Меня потряхивало от страха, и единственное, что меня утешало — надежда на то, что подмога найдет нас раньше, чем отряды наемников Архейской лиги, которые скорее всего контролировали все подходы к Сельвику.

— Сельвик — крупный и богатый город, — рассказывал Павел, пока мы топтали сапогами дорожную пыль. — Народу там много, но укреплений почти нет. Такая вроде как площадка для торговли с Лигой: перевалочные базы, склады, огромный рынок. Похоже, все считали, что Лига нам не страшна. Мол, партнеры же. Ага, как же! — фыркнул он. — А в итоге вышло так, что заходи и бери что хочешь. Почему там не было мощных крепостных стен? Глупость страшная!

— А смысл в этих стенах с такими чиновниками? — пожала плечами я. — Наместник сам все сдал.

— С этим не поспоришь. К сожалению, люди везде одинаковы, в любом мире.

Мы шли по какой-то лесной тропе, ориентируясь по карте Ника. Точнее, нас вел Ник, а мы плелись за ним, с руганью продирались через кусты и с тоской вспоминали теплую уютную джонку.

К вечеру, когда мы наконец сделали привал, я заснула, едва завернувшись в тонкое, но удивительно теплое одеяло, которое мне выдал Ник. Засыпая, я желала только одного: чтобы нас как можно скорее нашли те, кто должен был помочь нам спасти Игната и Марию.

Меня разбудил хруст сухих ветвей где-то неподалеку. Павел, дежуривший ночью и задремавший было на своем посту, немедленно проснулся, резко сел и поднял арбалет.

— Энти, — услышала я чей-то старческий голос, — ты перебудишь весь лес. По крайней мере ты уже напугал усталых путников.

Охвативший меня ужас мгновенно согнал сон, и я осторожно приоткрыла глаза.

— Не надо стрелять в нас, добрый человек, — насмешливо сказал Павлу тот же голос. — Мы простые тэнлунги, держим путь в Алайю, в свой храм. О, не стоит вставать, добрые люди, продолжайте лежать на земле! Мальчик, вытащи руки и положи на грудь, чтобы я их видел. Хм, ты такой рыжий, словно твоя мать, когда носила тебя, объелась сладкого тхели. А ты, дитя, — теперь голос доносился откуда-то сверху, — можешь присесть: негоже юным шени лежать на холодном камне!

Я прищурилась, пытаясь разглядеть незнакомца, но тщетно: солнце било мне прямо в

глаза.

— А что за храм находится в Алайе? — хрипло спросил Павел.

— О, — обрадованно ответил незнакомец, — конечно, Храм Тэнлу, который еще называют Храмом Сердца мира. У него белые стены и прекрасные громкие колокола. Сейчас они звонят не переставая, и их звон, как лучи солнца, согревает нас в эти ужасные дни.

Тэнлунгов было двое. Говоривший оказался высоким худым стариком лет семидесяти с коротко стриженными седыми волосами и аккуратной круглой бородой. Он насмешливо глядел на наши вытянутые лица: еще бы, застал врасплох городских дурачков! Его спутник, крепкий мужчина с жестким выражением лица и шрамами на виске и на щеке, был гораздо моложе: на вид ему было не более тридцати. На поясе у него висел меч. У старика была только палка, на которую он опирался при ходьбе. И все же, приглядевшись внимательнее, я заметила у него на шее шнурок для артефактов и кожаный браслет. Значит, он тоже далеко не безоружен. Оба незнакомца были одеты как торговцы, скромно, но опрятно.

Насколько я помнила, среди тэнлунгов было много способных к магии, или, как они себя называли, одаренных. В их ордене поощряли исследования и развитие артефакторики, считая кристаллы проявлением защитных свойств мира. Тэнлунги — воины храмов Призрачного дракона, призванные развеивать и уничтожать Теней и хофу. О них ходили самые разные слухи: о том, что у них есть многочисленные тюрьмы для тех, кого подозревают в шпионаже в пользу хофу, что они владеют страшными тайнами из древних летописей, о странных и необъяснимых смертях, к которым они были причастны... Я даже слышала предположение, что, мол, тэнлунги — воплощение потомков Призрачного дракона в Империи. Скорее всего по крайней мере половина этих слухов была полным бредом. Павел в свое время мне говорил, что большая их часть распространяется самим орденом.

— Юрис, едри твою рыбу, я слушаю твой треп уже полчаса! — раздался скрипучий голос Луиджи.

— Да ладно! Не верю своим ушам! — встрепенулся старый тэнлунг.

— Потому что уши у тебя ослиные! Поверь, прыщавая ты поганка, это я, твой старый знакомый Луиджи!

— Ах ты, беззубая пустынная ящерица, неужели еще помнишь мои прыщи?! — в тон ему отозвался Юрис. — Тогда и я вспомню твои бесконечные сопли! И вообще, откуда ты орешь? Я тебя не вижу!

— А ты разуй глаза! Вот уж не думал, что нашими провожатыми будете вы с Энти, — презрительно фыркнул Луиджи. — Ник! Вытащи меня наружу.

Юрис с интересом осмотрел череп.

— Значит, ты все-таки добился своего? Все же ты воистину великий ученый, джоэсс Луиджи Луиджи!

Луиджи оказался прав: тэнлунги действительно были высланы нам на подмогу и, как оказалось, ждали нас уже три дня.

— Я смотрю, вы не торопились! — недовольно проворчал Юрис.

— Наша джонка немного нас подвела, — оправдывался Ник.

— На самом деле мы очень спешили, — несмело сказала я. — Может, выдвинемся в город прямо сейчас?

Юрис с интересом оглядел нашу разношерстную компанию.

— Как интересно! — наконец пробормотал он. И продолжил: — В Сельвик войдем

вечером: нечего светиться днем, вместе мы будем привлекать много внимания, да и спешить нет смысла. А пока, думаю, самое время позавтракать и побеседовать. Энти!

Тот кивнув и, бросив подозрительный взгляд в сторону на Луиджи и мою сумку, в которой сладко дрыхли снарки, поставил наш старый котелок на огонь. Потом выложил на чистую тряпицу крупно нарезанные ломти хлеба, вяленое мясо, сыр и перья зеленого лука, закинул в котелок пару кусков сала, какие-то корни, крупу и, залив все водой, стал помешивать получившуюся похлебку, то и дело настороженно прислушиваясь к лесным звукам.

— Откуда вы здесь? — спросил между тем Луиджи. — Насколько я понял, мы должны были встретиться у старого трактира на дороге или прямо в городе.

— Энти засек сигнал луэ.

— Ах вот оно что... — протянул Луиджи, и глаза его загорелись зеленым. — Так значит, орден тоже искал луэ? И кто же из вас двоих должен был стать носителем? Неужели ты, старый филин, или... твой ученик?

— Это не важно! Орден не меньше вас, а может, даже и больше заинтересован в поисках самого могущественного артефакта нашего мира! — с раздражением ответил Юрис. — Но, похоже, вы нас опередили. Сигнал пропал недалеко от того места, где ваша шумная компания остановилась на ночлег.

— Вообще-то мы не шумели, — возмутился Ник.

— Ну да, — хихикнул Юрис. — Энти, ты это слышал?

Тот издал какой-то булькающий звук, словно его кто-то схватил за горло.

— Он немой, — пояснил нам Юрис. — Пираты вырезали всю его семью, а ему, еще ребенку, вырвали язык и оставили умирать в мертвой деревне на северном побережье Империи. Энти подобрал отряд наемников-пустынников. С ними он и рос, пока не ушел к нам.

Молодой тэнлунг кивнул и преданно улыбнулся старику.

— Вы выбрали хорошее место для ночевки, — похвалил Ника Юрис. — Оно далеко от дороги, скрыто холмами от посторонних глаз, но есть еще кое-что... Как вы нашли эту поляну?

— Таня привела нас сюда, — ответил и Ник шумно сглотнул: похлебка пахла очень вкусно. — Уселась вот на эту корягу и сказала, что ночевать мы будем здесь. Место и правда отличное.

— Ах вот оно что, — протянул Юрис. — А то я уже решил, что Островные получили способности тэнлунгов.

— А что не так с этим местом? — насторожился Ник. — Почему вы думаете, что мы неслучайно его обнаружили?

— Островные — народ, конечно, талантливый, — задумчиво произнес старик, — но вы пришлые и не обладаете редким даром детей Призрачного дракона. Только сильноодаренные жители Шанлу могут чувствовать места залегания кристаллов, которые так не любят хофу.

— Здесь пролегает вуджийская жила?! — воскликнул Луиджи, и его кристаллы сверкнули.

— Совсем крошечная. Скорее даже отголосок жилы — всего горсть или две камней. Но она здесь есть! И почувствовать ее вы никак не могли!

— Что за жила? — насторожился Павел. — Нас чем-то облучило?

«Не хватало еще, чтобы это место было радиоактивным! — забеспокоился внутренний Геннадий. — И так проблем с этим луэ не счесть. Вот будет здорово, если у тебя сейчас вырастет хвост или крылья!»

— Не беспокойся, здесь безопасно, — успокоил Павла Ник и с нежностью погладил камень, на котором сидел. — Вуджийская жила — это же настоящее чудо! Именно там добывают кристаллы, из которых мы делаем оружие, чтобы бороться с хофу, — объяснил он нам. — Самые редкие и дорогие. Бесценные! Вот уж не думал...

— Так значит, это ты почувствовала, что вам стоит остановиться именно здесь? — обернулся ко мне Юрис. — Откуда ты, дитя? Точно не с Островов. И на имперскую подданную ты не похожа... Странно. — Юрис резко повернулся к черепу, который в предвкушении мигал то красным, то зеленым глазом. — Что это значит, джоэсс Луиджи?

— Мы из почтовой службы, — коротко ответил Павел, испортив Луиджи всю торжественность момента.

— Ты притащил чужаков к луэ?! — изумленно спросил Юрис у черепа. — Это на тебя не похоже.

— Луэ сам выбрал себе носителя, — недовольно проскрипел тот. — Мы не успели, как, в общем-то, и вы.

— Луэ никогда бы не выбрал чужую кровь, — твердо ответил Юрис и, наклонившись ко мне, уставился прямо в мой янтарный глаз.

Недоверие и сомнение на его лице внезапно сменились раздражением и даже злостью. Мне вдруг стало страшно, и он, похоже, почувствовал это. Юрис потянулся к кристаллу, висевшему на моей шее, и я испугалась, что он хочет сорвать его. Луэ стал холодным, как лед, настолько холодным, что у меня даже заболели зубы. Старик приостановился, напряженно прислушиваясь к чему-то, послышался тихий шорох. Подняв голову, я увидела, что Энти занес надо мной меч.

Тягучий сердитый звон горячей волной прокатился по моему телу, сорвав ледяное оцепенение, и, как мне почудилось, выплеснулся прямо на старика. Юрис покачнулся, меч выпал из рук молодого тэнлунга, и, низко склонившись передо мной в поклоне, старик произнес:

— Прости, что усомнился в тебе, Хранитель!

Звон продолжался, с каждой секундой заставляя его вздрагивать и склоняться все ниже и, по-видимому, причиняя ему нешуточную боль: по бледному лицу Юриса катился пот, сосуды глаз полопались, из носа пошла кровь.

— Луэ будет под нашей за... щи... то... й... — с большим трудом пробормотал он, выталкивая слова так, будто лежал под каменной плитой.

Ему явно не хватало воздуха, и я уже испугалась, что старика хватит удар, когда давление на тэнлунгов наконец ослабло, вновь подул ветер и закричали птицы. Я с облегчением вытерла пот со лба: даже меня проняла эта сцена, и я представляла как тяжело пришлось Юрису, который, отдуваясь, уселся на корягу.

— Сильна! — восхитился Луиджи.

Юрис слабо кивнул.

— Это не я! — воскликнула я. — Это ... это что-то другое, что-то большое, за спиной... Я не знаю, как это объяснить.

— Да естественно, это не ты, — с раздражением отозвался Луиджи. — Но чтобы так воздействовать на окружающих, носитель должен быть хорошо настроен на кристалл.

Можно даже не быть высокоодаренным, тут что-то другое работает. Не могу только понять, что.

— Меньше болтай! — коротко оборвал его Юрис. — Энти! Что там насчет завтрака? Сил нет совсем.

Энти с виноватым выражением лица разлил варево по глубоким глиняным чашкам и подал одну сначала Юрису, а потом уже всем остальным.

— Энти приспособляется к любым условиям, — сказал Юрис с какой-то гордостью.

— Так хофу все же могут засечь сигнал луэ? — спросил Павел.

— Теоретически — да, — подумав, ответил Юрис. — Для этого есть специальные устройства.

— А как вообще луэ появляется в этом мире? Или он всегда где-то был и есть? И как кристалл мог попасть на нашу станцию? — не унимался Павел.

— Вы ведь священник? — уточнил Юрис. — Из тех, кого церковь держит на особом контроле?

— Я семинарист. То есть пока еще не священник.

— Необходимое условие, — кивнул Юрис. — Не понимаю, зачем было поставлено такое обязательство, но то было решение Совета храмов, и не мне его оспаривать.

— Так что насчет кристалла?

— Ну ... Луиджи, что скажешь? Всегда ли существовал луэ или он появляется в нужное время в нужном месте?

— Мы не знаем, — прокряхтел тот. — Задokumentированных случаев появления луэ очень мало. Как он попал на станцию Почтовых, мы тем более не понимаем. Может, кто-то купил кристалл и принес его туда...

— А хофу знают о нем? — я задала вопрос, который меня тревожил больше всего.

— Думаю, да. Точнее, уверен, что да, — кивнул Юрис. — И скорее всего они его ищут.

Это известие никого не обрадовало. Все мрачно ели похлебку, размышляя над словами тэнлунга.

— Да кто они такие, эти хофу? — наконец устало спросила я.

— Хофу были когда-то людьми, которых пожрали демоны. Людьми иного мира. Это был счастливый и гордый народ Ндото, — вздохнул Юрис. — Ник! Знаешь что-нибудь о Ндото?

— Нет такого народа в Шанлу, — подумав, ответил Ник. — Я, во всяком случае, его не припомню. Даже за южными выжженными землями нет никаких Ндото.

— Ну?! Луиджи, как так? Плохо вы обучаете молодежь! Или это новая система образования? — насмешливо спросил Юрис.

— Ндото нет в Шанлу, — твердо сказал череп. — А живы ли они вне нашего мира — кто знает...

Доев, мы быстро собрались и выдвинулись в сторону города. По дороге в Сельвик Юрис продолжал обмениваться новостями с Луиджи.

— Мы с Энти были в старом храме вблизи развалин Ши. Это не так далеко отсюда. Развалины на месте и все так же необитаемы, а храм вполне цел, в нем сейчас тренируется дружина тэнлунгов. Ужасная дыра, новостей принести некому, а редкие одиночки живут в истинном единении с природой, отвернувшись от мирской суеты. Покинув храм, мы продолжили путь через деревни, но половина из них была безлюдна, словно люди бежали, побросав весь свой скарб, а в тех, которые не брошены, мы слышали самые разные вещи.

Местные болтали, что Императора убили и теперь демоны и хофу свободно рыщут по стране, а кто-то даже говорил о набеге пиратов. Но войны официально никто не объявлял, правильно я понимаю?

— Все верно. Похоже, союзное войско Лиги, пиратов и хофу болтается в Империи.

Старик нахмурился:

— Тяжело слышать такую новость. А что вы забыли в Сельвике? Хочу сразу предупредить, затея войти в город очень ... странная!

— Вы действуете в окрестностях Сельвика одни? — перебил его Павел.

— Мы одни из многих двоек, раскиданных по Империи. Если вы правы и город сдан, то зайти незаметно будет не так сложно. Конечно, со знающим человеком. Наемники никогда не выставляли охрану на каждом углу, они больше пьют и мародерствуют.

— Думаете, город сильно разрушен?

— Я уверен в этом. Что бы там ни говорила ваша Мария, в Сельвике было много людей, преданных Империи. Не думаю, чтобы они сдались без боя.

Я с трудом узнала Сельвик, когда мы вошли в него. В моем видении это был красивый и богатый город, сейчас же многие здания были разрушены, улицы были усыпаны обломками строений и камнями. Но армии Лиги уже не было: она двинулась на запад, к Дэону. Попасть в город оказалось несложно: мы незаметно пробрались туда тропами, известным только Юрису и его ученику.

Первым делом мы решили проверить тот дом, в котором прятались Мария и тэнгуны.

— Как-то слишком просто мы сюда вошли, — мрачно заметил Павел. — Ой и не нравится мне все это. Что, думаете, тут нет шпионов? А сигнал луэ? Так я и поверил, что хофу настолько глупы, что не засекли его!

— Верно говоришь, — согласился Юрис. — Поэтому я считаю, что ваша затея — очень опасная авантюра. Но если наша девочка стала полным луэ, то ее решения — это решения Тэнлу, поэтому я буду помогать ей во всем и следовать за ней, куда бы она ни отправилась.

Находиться в городе было тяжело. Меня преследовал какой-то отвратительный смрад, хотя все остальные уверяли, что ничем особенным не пахнет. Почему они не чувствовали эту страшную вонь? Пахло, как в подвале Игната: кровью, страхом и безнадежностью. Самой тьмой, как пояснил мне Юрис, единственный, кто иногда улавливал отголоски этого ужаса.

Луэ стал нестерпимо горячим, хотя я не видела ни одного хофу. Кристалл, обращенный ко мне темно-красными гранями, мерцал, как будто живой. Другая сторона была покрыта сморщенным кожаным панцирем, который напоминал мне грецкий орех. Кристалл причинял мне сильную боль, но я боялась снять его, хотя Павел постоянно уговаривал меня сделать это. Я боялась «ослепнуть», не заметить хофу, не «услышать» кого-то из своих близких и подвести новых друзей.

— Знаю я этот дом, — выслушав меня, сказал Юрис, — да и тэнгун со шрамом — известный человек в Сельвике. Лу-вэй Шагид — это его дом. После смерти жены он из негс сделал тренировочный лагерь. Сущий параноик этот лу-вэй! Но всегда не доверял Лиге и, как оказалось, был прав! Зря мы к нему не прислушивались. Зря!

В Сельвике к нам присоединились восемь молчаливых вооруженных мужчин — людей Юриса. В мягких сапогах и темных одеждах, они бесшумно обступили нас, как только мы вошли в город. Юрис недовольно проворчал:

— Шумели, как стадо пустынных ящеров! Тише надо быть!

Похоже, угодить Юрису было еще сложнее, чем Луиджи.

Быстро, но тихо мы пошли к дому лу-вэя. По словам местных, крепость взяли спустя сутки после того, как в город явились наёмники лиги. Убитых было много, но среди пленных и погибших не было ни женщин, ни детей, а значит, Мария все-таки смогла спастись. Луиджи был категорически против того, чтобы мы заходили к дом лу-вэя, да и Юрис считал эту затею опасной.

— Что там смотреть? — спрашивал он меня. — Там пусто. Жители даже мертвых уже похоронили.

В глубине души я понимала, что они правы, но какая-то часть меня хотела войти туда и убедиться, что все выглядит именно так, как мне привиделось. Я все еще с трудом верила своим видениям.

Однако дойти до дома лу-вэя мы так и не смогли: район кишел архейскими военными и наемниками.

— Думаю, нам не стоит идти дальше, — наконец сдался Павел. — Что думаешь, Таня?

Я замерла напротив того самого неработающего фонтана, который помнила из своего видения. Тот же пыльный парпет, пустая корзинка: кто-то наступил на нее и раздавил хрупкое дерево, собрал яблоки, но одно, растоптанное, все еще валяется в грязи.

Значит, все эти видения правда: стриженный затылок и взгляд исподлобья, потерянный Муса Ахмедович, налитые тьмой глаза Игната и старый тхэ...

На меня нахлынула печаль, и тихий чистый звон наполнил сердце, утешая и подбадривая. Словно вторя ему, знакомый женский голос прерывисто шептал где-то далеко, в моем родном и недоступном мире:

— ... спаси и сохрани и верни ее нам живой!

Мама?

Глава двадцать шестая

— Вот он, — прошептал Юрис, — дом представительства Лиги. Думаю, ваш человек там.

Перед нами возвышался трехэтажный каменный особняк. В осколках разбитых окон отражалась оранжевая луна, входные двери были выбиты: похоже, его хотели разграбить или пытались взять штурмом. Из окон валил дым, истоптанный двор завалили мусором, соседние постройки тоже тлели. Впрочем, большинство домов на этой улице выглядело примерно так же. Местные жители явно понимали, кто был источником зла, и их месть настигала тех, кого они считали виновниками сдачи города.

— А где статуя дракона? — поинтересовался Павел, указывая на плоскую крышу представительства.

— Нет ее, — хмуро ответил ему Ник. — Архейцы построили здание так, как это принято у них на севере.

Ночью в Сельвике случилось то, о чем нас предупреждал старый тэнлунг: выступающие против новой власти жители вышли на улицы города. Впрочем, он также говорил, что очень скоро всех их переловят, а значит, нам надо успеть воспользоваться моментом и завершить все свои дела в городе, пока враг не прислал подкрепление.

— Похоже, лу-вэй сдержал слово и его люди зашли в особняк. Интересно, есть ли там кто живой? — задумчиво прошептал Юрис.

— Игнат жив, — тихо сказала я, — я чувствую его дыхание. Нам надо в подвал.

Я указала на торец здания, в котором зияла дыра, уходившая глубоко вниз.

— Уверена? — поежился Павел.

— Да. Надо спешить: я чувствую запах паленых волос и крови. Боже, как же меня уже тошнит от этого! — поморщилась я.

Павел с тревогой посмотрел на меня: он ничего не чувствовал, кроме запаха гари.

Юрис кивнул своим людям и вместе с ними молча устремился в подвальный мрак. Мы с Павлом и Ником остались снаружи. Надолго нас, конечно же, не хватило: Ник сразу же начал нетерпеливо переминаться с ноги на ногу.

— Может, пойдём за ними? — повторял он как заведенный.

— Стой где стоишь! — прикрикивал на правнука Луиджи, надежно притороченный ремнями к его поясу. — Пусть воины сделают свое дело.

— Похоже, Нику не терпится свести счеты с хофу или Архейцами, — озабоченно шепнул мне Павел. — Желание его мне понятно, но, надо сказать, оно не самое разумное.

Наконец Ник, не выдержав томительного ожидания и не обращая внимания на яростный скрип Луиджи, решительно направился вслед за тэнлунгами. Нам с Павлом ничего не оставалось, как пойти с ним.

— Вот же салага неразумная, — возмущался Павел. — Нейметса ему поскорее умереть!

В подвале было темно, местами темно-красным светом светились осколки каких-то кристаллов. Их слабого света хватало, чтобы мы не спотыкались о камни и тела, лежавшие прямо у входа. Темно-зеленая одежда и оранжевые пояса на убитых не оставляли сомнений: это были люди лу-вэя.

Тэнлунгов уже не было видно, и мы стали спускаться по ступенькам вниз. Стены прохода были черными от копоти, лестница зияла провалами. Ровно тридцать ступенек с

одним пролетом: я хорошо их запомнила, потому что каждый шаг отдавался в моей голове колокольным звоном. Этот звук не позволял панике захлестнуть меня и заодно уменьшал головную боль, которая возрастала по мере того, как мы спускались.

Темная фигура метнулась к нам откуда-то сбоку, кристалл на груди моментально раскалился и обжег кожу, будто огонь. Хофу! Павел от неожиданности выронил арбалет, хофу плавным движением руки отшвырнул его куда-то в сторону и мягкими шагами осторожно приблизился ко мне.

«Как же, не воины... Лично я — самое настоящее оружие против хофу», — промелькнула во мне отстраненная мысль, когда враг задымился, едва коснувшись меня.

Правда, в этот раз что-то пошло не так, как обычно: вероятно, он все же смог как-то защититься. Бездымное призрачное пламя еле тлело, а хофу упорно пытался сорвать мой кристалл. Непохожий на своих собратьев, молодой и высокий, одетый в какое-то подобие халата и перчатки, он с напряжением всматривался в мое лицо, словно искал во мне знакомые черты.

Но в конце концов луэ пробил его защиту: лицо хофу исказила гримаса боли, рот раскрылся в немом крике, и я увидела острые, заточенные треугольниками зубы и длинный черный язык. Призрачное пламя, загудев, вспыхнуло в полную силу.

Эти зубы и язык словно сорвали пелену с моих глаз: хофу не люди — они нечто иное. И какая-то часть меня, родственная умирающему врагу, с воем забила в голове, пытаюсь скрыться от вездесущего колокольного звона, который прохладной водой заливал мой внутренний пожар. Да что же это за мрак у меня внутри?

Я пришла в себя от боли и с шипением втянула затхлый воздух.

— Не шевелись, — послышался голос Паши, — по-моему, ты ранена.

Надо мной нависло покрытое сажей лицо Павла: волосы у него на голове были опалены, остатки их клочками торчали на висках и затылке, правую руку он неловко прижимал к телу. Я же чувствовала себя на удивление неплохо: головная боль прекратилась, тошнота ушла.

— Ты куда?! — всполошился Павел, когда я попыталась встать. — Лежи, говорю. Проверь, кристалл цел? Тут как будто что-то взорвалось.

Я нащупала драгоценный артефакт и убедилась, что он в полном порядке. Правда, ощущение было такое, будто он полностью сросся с моим многострадальным телом. Я усмехнулась, представив хищный интерес Луиджи и зависть Юриса.

— Снизу ничего не слышно? — хрипло спросила я: во рту стоял отвратительный привкус, и сильно хотелось пить.

— Пока все тихо. Надо спуститься и посмотреть что там.

Я напрягла слух, стараясь понять, есть ли внизу кто живой.

Там было темно, но не для меня. Знакомый запах опалил горло и заставил закашляться. Ник стоял на четвереньках у скамьи и яростно мотал головой: похоже, кто-то попытался его оглушить. Наконец он с трудом поднялся на ноги и встряхнул рукой: сжатый в кулаке камень осветил комнату слабым желтым светом. Куча тряпья в углу зашевелилась, и я поняла, что это человек — высокий, тощий и абсолютно лысый старик с грязной повязкой на глазах.

«Игнат», — обожгло меня.

— Назови свое имя, — резко крикнул Ник, поднимая меч.

— Игнат, — еле слышно произнес старик.

— Ты из Почтовых?

— Было дело.

Он медленно снял повязку и посмотрел на Ника залитыми тьмой глазами. Тот в ужасе отшатнулся.

— Хофу?! Или ты... человек? Как ты выжил? — недоверчиво спросил Ник, с содроганием разглядывая пленника. — Как ты стал... этим?

Кто-то толкнул меня в спину, а потом вцепился маленькими, но очень острыми зубами в мою ладонь. Я с воплем затрясла рукой и увидела, что это Проныра вывел меня из ступора.

— Вот же мерзкое создание, — поморщился Павел. — Что ему надо?

— Некогда об этом думать. Лучше поспешим, — сказала я. — Если Юрис сейчас увидит Игната, он наверняка его убьет! Да и Ник скорее всего тоже. Бежим!

На наше счастье, Юрис до камеры еще не добрался. Он, Энти и еще двое человек из его группы обессилено сидели прямо на полу у дверей комнаты.

— Один! Всего один хофу! Отделал нас, как детей! — возмутился Юрис, пока Энти вправлял ему вывихнутую руку. — Просто разбросал нас, как котят, и ушел куда-то наверх. Похоже, мы были ему неинтересны.

— Всех твоих людей убил всего один хофу? — ужаснулся Павел.

— Да нет, с ним было еще несколько архейских прихвостней. Человек десять, ерунда для моих людей, — отмахнулся Юрис. — Но хофу-то каковы! Сильны, демоновы отродья, сильны... Вы его видели? По-моему, он пошел вам навстречу.

— Видели, — коротко ответила я и, обогнув Юрису, вошла в камеру.

Игнат был жив, правда, сильно истощен, заговаривался, вел себя странно и действительно выглядел как хофу, но при этом каким-то образом оставался человеком. Придя в себя, он первым делом схватил меня за руку и горячо зашептал:

— Я согласен, согласен! Так и передай ему.

— Кому? — я попыталась отлепить от себя его костистую и неожиданно сильную руку. — Кому передать-то?

— Дракону!

— Хорошо, передам, — ответила я как можно мягче. — Тебе не больно касаться меня?

— Нет, — помотал головой Игнат. — Но я вижу, вижу этот жар! Смерть для хофу! Но не для меня!

Он то выкрикивал какие-то странные слова, прося передать их Тэнлу, то шептал что-то себе под нос, недоверчиво оглядываясь вокруг.

— Рехнулся! — припечатал Луиджи.

— Немудрено, — согласился Павел.

Ник нахмурился и недоверчиво посмотрел на старика. И только Юрис, поджав губы, некоторое время прислушивался к шепоту Игната, а потом твердо сказал:

— Уходим. Быстро!

Пока мы бежали какими-то темными переулками, Игнат не переставая бормотал:

— Оно сводит меня с ума... Как я устал, как устал... Я знаю, знаю...

Мы прошли внутренние дворы и выбрались на узкую улицу. Вдруг он прошипел:

— Эксперименты! Хофу осталось совсем мало, нужно больше! Чтобы победить, надо море хофу!

Мы бежали через очередную подворотню, а он продолжал твердить, раскачиваясь взад-вперед:

— Хофу ненавидят нас, они чувствуют свою ущербность... А ведь они были когда-то

людьми. Почти как мы. Как я... Они хотят сделать нас подобными себе. Сломать! Сжечь изнутри! Холод! Холод! Холод! Дайте света!

Мы пролезали через дыру в крепостной стене, а Игнат все шептал:

— Никто не смог, только я! Я единственный... Один, один, один... Эта жидкость — демонова кровь! Все ушли, все ушли... Ушли! — вдруг выкрикнул он.

— Тихо! — шикнул Ник. — Таня! Надо как-то заставить его замолчать.

Я схватила старика за руку, пытаюсь отвлечь от мыслей. Он вздрогнул, посмотрел на меня своими странными глазами и вдруг сказал:

— Таня? Так это не сон?

— Не сон, — прошептала я. — Это правда мы.

— Игнат, — проскрипел Луиджи, как только оказался рядом с ним, — что за демонову настойку вы там пили?

— Их кровь. Демонов!

— Это невозможно: она смертельна для нас! — возразил Ник.

— Для вас — да. Вас хранит Призрачный дракон. А нас, людей с Земли, она просто превращает в хофу. Но не всегда. Иногда сводит с ума, как это случилось с Тимуром.

— Ты видел Тимура? — удивился Павел.

— Видел и слышал. Но он уже не человек. Зверь! Неудачный эксперимент, — Игнат будто кого-то передразнил. — Твари! Ах, старый тхэ, старый тхэ... Плохо, плохо, плохо, — снова забормотал он, хватаясь за голову.

— Таня, держи его за руку, — приказал Юрис. — Сила луэ вернет ему разум. Может, ему станет легче и он сможет совладать с тьмой. Сумел же он как-то выжить.

Так мы с Игнатом и шли, держась за руки, словно дети. Все это время Призрачный дракон разгонял внутри меня тихий звон колокола, который действовал на моего коллегу самым благотворным образом.

И когда мы, покинув наконец Сельвик, отошли от него достаточно далеко и по команде Юриса остановились на отдых, Игнат уже мог общаться с нами, не впадая в беспамятство.

— Захватили нас легко: всего-то понадобилось несколько хофу и десяток наемников. Все попались, кроме Марии. Хоть кому-то повезло... — вздохнул он. — Привезли сюда, в их лабораторию. Сначала людей было много, и все местные, кроме меня: крестьянин из Зие, два воина из гарнизона, девушка-пекарь, мальчик-подмастерье, Гиззат и я. Умирали быстро: два-три приема настоя, и все.

— А ты? — спросил Луиджи.

— Я держался, — засмеялся Игнат, обнажив треугольные и острые, как у зверя, зубы. — Изменился физически, но истинным хофу не стал.

— Ты еще можешь стать хофу?

— Легко. Когда пьешь демонову кровь, она жжет тебя изнутри, словно огонь, бежит по венам, выворачивает суставы и меняет тело. И тут главное выдержать, не поддаться, иначе сойдешь с ума или и правда превратишься в хофу! Боль изматывает и в то же время удерживает от падения в бездну.

— Значит, ваши люди могут становиться хофу? — нахмурился Юрис.

— Я уверен, что могут. Мне просто повезло! Тимур сошел с ума... Думаю, если хофу проведут еще эксперименты, они добьются своего.

— Может, нам лучше просто прирезать этого вашего Игната? — неожиданно тоскливо произнес Ник.

— Хорошая идея, — кивнул Юрис, Энти тут же как по команде вскочил и обнажил меч.

— Нет, нет! — воскликнул Павел. — Вы что, совсем?! Луиджи! Скажи хоть ты им!

— Ну... — задумался тот. — Даже не знаю. Доверия к нему у меня нет! И вообще, как

Игнат выжил после того, как выпил кровь демона? Всем известно, что это невозможно!

— Бывают исключения, — усмехнулся Игнат и, повернувшись ко мне, повторил: —

Передай ему, что я согласен!

— Да что за тайны? На что ты согласен? — изумилась я.

— Он сам все знает! Эй, рыжий мальчишка, — обратился он к Нику, — знаком ли тебе некто Витале Луиджи, ученый вашего мира?

— Это мой родственник, — сухо ответил Ник.

— А точнее, мой брат, — сверкнул глазами Луиджи. — Что тебя с ним связывало?

— Не зря твои рыжие патлы показались мне знакомыми, — проворчал Игнат. — Это старая история... Провернули мы с ним как-то одно дельце... Витале хотел изучить один документ, древний, как сама Империя. В том пергаменте была также изложена легенда о создании Печати дракона. Витале к пергаменту не допустили, а мне, как ни странно, разрешили с ним ознакомиться. Правда, потом из-за этого случился настоящий скандал, но да ладно...

— Что за Печать? — насторожился Юрис.

— Она нужна для запечатывания трещин между мирами.

— У нас пока другая проблема, — осторожно заметил Павел. — Нам бы наоборот проход на Землю создать. Все ворота на станциях заблокированы, а мы тут, похоже, заперты на веки вечные.

— А, об этом не стоит беспокоиться, — отмахнулся Игнат. — Хофу занимаются созданием прохода.

— В смысле? — опешил Павел.

Игнат некоторое время молча смотрел на нас, а потом сказал:

— Пока я сидел там, в подвале, я много думал и вот что понял. Четыре важные вещи! Четыре! Слушайте внимательно. Первая: Тень Тимура приходила на Землю дважды.

— Откуда ты знаешь? — спросил Павел.

— На тот момент, когда я видел Тимура, его Тень создавали не менее двух раз.

Я опустила голову: значит, дважды... И каждый раз от тела несчастного что-то отсекали. Немудрено, что он сошел с ума!

— Так вот, Тень приходила дважды. Тая! — Игнат повернулся ко мне. — Вспомни, ты говорила про странный камень на груди у Тени Тимура.

— Да, — прошептала я и коснулась луэ. — У него была точная копия моего кристалла.

— Не может быть, — побледнел Юрис. — Ты уверена?

— Абсолютно, — кивнула я. — А что?

— Они сняли слепок с луэ! — воскликнул Юрис. — Да как они посмели?!

— Лучше бы нам узнать, как они смогли это проверить, — сухо заметил Луиджи. — И вместо того чтобы причитать, лучше подумай, Юрис, чем нам все это грозит.

— Чем грозит, чем грозит... — проворчал Игнат. — Не перебивайте меня! Так вот, второе, что я понял: сняв слепок, и не один раз, а дважды, Тень разместила их в обоих наших мирах. Вам ли, Островным, не знать об этом, — язвительно добавил он. — Ведь именно таким образом создаются проходы между мирами: помещают метки в каком-нибудь тонком месте, по обе стороны будущего прохода.

— Они и так были, — возразил Юрис. — Переходы созданы там, где стоят ваши почтовые станции.

— Да, но на станциях слишком узкие ворота, а хофу собираются устроить нечто побольше, — медленно сказал Ник. — Если слепок луэ породит Тень Призрачного дракона, она сможет создать очень широкий разрыв пространства, через который смогут пройти не только одиночные хофу, но и армия слуг и... сами демоны.

— Подождите! — воскликнула я. — Но ведь луэ уничтожает хофу и Тени!

— Да, — кивнул Юрис. — Но вспомни хофу, с которым вы столкнулись в подвале: он держался довольно долго. Так что снять слепок с луэ им вполне по силам. А уж слепок — это не кристалл, который ты носишь на шее, а всего лишь отражение камня.

— Но Тэнлу не станет творить зло, ведь так? — с надеждой спросил Павел.

— Тень дракона — не Тэнлу. Она подконтрольна хофу. Что сотворит Тень, вырвавшись в ваш мир, предугадать сложно, но ее силы наверняка хватит, чтобы разрушить город, — мрачно заявил Луиджи. — И потом, надо помнить: широкий проход приведет к тому, что в ваш мир хлынет магия. Хорошо это или плохо — не знаю.

— Если только Игнат нам не врет, — заметил Ник.

— Зачем это мне? Я говорю правду, — сухо ответил Игнат.

— Если камень должен быть обязательно расположен в двух мирах, то где именно? И можем ли мы как-то помешать хофу? — спросил Павел.

— Вряд ли, — покачал головой Юрис.

— Вообще-то можем, — возразил Игнат. — Тень быстро развеивается. Унести слепок далеко от отделения на Черноморской она не могла. Река — вот то место, где чаще всего возникают трещины. И еще, на месте прохода должно быть что-то вроде гнезда.

— Гнезда? — удивился Павел. — Зачем Тени гнездо?

— Да незачем, — неожиданно захихикал Игнат, вновь обнажая свои страшные зубы. — Просто это будет красиво! Дракон стремительно вылетит прямо оттуда и сожжет город. Все будет пылать!

— Игнат! — я схватила его за руку: было что-то чужое в нем, мелькало, как будто отблеск тьмы, и меня мучил вопрос: как долго он сможет сопротивляться этому?

Тот вздрогнул, словно проснувшись, поежился и устало продолжил:

— Третье: создать Печать дракона довольно просто, она закроет трещину и не даст Тени дракона все разрушить.

— И как же ее создать? — недоверчиво прищурился Ник.

— Одному недоделанному хофу стоит прыгнуть в трещину за Тенью призрачного дракона, и тогда люди смогут получить необходимый кристалл для артефакта. Я прочитал это в том пергаменте.

— И все? — с сомнением спросил Павел.

— И все.

— Я не верю тебе, старик, — заявил Ник. — Шагнув в трещину, ты сбежишь в свой мир. Может, ты и не хофу, но можешь им стать в любой момент.

— Тогда ты просто пойдешь со мной и зарежешь меня, если такое действительно произойдет, — равнодушно пожал плечами Игнат.

— Ну хорошо, — протянул Павел, — допустим, первая метка находится у реки, в Казани. Примерное место мы знаем: что-то большое и похожее на гнездо. Предположим, слепок уже там, и он даже цел. А вторая метка где? Шанлу велик.

— Скорее всего она недалеко от Арзуна, — подумав, ответил Игнат. — Конечно, хофу могли унести слепок куда угодно, но что-то мне подсказывает: метка находится в старой, разрушенной части Арзуна. Там у реки тоже есть «тонкие» места и... выход на Казань к первой метке.

— Значит, надо идти в сторону Арзуна, — заключил Юрис.

— И что нам там делать? — подал голос Луиджи. — Будем ждать активации мифического слепка? И сколько это продлится?

— Недолго, — сказал Игнат. — Змей уже рядом.

— Какой еще змей? Что за змей?

— А это четвертое. Вы их называете Хут-Энебиш — те, что прогрызают грани мироздания. Да-да, знаю, что это из древних преданий! Не мотай головой, Юрис, древнее не значит лживое! Змеи есть. Спроси у Тэнлу, — усмехнулся Игнат. — Хут-Энебиш создаст проход из мира демонов в ваш мир. А отсюда они уйдут на Землю.

— Почему нельзя сразу, напрямую прогрызть проход на Землю? Зачем все усложнять слепками? — все так же недоверчиво поинтересовался Ник.

— Может, хофу хотят перестраховаться, — пожал плечами Игнат. — А может, на самом деле с этим змеем не все так просто. Хут-Энебиш движется туда, куда его посылает Зов. Ложный зов, созданный хофу, может быть перебит, и тогда змей повернет обратно. Демонам нужна Земля, чтобы пополнить ряды своих слуг. Поэтому, даже если змей свернет с пути, проход на Землю все равно будет создан.

— Как ты узнал про змея? — прищурился Павел.

— Я его слышу. А ты, Таня?

Я закрыла глаза и прислушалась. Игнат был прав: что-то такое шумело далеко за горизонтом. Я смогла различить еле уловимый гул, шорох и скрип. Никогда не думала, что это может быть какой-то полумифический змей.

Что-то шевельнулось за моей спиной, мир стал плоским, выщвел, словно старая фотокарточка, покрылся трещинами, свернулся в цилиндр, и, заглянув в него, словно в подзорную трубу, я увидела голубые структуры, которые шли рябью от приближения чего-то большого и очень далекого.

Так это и есть Хут-Энебиш?!

Глава двадцать седьмая

И все же мне было сложно оценить размеры этого невероятного создания: сначала змей померещился мне исполином и гигантом, а через мгновение показался уже не настолько большим. Была в его стремительном движении какая-то невыразимая красота и ощущение неизбежности. Змей одновременно пугал и зачаровывал: у него не было глаз, только гигантская воронка пасти, усеянная мерцающими голубым светом острыми зубами. Его длинное, покрытое темно-синей чешуей тело неумолимо двигалось вперед, навстречу зову. Зову?

— Ложный зов! Ложный зов! — звучало во мне мне низким колокольным звоном. — Вернись, брат, вернись!

Но Хут-Энебиш не слышал Призрачного дракона, следуя за тем, кто его звал. Он методично взламывал грани мироздания, которые представлялись мне ярко-голубой мелкочаеистой сетью. Она лопалась с ослепительными всполохами, и этот свет был настолько ярким, что у меня выступили слезы на глазах.

Только я собралась спросить, что мы можем сделать, чтобы заставить змея повернуть назад, как порыв ветра ударил мне в лицо привычными запахами креозота, пыли и сырости, отбросил назад волосы и задул с такой силой, словно пытался о чем-то предупредить. Метро! Я подняла голову. Знакомое панно плыло по потолку станции — огромный огнедышащий змей-дракон Зилант, распластавший крылья, вдруг подмигнул мне синим глазом. Ошибиться было невозможно: я была на станции метро «Кремлевская» в Казани. Мраморный пол блестел под ногами, где-то вдали слышался гул приближающегося поезда.

Я обернулась — никого нет, перрон пуст. Гул усиливался.

— Пришло! Пришло! Пришшшшло время! Время! Время вышшшло! — заорал знакомый голос Козлиного. — Поздно! Поздно! Поздно-о-о-о!

— Да чтоб тебя! — я скривилась от отвращения.

Гул все нарастал, мое беспокойство тоже. Заколело в том месте, где луэ соприкасался с телом, заныла голова, во рту пересохло.

Я смотрела в черный зев тоннеля и ждала, когда появится свет фар поезда и эта напасть развеется сама собой. Перрон затрясло так сильно, что я чуть не упала и даже схватилась за колонну. Поезда все не было, ветер усилился, стал горячим и обжег мне горло. Я закашлялась и с удивлением поняла, что вонь креозота и сырости ушла, вместо нее станция наполнилась запахами металла, земли и еще чего-то, чего я никак не могла понять.

Мое сердце напряглось, как будто его сдавило в огромной, но мягкой ладони, и шелестящий, как сухой тростник на ветру, звук полетел по перрону в тоннель и дальше, сквозь пространство, навстречу змею.

Он зародился где-то в моей груди, от луэ, и понесся дальше, превращая метро в гигантскую флейту. И к этому протяжному гортанному гудению присоединился низкий звон Тэнлу:

— Вернись, вернись, брат!

— Нет! — завизжал Козлиный.

Но было поздно: Хут-Энебиш услышал созданный нами новый Зов и начал разворачиваться навстречу ему.

— Назад! — еле слышно шепнула я. — Он должен повернуть назад! Зачем ты зовешь его

сюда?

На меня вдруг накатила слабость, какая бывает от сильной физической усталости, заболели руки: я посмотрела вниз и с ужасом заметила, что мое тело стремительно худело, словно испытывало запредельные нагрузки. В тоннеле вспыхнул яркий свет, поезд с грохотом ворвался на станцию и с визгом остановился. Визг перешел в знакомое шипение, и наступила тишина...

...— Вот же мерзкое создание, — послышался голос Павла, в который раз повторяющего свою любимую фразу. — Не устаю им удивляться. Что ты ругаешься? Никто не снимет тебя отсюда.

Проныра угрожающе зашипел. Судя по всему, он лежал на моей груди.

— Лучше бы брал пример со своего братца — вон лежит смирно, не шипит и зубы не скалит! Сразу видно, что охраняет хозяйку. А ты зачем так агрессивно себя ведешь? — продолжал укорять снарка Павел.

— Где вы вообще взяли этих чудовищ? — недовольно спросил Луиджи. — Вот уж странный выбор питомцев.

— Мы и не выбирали, — коротко пояснил Павел. — Так само сложилось.

Я не могла ни открыть глаза, ни пошевелиться: похоже, все свои силы я потратила на создание нового Зова для змея.

«Замечательно! — ехидно заметил внутренний Геннадий. — Будешь теперь валяться, как бревно. Еще и служить диваном для снарков! И надолго у тебя это состояние? Восстанешь ли из него когда-нибудь?»

Ощущение бессилия было странным и неприятным: все слышу, все понимаю, но не могу пошевелиться. Судя по поскрипыванию и покачиванию, меня несут. Интересно, куда?

— Вот же дохлые носители пошли, чуть что — сразу в обморок валятся, — брюзжал Луиджи. — Ни тебе богатырского здоровья, ни исполинской выдержки. Одни нервы и сомнения! Выродились!

— Ты не прав, — прозвучал усталый голос Юриса где-то совсем рядом. — Посмотри на Луэ — как она сильно похудела! Все силы ее тела куда-то ушли, — вздохнул он. — Странный выбор носителя, конечно, но не нам с тобой судить: Тэнлу виднее!

«Почему меня тащат на носилках? — подумала я. — Джонка Ника ведь была совсем недалеко от Сельвика! Мы вроде собирались лететь на ней... И где сам Ник? А Игнат? Я их не слышу».

Тревога отняла у меня последние силы, я почувствовала, как снарки свернулись клубком поверх кристалла на моей груди и уютно засвистели. Под этот мирный свист я и сама стала проваливаться в сон.

«Как там в Казани, — вдруг подумалось мне, — что там?»

Меня тряхнуло, снарки соскользнули и с недовольным свистом залезли обратно, носилки скрипнули, потом еще раз и еще, громко и знакомо. Где-то я слышала этот звук... Стул?..

...Муса Ахмедович, хмурый и похудевший, сидел за своим столом в нашем казанском кабинете, покачиваясь на старом деревянном стуле. Я вспомнила, как Мария всегда повторяла, что когда-нибудь он за это поплатится: стул развалится, а сам Муса полетит на пол. Как давно это было... и было ли вообще?

Дверь распахнулась, и в комнату ввалился Юрий Поздняков. Он выглядел усталым и еще более невзрачным, чем обычно, под глазами залегли круги, и все же на Мусу он

посмотрел весело и даже с азартом.

— Поймали гаденьша! — крикнул он с порога, даже не здороваясь.

— И кто же он? — так же без предисловий спросил Муса.

— В Московском филиале окопался, упырь. Подкуплен, как это принято говорить в моем ведомстве, вражеской контрразведкой. Персоналии говорить не буду, мы пока разрабатываем всю цепочку. После распада союза никто не отслеживал слабые и тонкие места, ну и поплатились, — пожал плечами Поздняков. — Сейчас будем все это разгрести и заново отстраивать. Только, боюсь, время потеряно: эта Тень Тимура не просто так здесь ходила. Она что-то искала! Возможно, вот это, — он бросил на письменный стол какую-то распечатку.

Муса взял листок и, всмотревшись, узнал запрос Расула по необычному кристаллу, который тот никак не смог идентифицировать. Сбоку на служебной записке карандашом кто-то написал: «Поднять старые легенды! Или, может, это...», дальше шла неразборчивая полустертая запись.

— Почерк знакомый, — заметил Муса Ахмедович.

— Еще бы, — усмехнулся Поздняков, — это Игнат писал. Он перед отъездом в Казань все служебки и запросы вашего отдела поднял. Рылся в бумагах: все искал что-то. Может, и нашел, кто знает... Он же никому не доверял и ничего не оставил в своих записях.

— И все равно не уберется, — вздохнул Муса. — Вот еще что хотел сказать: Тимур с карт исчез.

— Вот как, — протянул Юрий. — Значит, все?

Муса Ахмедович кивнул, лицо его стало совсем мрачным. Я опустила голову: значит, мы не успели...

— Соболезную... А остальные?

— Пока на месте.

— Именно после этого запроса, — Поздняков кивнул на служебную записку Расула, — вокруг вашего филиала началась вся эта катавасия.

— Вы от этой бумажки все раскрутили? — удивился Муса.

— Так точно. Подлец прочитал записку и стукнул кому-то в Шанлу. Это мы точно знаем. Ну а что было дальше, предстоит еще выяснить.

Муса вяло кивнул:

— Значит, все-таки прискакала кавалерия... Выбьете теперь всех плохишей?

— Постараемся.

— Что же это за кристалл такой... И что там, интересно, выяснил Игнат? Вы проверили легенды?

— Как раз этим и занимаемся: есть много упоминаний всяких древних артефактов, но сложить картинку воедино пока не получается, — покачал головой Поздняков.

— Метро странное стало, — вдруг нехотя произнес Муса.

Юрий прищурился и весь подобрался:

— А поподробней?

— Оно ... оно словно поет... Последние пару дней я заметил какую-то необычную мелодию: шелестит что-то, как будто курай играет. И запах новый появился.

— Курай?

— Флейта такая.

— А что за запах? Гнили? Разложения? Может, кровью несет? — деловито

поинтересовался Поздняков.

— Нет, — растерянно ответил Муса. — Горячей землей и травой пахнет.

— Странно, в старых отчетах говорилось, что в местах, где хофу устраивали прорыв на Землю, пахло по-другому, — задумался Поздняков. — Меня вот что больше волнует: если Тень Тимура приходила в Казань и не возвратилась, куда она могла пойти?

Муса пожал плечами:

— Да хоть куда. За час-полтора, конечно, далеко не уйдешь.

— А если на такси?

— Вряд ли.

Муса встал, достал карту города, циркулем очертил на ней круг и неуверенно сказал:

— Ну вот как-то так. За час можно удалиться от отделения не более чем на такое расстояние.

Я стояла за их спинами, сожалея, что не могу вмешаться в разговор. Муса уселся обратно за стол и снова качнулся на своем любимом стуле...

...Легкое поскрипывание все не прекращалось. Надо же, какой раздражающий звук!

Я открыла глаза: синее небо Шанлу почти не отличить от моего родного, с Земли.

— Очнулась! — радостно воскликнул Павел, который вместе с Энти тащил мои носилки.

— Ну наконец-то, — сварливо проскрипел Луиджи, притороченный к поясу Павла. — Устали ждать, пока ты придешь в себя!

— Сколько я валялась? — голос у меня осип и скрипел не хуже, чем у черепа.

— Да уж давно прохлаждаешься, — недовольно буркнул тот.

— Достаточно, чтобы мы почти дошли до Арзуна, — перебил его Юрис. — В летописях говорилось о подобном, но обычно носителю хватало пары дней, чтобы прийти в себя. Ты как-то прямо долго...

«И вправду, цветочек нежный. Нашла время!» — я обругала собственную слабость и вдруг почувствовала что-то неладное. Нас было совсем мало: Павел, Юрис, Энти и я. И Луиджи, конечно же.

— А где Ник и Игнат? Где тэнлунги?

— Тэнлунги всё... Выходили из окрестностей Сельвика с боем — наткнулись на мародеров... А Ник и Игнат ушли, — ответил Юрис. — Добывать Печать дракона. Тащите ее сюда, — он кивнул Энти на небольшую поляну. — Передохнём.

— Как ушли?! — я в изумлении уставилась на своих спутников. — А мы? А Луиджи?

— А что мы? — нахмурился Юрис. — Кто знает, может, ваш Игнат все придумал! Он же явно сошел с ума. Я не собираюсь тащиться за ним и рисковать жизнью Луэ. Мало ли, что ему там примерещилось!

— А почему Ник ушел?

— А кому еще идти с Игнатом? Мы с Энти должны быть при Луэ. Павел Игната не остановит, слишком долго вместе работали. Вот Ник и пошел. Было решено, что они полетят на джонке, а мы пойдем следом, — с этими словами Юрис уселся на треснутый камень посреди поляны и стал смотреть, как Энти разводит костер.

— Да вы с ума сошли! Павел! Луиджи! Как можно было отпустить их одних? — возмутилась я.

— Ну, я был против, — пожал плечами Павел. — Игнат же прямо как с цепи сорвался! Его можно было удержать только связав, он все повторял, мол, надо спешить, надо спешить.

А куда мы побежим, когда ты снова свалилась? Хотели нести тебя до джонки. Но Ник и Игнат ждать не стали. Даже Луиджи тут оставили.

— Да, — согласился тот, — обоих как будто пустынная ящерица покусала. Тьфу! Девочка! У меня к тебе просьба, ты бы посмотрела, как они там!

— Что значит «посмотрела»?! — возмутился Юрис. — Она носитель луэ, а не наблюдатель за твоим правнуком!

— Если получится, обязательно поищу их, — обнадежила я Луиджи. — Думаю, что Игнат был во многом прав! Как жаль, что у нас нет второй джонки!

Пока мы отдыхали и ели, я рассказывала, что видела и слышала.

— Значит, змей развернулся? — протянул Юрис. — Это хорошая новость. Однако война в Империи все равно неизбежна.

— Я бы сказал, — скрипнул Луиджи, — что она уже вовсю идет. Но если количество хофу в Империи не прибавится, но молодой Тэн сможет выдержать натиск Лиги, в этом я уверен. Тэнгуны его поддержат, он соберет армию и опять выбросит Архейцев из страны. Хорошо бы вообще раздавить их раз и навсегда.

Череп скрипнул челюстью, и оба его глаза вспыхнули сначала красным, потом зеленым.

— А меня больше беспокоит, куда повернул этот ваш змей, — сказал Павел. — Надеюсь, не на Землю.

— Надо довериться Тэнлу, — тихо сказал Юрис. — Он не сделает плохого!

— У нас на Земле есть такая пословица: выбрать из двух зол меньшее. И если Тэнлу выбрал меньшее, то это не значит, что на Земле все будет хорошо, — мрачно ответил Павел.

Я только вздохнула, поглаживая своих снарков, которые лезли ко мне с нежностями и выпрашивали кусочки еды. Сил у меня прибавилось, Юрис заботливо навесил на меня свой артефакт долголетия, чем ужасно насмешил. Он не стал слушать мои протесты, нацепил странный камень и приказал не снимать, потом вздохнул и погладил меня по голове: похоже, жалел, что все так вышло.

Еще я поняла, что теперь снять с меня луэ было невозможно, если только с частью моего тела: кристалл сросся с ним. Кроме того, все утверждали, что оба моих глаза стали янтарного цвета.

«Занятные изменения», — равнодушно подумала я. Сейчас у нас были более странные и требующие немедленного решения дела.

Луиджи сильно волновался за Ника, все время ворчал и брюзжал. Его субличности никак не могли ужиться друг с другом. Юрис утверждал, что рано или поздно две личности образуют одну, ту самую, которой череп был когда-то, но вот как скоро это произойдет, предполагать не решался.

Я сидела у костра и думала о том, как там Ник и Игнат. Дошли ли, живы ли? Моим мыслям вторил звон колокола. Костер потрескивал, стрелял искрами, когда... знакомый глуховатый голос виновато сказал:

— Мне жаль, что твой корабль разбился.

Я подняла голову. Игнат?!

— Да, мне тоже, — Ник устало кивнул в ответ.

Я не сразу узнала их, вымазанных в пыли и грязи, в порванной одежде, покрытых ссадинами.

— Кто же знал, что Лига сможет подстрелить джонку, — вздохнул Игнат. — Неплохо они подготовились... Интересно, чем они так ее?

Ник пожал плечами, не отрывая глаз от крохотного пламени костра. Усталое лицо было исцарапано, волосы сбились в колтун, хвост он обрезал и теперь выглядел как грязный тощий мальчишка.

— Ты уверен, что мы на месте? — спросил он. Потом поднял голову и посмотрел на звезды. — А что у вас там на берегу реки? В вашем мире?

— Гнездо, наверное, — пожал плечами Игнат. Он ухмыльнулся, обнажив треугольные зубы, и, облизнув губы черным языком, добавил: — Их ждет сюрприз!

— Кого? — не понял Ник.

— Тех, кто на Земле... — лицо Игната скривилось, словно он сделал усилие над собой, и страшная зубастая ухмылка исчезла.

Ник в упор смотрел на старика:

— Справился? Твои приступы участились, похоже, совсем скоро ты обратишься в хофу... Надеюсь, до этого момента мы успеем создать Печать дракона.

— Справился... Зря ты пошел со мной. Не стоило тебе этого делать.

— А чего мне бояться? Терять особо нечего, — хмуро возразил Ник.

— Это не так, — покачал головой Игнат. — Тебе есть что потерять, например, себя...

— Я не сильно верю тебе, — с вызовом сказал Ник и положил руку на рукоять меча. — Помни: в случае чего моя рука не дрогнет!

— Я и сам не дрогну, — вздохнул Игнат. — Чувствую, что хофу где-то рядом.

— Не сомневаюсь, что вы чувствуете друг друга не хуже собак, — хмыкнул Ник.

Игнат не ответил. Он с силой втянул носом воздух, лицо его стало хищным, черные глаза уставились куда-то поверх головы Ника.

— Гаси костер!

Ник погасил слабое пламя и, присев рядом с Игнатом, осторожно выглянул из-за обломков разрушенной стены. Я осмотрелась: не оставалось сомнений, что это развалины старого города близ Арзуна. В свете луны Западный хребет высился над нами мощной стеной, внизу змеилась река — места знакомые.

— Вон они, — прошипел Игнат, и его движения сделались ломаными, а сам он стал напоминать какое-то хищное и костистое насекомое.

— Не вижу, — Ник то напряженно всматривался в темноту, то внимательно глядел на Игната.

— Еще бы, — хмыкнул тот. — У хофу специальные артефакты, скрывающие их от глаз простых людей. Но ты не волнуйся, меня им не обмануть! Я вижу: они идут к реке. Пойдем и мы с тобой, только очень осторожно.

Я всмотрелась в темноту, в ту сторону, куда показывал Игнат: он был прав, к реке приближались двое мужчин. У одного из них на шее висела точная копия моего кристалла.

Я кинулась вслед за Игнатом, который невероятно ловко для своего возраста и состояния здоровья побежал по камням навстречу хофу. Ник немного отстал: он двигался осторожно и постоянно спотыкался. Упасть в этих развалинах было делом несложным.

Хофу бросили слепок на землю, и я увидела ее — трещину. Словно тонкая рябь проходила в этом месте по земле и воде и, поднимаясь ввысь, уходила далеко вверх. Вот оно — тонкое место между нашими мирами. За ним Земля и Казань. Тэнлу тихо звякнул колоколом внутри меня. Я чувствовала его беспокойство и растущий гнев: он узнал слепок.

— Ну, с Богом, — услышала я шепот Игната. — Надо спешить!

Ник попытался бежать, но быстро упал и покатился вниз, потом встал, еще более

грязный, чем был, и, сильно хромя, припустил вслед за стариком.

Один из хофу стал выкрикивать резкие шипящие слова какого-то то ли призыва, то ли заклинания. Из слепка вырвалось призрачное пламя и, приняв форму огромного дракона, поднялось в воздух. Тень Тэнлу недолго думая с влажным чавканьем пожрала обоих хофу и, увеличившись в размерах, стремительно пронеслась вдоль реки. Затем она повернула обратно и, прорвав трещину, нырнула в нее, устремившись к Земле. У меня упало сердце: что теперь ждет мой родной город? В голове проносились страшные картины разрушенных зданий, сорванных мостов, мертвых людей...

Огонь продолжал пылать. Может, его надо погасить, и тогда Тень ослабнет и развеется? Как же это сделать? Что там говорил Игнат про Печать дракона?.. Все эти мысли вихрем крутились в моей голове. И где же сам Игнат?

Вдруг поднялся сильный ветер, края трещины с треском расширялись, увеличивая проход между мирами. Луна скрылась за тучей, я с трудом, но все же смогла разглядеть Ника и Игната. Они замерли недалеко от слепка луэ.

— Ты стой тут, — сказал старик и, схватив Ника за грязный, когда-то зеленый жилет, прокричал ему в лицо: — Жди!

И побежал, уже не так ловко, как хофу, а по-стариковски, как человек, слегка прихрамывая, но с каждым шагом двигаясь все увереннее, и, когда наступил на слепок, загорелся.

Я не сразу различила призрачный огонь, охвативший его, а когда поняла, что произошло, бросилась к скорчившейся у кромки воды фигуре. Но разве я могла что-то изменить?

Игнат горел.

Тело плыло и колебалось, как отражение в воде. Лицо исказилось от боли и стало меняться, словно стекая с черепа: исчезли треугольные зубы, а глаза снова стали ярко-голубыми. Несколько жирных красных капель влажно блестели на земле, собираясь в круглый камень — ту самую Печать дракона, созданную из крови демона и человека. Ник подбежал к Игнату и протянул руки, пытаясь вытащить его из огня, но схватил только пустоту, затряс дымящимися ладонями — пламя обожгло его — и упрямо повторил попытку. Игнат повернулся к юноше и виновато улыбнулся:

— Я был согласен, так и передай всем.

И он стал подниматься вверх, растворяясь в воздухе. Из остатков призрачного дыма, уже почти погасшего слепка луэ, до нас донеслось:

— Волчара! Ну что ты так долго?!

Глава двадцать восьмая

Печать дракона налилась светом, воздух над ней задрожал и затрещал. С тихим шелестом трещина стремительно сжималась, ее края, точно волны, набегали друг на друга, и прореха между нашими мирами стала закрываться. Раздалось гудение, как будто от трансформаторной будки, и трещина наконец затянулась, а Печать стала прозрачной. Словно кусок горного хрусталя сверкал перед нами — блестящий, гладкий и чистый, как слеза.

Ник продолжал сидеть на коленях у затухающего призрачного пламени, лицо его было мокрым от слез, руки висели тяжело и неподвижно. Когда трещина закрылась, он дрожащими руками взял сияющий камень, завернул в носовой платок и положил его в карман...

Я подняла голову — мирно потрескивало пламя костра, слышалась тихая беседа Павла и Юриса. Как они могут быть такими спокойными и умиротворенными, когда все так плохо?! Я закрыла глаза, размышляя о том, что же происходит на Земле, сморщилась, поняв, что «увидеть» Казань или Мусу Ахмедовича никак не выходит: мне очень редко удавалось вызвать направленное видение. Но опускать руки я не собиралась и, сосредоточившись на мыслях о Казани, стала вспоминать.

Низкие шапки облаков.

Запах цветущих лип.

Шелест листвы и серебряную зелень ив.

Точеные минареты мечетей.

Аромат роз.

Ветер...

Голубые, золотые и черные луковицы куполов церквей, похожие на пламя свечи.

Старые дворы с нестриженной высохшей травой и запах полыни.

Протяжный призыв муэдзина.

Белые свечки каштанов.

Свист соловья.

Метель...

Тополиный пух.

Благовест.

Шум дождя и запах мокрого асфальта.

Хруст снега под ногами.

Толстые чайки над ярко-синей водой.

Буран...

Вонь канализации.

Скребущий звук метлы.

Запах кофе и смех детей.

Снег.

Узкие улочки и широкие проспекты.

Вьюга...

...Порыв ветра швырнул в меня снегом с такой силой, что я не сразу смогла открыть глаза. А когда стерла холодные капли с лица, то сразу увидела знакомую невысокую фигуру

в сером шерстяном пальто. Муса Ахмедович стоял на заснеженной набережной Казанки и смотрел на белые стены Кремля, находившиеся на противоположном берегу скованной льдом реки.

— Красота какая, — сказал Поздняков, который стоял рядом с ним, опершись на железные перила ограды, и смотрел в другую сторону. — Что за здание-то?

— Достопримечательность местная — ЗАГС в форме гигантского казана. Эдакий огромный котелок на костре. Я, знаешь, не большой любитель таких архитектурных изысков, — оглянувшись, пояснил Муса. — Но людям нравится.

— А называют как? Казан? Хм, интересно... — не унимался Поздняков и, задрав голову, протянул: — А высоченный-то какой!

— Казан в высоту тридцать два метра, — заметил Муса, озабоченно осматриваясь. — Там наверху еще смотровая площадка. Сейчас она уже закрыта, а то можно было бы зайти. Ты ничего не слышишь? Какой-то странный шум ...

— Да нет вроде, — пожал плечами Поздняков, рассматривая барельеф бронзовой чаши Казана в виде драконов и крылатых барсов. — Обычный гул города.

Юрий подошел ближе и принялся разглядывать эффектно подсвеченный постамент чаши, похожий на языки пламени.

— Красивая подсветка, — пробормотал он. — Нет, ну правда впечатляет. А скульптуры прямо огромные! Смотри, эта лапа по размеру как моя голова! Барс метров шесть в высоту, никак не меньше...

Четыре гигантские скульптуры зилантов и барсов были расположены по периметру комплекса. Муса равнодушно огляделся вокруг: я знала, что Казан оставлял его безразличным, как и массивные скульптуры. Он любил старинные церкви, Кремль с его деревянной крышей, даже старое здание университета нравилось ему гораздо больше, чем чаша.

— Лучше скажи, — раздраженно спросил он Юрия, — когда вы моих людей с Шанлу вызволите? У них тут остались близкие.

Тот вздохнул и пожал плечами. Людей на площадке вокруг чаши почти не было: слишком холодно и промозгло. Я поежилась и огляделась в поисках намека на трещину. Если уж Игнат говорил про реку и гнездо, то Казан — самое что ни есть подходящее место. Огромное каменное гнездо, еще и с охраной в виде зилантов и барсов. Очень символично...

С реки начал наползать туман, мне сразу захотелось в тепло, к сладкому чаю с лимоном и горячему ужину. Поздняков шмыгнул покрасневшим носом и, судя по выражению лица, был того же мнения. Туман висел в воздухе серой дымкой, город сиял в ночи, теплый и спокойный, недалеко от Казана переливалась огнями новогодняя елка.

Юрий вытащил из кармана сотовый и сообщил:

— Связи нет.

Над городом что-то загрохотало. Я вздрогнула: гром в декабре?!

Небо окрасилось в серо-фиолетовый цвет, раздался свист, как будто кто-то проткнул воздушный шарик, и тонкая вертикальная линия прочертила пространство над рекой.

— АстагфируЛлах, — прошептал Муса.

— Трещина! — потрясенно воскликнул Поздняков, стараясь перекрыть нарастающий шум.

Небо с сухим хлопком словно лопнуло напополам, и из разлома повалил дым. Он расстилался над рекой, все более уплотняясь и принимая уже знакомые мне очертания. Муса

Ахмедович и Юрий замерли: туман с реки, будто притягиваясь магнитом, стал подниматься к дыму. Он становился все темнее, и наконец вся эта масса приняла форму исполинского дракона. Мощные крылья, сложенные вдоль тела, походили на плащ и в темноте были почти не заметны, пока он не расправил их. Взмахнув ими, сотканная из дыма и тумана Тень Призрачного дракона молча взмыла вверх, подняв такой ветер, что Муса и Юрий кубарем покатались по земле.

Вслед им летел снег, куски льда, песок, камни, птицы, ветки и даже сломанное дерево. Кремлевская дамба, соединяющая оба берега реки Казанки, затряслась, дорога, по которой сплошным потоком ехали машины, заходила волнами и покрылась трещинами. Раздались громкие гудки, заскрипели, завизжали тормоза, и Кремлевский мост, заскрежетав, дрогнул. Огромный грузовик, не удержав равновесия, упал на бок и, проломив ограду, повис над рекой. Поднявшись на ноги и в ужасе взирая на происходящее, Муса Ахмедович замер посреди набережной. Я завертела головой — где же Юрий — и с облегчением поняла, что с ним все в порядке. Поздняков что-то кричал и показывал Мусе в сторону другого моста — Миллениума. Я медленно, будто во сне, развернулась вслед за Мусой Ахмедовичем туда, куда показывал Юрий, и увидела, что вдоль реки в нашу сторону несется гигантская серая Тень Призрачного дракона. Сердце замерло: что сейчас будет? Скорее бы трещина закрылась, это ослабит Тень Тэнлу!

Но время для этого еще не пришло, и, точно зритель в кинотеатре, я продолжила наблюдать за катастрофой: открыв пасть, Тень выплюнула столп призрачного пламени. Оно прошло сквозь мост Миллениум и понеслось дальше, вдоль реки, сжигая все, что попадалось на его пути. Горящий мост оторвало от опор и понесло к Кремлевской дамбе. Раздался взрыв.

Мусу Ахмедовича сшибло с ног, и он покатился по земле, хорошо приложившись головой. Рядом с ним ворочался Поздняков: он медленно, как пьяный, поднялся на колени и вытер кровь с лица, не открывая взгляда от реки. Только меня ничего не задело. Это было странно: я чувствовала ветер, снег, холод, но при этом легко устояла на ногах и избежала ушибов.

Обернувшись вслед за Поздняковым, я увидела, что река Казанка горит. Все пылало: снег, лед, вода, камни, старый камыш. Птицы, вспыхивая, падали вниз хлопьями пепла, серое пламя поднялось над дорогой, которая плавилась и стекала в гудящую от огня реку.

С протяжным скрипом огромная чаша Казана треснула, и половина ее словно стекла на землю, подняв в воздухе клубы дыма и пыли. Огромные куски здания покатались дальше прямо к Мусе Ахмедовичу с Поздняковым.

Воздух стал густым и горячим, все вокруг гудело, выли сирены, слышался скрежет металла. Я в ужасе кинулась туда, где стояли Муса Ахмедович с Юрием — сейчас там лежали камни. Помочь им я никак не могла... И тут послышался странный звук, как будто кто-то застегнул молнию. Трещина медленно закрывалась! Успел! Игнат успел!

Чаша Казана лежала в руинах, уцелели только две скульптуры зилантов. Я осторожно подошла к оплавленному парапету и заглянула вниз: подо мной черной ямой зияла Казанка, дно ее было усеяно камнями и глубокими трещинами. Мост к Кремлю был забит горящими машинами, воняло пластиком и еще чем-то. С этой стороны реки город был серьезно разрушен. Верхние этажи высотных зданий отсутствовали полностью, как будто их чем-то срезало. Лопались стекла окон, трескался фундамент зданий, асфальт взрывался или плавился. Очевидно, часть призрачного пламени разнеслась вдоль многих улиц...

Земля под ногами начала едва заметно подрагивать, и знакомое шуршание и скрип заполнили мою голову: змей шел вслед за моим Зовом...

...Я открыла глаза. В Шанлу занимался рассвет. Все спали, только Юрис и Луиджи тихо о чем-то беседовали.

— Очнулась? — спросил меня старый тэнлунг. — А я все сижу и жду, когда ты придешь в себя. Ну, что там в мире происходит?

— Надо спешить навстречу Нику, — устало сказала я, вылезая из-под теплого одеяла. — Змей скоро придет в мой город. Тень дракона уже там...

— Ну, Тень скоро развеется, — ответил Юрис. — А что Печать дракона?

— У Игната получилось. Она создана, — коротко ответила я и начала расталкивать Павла.

— А Ник? — взволнованно спросил Луиджи. — Что с моим мальчиком? Он жив?

— Жив, — буркнула я. — Надо спешить, вы слышите меня?! Юрис! Времени нет! Мы можем не успеть добраться до Арзуна!

— Не надо нам никуда спешить, — вздохнул он. — Хут-Энебиш сам найдет того, кто его позвал. Выйдет из вашего мира прямо перед твоим носом. Можно просто сидеть и ждать.

— Нет, постой! — не согласился Луиджи. — Печать-то сама нас не найдет. Надо торопиться навстречу Нику.

— Думаешь, Луэ сможет закрыть тот проход, который создаст змей? Это очень опасно!

— А при чем здесь это? — не унимался Луиджи. — Она или кто-то другой... Да не важно, кто, но проход надо закрыть!

И мы пошли дальше. Может, это было ошибкой и спешить не было необходимости, но что-то толкало меня вперед. Может быть, тревожный колокольный звон, который все это время раздавался в моей голове. Этот звук будоражил, не давал покоя и заставлял идти вперед без остановок.

Шли как могли: кто-то хромал, а кто-то болтался на поясе и недовольно скрипел, как старая калитка. Энти помогал мне, почти волоча меня через кусты и кочки. Тяжелее всех пришлось Юрису: старик тяжело дышал и сильно отставал.

— Надеюсь, Ник тоже догадается поспешить, — повторял он, пока мы переходили вброд неглубокую речку.

— Ник не дурак! Главное, чтобы он живой был, а уж способ быстро донести до нас Печать он найдет, — проскрипел Луиджи. — Думаю, у нас еще есть время, пока змей пройдет через Землю и дойдет до нас.

— Есть, но совсем мало. Так ведь, Таня? — спросил Павел, помогавший Юрису двигаться быстрее.

— Главное не наткнуться на кого-то, — буркнул тот. — Тэнлу, береги нас! Если наткнемся на хофу или наемников — не выживем!

И Дракон берег.

Мы встретили Ника на следующий день, когда, вконец вымотавшись, остановились на короткий отдых. Он каким-то чудесным образом смог реанимировать сферу управления джонкой и, соорудив что-то вроде планирующего плота, летел нам навстречу, очень низко, но довольно быстро. Выглядел он все таким же оборванным и грязным и был весь в ссадинах.

— Это то, что я думаю? — спросил Луиджи, жадно впившись глазами в Печать дракона.

— Верно, — кивнул Ник, демонстрируя артефакт Луиджи и Юрису.

Оба с интересом рассматривали сверкающий на солнце прозрачный круглый камень.

— Очень интересно, — произнес наконец старый тэнлунг. — Вот уж не думал, что своими глазами увижу нечто столь легендарное! Поверни-ка его, Ник. — Юрис наклонился над Печатью, так и не решившись взять ее в руки. — Ага... Неоднородная структура, двухосная модель... Непривычный вид. И как она работает?

— Если честно, я не знаю, — признался Ник. — Но она как-то запечатала трещину.

— Сложно, очень сложно, — покачал головой Юрис и обратился к Луиджи. — Что думаешь, джоэсс?

— Не знаю, — после продолжительного молчания с неохотой признался тот. — Я не располагаю такой информацией.

— А со змеем-то что будем делать? — неожиданно спросил Павел. — Все-таки убьем?

— Змея?! Хут-Энебиш, что ходит между мирами? Ты в своем уме, Павел? Это невозможно!

— Никого убивать не надо, — устало сказала я. — Думаю, он сам уйдет, а я запечатаю проход.

— И как ты это сделаешь? — поинтересовался Ник.

Я не ответила и лишь молча пожала плечами. Во-первых, я не была уверена, что точно поняла, как именно это сделать, а во-вторых, решила, что не стоит раньше времени всех волновать и заставлять переживать о том, на что мы никак не повлияем.

Вдруг ушах зазвенело, и перед моим внутренним взором появилось очередное видение. На сей раз это была станция метрополитена. Понять, какая именно, я не смогла: на перроне было слишком темно. Но то, что я ее вижу, могло означать только одно: Муса Ахмедович выжил. А еще я обрадовалась, что наконец-то не «выпала» в видение. Но радость оказалась недолгой...

...«Нет никаких новых способностей! Все по-старому, — уныло заявил внутренний Геннадий. — Валяешься сейчас там, на поляне, как куль с овсом. Красота, что уж тут скажешь! Ну до чего неудобно быть луэ!»

Я мысленно с ним согласилась. Перрон был пуст, плотный холодный воздух немедленно облепил меня влажной массой.

«Странно...» — подумала я и огляделась в поисках знакомой фигуры. Муса был недалеко — стоял в окружении вооруженных людей, одетых в черную форму и шлемы. Спецназ? Что он делает среди них, да еще одетый в свой любимый синий складской халат?.. Кто-то зажег фонарик, и тонкий лучик заметался по стенам. Послышался шум.

«Поезд?» — с сомнением подумала я. Со станцией явно что-то было не так, и вообще, неужели метро работает после всего того, что произошло на берегу реки?!

Шум приближался, перрон задрожал, и станцию наполнило уже привычное шуршание. Я глубоко вдохнула знакомый запах земли и сухой травы (полыни?), понимая, кто именно должен появиться из черной ямы тоннеля. И не ошиблась.

С треском проламывая мрамор и кроша стены, из тоннеля вырвался гигантский змей. Он была гораздо крупнее любого поезда и не помещался в рукаве тоннеля, разрывая его и превращая в огромный проход.

Муса Ахмедович и его спутники заворуженно смотрели, как Хут-Энебиш замер и открыл пасть. Несколько рядов острых зубов заблестели, заискрились вспышками голубых молний в слабом свете фонариков. На короткий, какой-то совершенно нереальный миг наступила полная тишина, слышалось только тяжелое дыхание людей и шелест земли,

скатаывающейей с гладкой чешуи змея. А потом в этой тишине мерзко захихикал Козлиный.

Послышался звук стрельбы. Я хотела крикнуть, что это бессмысленно и опасно, надо просто пропустить змея вперед: он уйдет сам. Но вряд ли это бы помогло: кричи сколько хочешь — никто все равно не услышит.

Разумеется, оружие не нанесло змею никакого вреда. Хут-Энебиш поднялся массивным телом до самого потолка станции, пронзительно свистнул и врезался головой прямо в перрон, круша все на своем пути...

...Я словно очнулась от просмотра какого-то триллера. Зябко поежилась и огляделась. Вечерело. Мы сидели в ожидании прихода змея, усталые и измученные, не понимая, что делать и выживет ли кто-нибудь из нас после встречи с ним.

— Змей добрался до Земли, — сообщила я.

— Ты так спокойно это говоришь... — осторожно заметил Юрис. — Значит, все хорошо?

— Нет, — покачала головой я. — Но нам остается только ждать его и действовать по ситуации.

Внутри меня одобрительно звякнул колоколом Призрачный дракон.

К тому моменту, когда земля стала ощутимо подрагивать и послышалось знакомое шуршание, все успели поспать, поесть и еще больше устать от ожидания. Меня знобило от страха, да что там говорить, я была в ужасе, а от ободряющих слов моих спутников мне становилось только хуже.

Общую мысль выразил Ник:

— Скорей бы уже все началось!

— А когда начнется, ты будешь думать совсем иначе, — ядовито заметил Луиджи.

В четыре утра, когда никто уже не спал, земля наконец стала не просто дрожать, а трястись так, что устоять на ногах можно было с большим трудом.

— Началось? — с ужасом спросил Павел. И сам себе ответил: — Теперь уж точно началось!

Тряска усилилась, земля под ногами заходила ходуном, деревья ломались, как спички. Мы стояли вокруг поляны и молча ждали появления змея. Меня согревала только мысль о том, что мы были вместе: никто не ушел, не бросил меня.

Я почувствовала на языке неприятный привкус песка и пыли, губы пересохли, а воздух, как наждак, ободрал горло.

В траве проскочили знакомые голубые разряды, а потом откуда-то из-под земли вынырнула голова змея. Раскрыв пасть, он расширил дыру посреди поляны, и из нее стало вываливаться здоровенное тело змея, на спине которого скорчилась знакомая фигура. Муса Ахмедович, раскинув руки, лежал на темно-синей чешуе.

Как он там оказался и как смог пройти на спине Хут-Энебиш этот путь между мирами?! Я была к нему ближе всего и видела, что Муса весь залит кровью. Плащ из драконьей кожи защитил его тело, но лицо... щека разорвана, в ране белеют не то кости, не то зубы, из запекшегося глаза торчит тонкая игла.

Это было так страшно, что мои руки тряслись, когда я протянула их к неподвижному телу Мусы. Все было как в тумане. Павел помог мне подхватить его и аккуратно спустить на землю. Мои ноги подогнулись, и я, опустившись на колени, дрожащими руками стала стирать кровь с лица Мусы Ахмедовича. Он все же пришел за нами!

— Господи! — шептал посеревшими губами Павел. — Как же это? Да почему так?!

— Энти! Приготовь бинты! — послышался голос Юриса.

«Бинты? Бинты! Много бинтов!» — пронеслось в моей голове.

— Он жив? — донесся откуда-то голос Ника.

— Да, — ответил Юрис. — Но сильно ранен. Удивительно, что он вообще выжил.

Змей замер, его мощное тело искрилось мелкими разрядами, вокруг стоял сильный запах озона.

— Таня, — тронул меня за руку Юрис. — Отойди от него. Твой Зов окончен, и скорее всего змей тронется по старому Зову.

— В мир хофу? — уточнила я.

— Да... — Юрис понимающе посмотрел мне в глаза. — Выбор за тобой, Луэ...

Я подняла Печать и вдруг услышала звон. Он был везде: внутри меня, и высоко в небе, и даже под землей, словно весь мир превратился в один большой колокол. Тэнлу пытался перебить ложный Зов хофу, но получалось у него плохо. Я уже и сама слышала их призыв: ритмичный барабанный бой, отдающийся болью в голове и гулом в ушах.

Змей поднял зубастую морду и как будто прислушался. Все! Время пришло! Я сжала покрепче Печать дракона и со вздохом оглядела моих спутников: вот Павел, стоящий на коленях около Мусы Ахмедовича и пытающийся остановить кровь; Энти, молча замерший посреди поляны и готовый кинуться туда, куда ему прикажет старый тэнлунг; сам Юрис, с безвольно опущенной головой склонившийся в ожидании моего решения; Ник, который ничего не понимал, но чувствовал, что происходит что-то не хорошее...

А высоко над землей парил Призрачный дракон, огромный, синий и одновременно прозрачный. Тот, чьим оком мне поневоле пришлось стать.

— Что же ты решила, Луэ? — вызвонил Тэнлу.

Я поднесла к лицу Печать дракона и внимательно осмотрела камень. Он мерцал. Теперь я знала, как артефакт запечатывает проход между мирами: он работает как иголка с ниткой, накладывая швы. Можно наложить всего один шов, а можно много, создав мощную преграду. Только надо правильно, с верной стороны расположить Печать

Так где же мне ее разместить? Закрывать родной мир от всех, запечатав проход на Землю? Да, это будет временно, но ... почему нет? Конечно, когда-нибудь хофу снова прорвутся к нам, но на короткое время Земля сможет получить передышку. Но что будет с Шанлу? А с другой стороны, какое мне до него дело? Или все же этот мир мне уже не чужой?..

— Дан-дан-дан, — вызванивал Тэнлу, соглашаясь с любым моим решением.

Я вспомнила Игната и то, во что он почти превратился. Возможно, Земле понадобится помощь Призрачного дракона. Я оглянулась на Юриса. Он выжидающе смотрел на меня..

Закрывать Шанлу и Землю? Но как? Хватит ли одного шва? Вряд ли...

Звон необыкновенной чистоты раздался в моей голове и наполнил меня силой, смыв всю усталость, головную боль и сомнения, и я наконец поняла, что мне делать. На душе сразу стало легко и просто — давно бы так!

«Ты сошла с ума, Танька!» — схватился за голову внутренний Геннадий.

Я перехватила Печать покрепче, шагнула к змею: голубые разряды на его чешуе медленно угасали, меняясь на багровые, и перед нами возникли ярко-красные решетки прохода дальше — в мир хофу. Вот он — путь к ложному Зову.

Что же, отлично! Змей замер, словно не решаясь начать движение, и тогда я неумело, как уж получилось, забралась ему на спину и, схватившись за выступы на чешуе, направила его прямо в проход.

«Выживу ли?» — мелькнула и тут же погасла испуганная мысль.

«Я помогу тебе...» — прозвонил Тэнлу.

Неясное свечение охватило меня и тесно прижало к Хут-Энебиш.

Выживу!

— Стой! — послышался голос Ника. — Да куда ты?!

— Глупцы! — прокаркал Луиджи.

Ник схватил меня за ногу, запрыгнул на змея вслед за мной, и мы ухнули прямо в открывшийся проход, запечатывая его по всей длине и отсекая от хофу наши миры.

1

«А как же луэ? — мысленно крикнула я Призрачному дракону. — Как же ты без него?»
«Оставь себе, — прозвонил Тэнлу. — Тебе будет нужнее...»

Призрачный дракон летел высоко над землей, а под ним простирался мир, который был его детищем. В последний миг, ровно за мгновение до того, как мною был наложен первый слой печати, я увидела то, что мне смог показать Тэнлу: Дэон.

Город лежал перед ним как на ладони, и, словно ручейки к большому озеру, в него стекались люди: молодой Тэн собирал силы и армию для войны с наемниками Лиги и хофу.

Среди этих усталых, медленно бредущих людей я увидела телегу, на которой лежал знакомый мне лу-вэй. Он был ранен: кровь запеклась у рта, шрам на лице воспалился и был покрыт чем-то серым, похожим на пепел. Мария шла рядом и устало смотрела перед собой. Вокруг месили дорожную грязь те, кого еще держали ноги, остальных несли или везли на телегах. Двигались медленно, глотая пыль и кашляя от дыма, который несло с полей. Еле переставляя ноги, с безучастными серыми лицами шли уцелевшие горожане, несли детей, старики ковыляли сами. Вдоль дороги за этой молчаливой усталой колонной оставались неподвижные тела: хоронить их не было времени и сил.

А если перенестись дальше, в сторону Западного хребта, то у его подножия можно увидеть Арзун. Город сильно пострадал при пожаре, но крепкий дом Гиззата сохранился. Я знаю, что молодые яблони обычно закрывают от грызунов поздней осенью. Посаженные Гиззатом три года назад деревья были совсем юными и почти не плодоносили. Я видела, как опечалена Оэлун — ее сил не хватало на то, чтобы ухаживать за садом. Но кого позвать на помощь, если все сыновья — тэнгуны и вызваны в Дэон, а у дочерей своих хлопот хватает? Стук в дверь застал ее врасплох.

— Ты что, Жиглай?

— Я это... яблони закрыть... от зайцев.

Мне показалось, что где-то раздался одобрителный смешок старого тхэ.

А если подняться еще выше, то можно увидеть больше. Но нет времени и нет желания. Я заметила то, что заставило мое сердце замереть в дурном предчувствии: через проход между нашими мирами на Землю хлынула волной магия. Никто еще ничего не понял, но я уже вижу, что она, как ржавчина, будет разъедать мой мир, нанося ему непоправимый ущерб...

Видения пронеслись перед глазами и погасли, последний шов первого слоя печати нанесен, впереди неизвестность...

2

Кто-то похлопал Ника по щеке, и он очнулся.

Над ним склонился смуглый и худощавый молодой мужчина. Он потрогал пальцем рыжую прядь волос Ника и что-то спросил у него на незнакомом языке. Тот помотал головой, в ужасе думая о том, как он здесь оказался. Мужчина повторил вопрос на другом языке, и так до тех пор, пока Ник не различил ломаный язык островных летописцев. Тот самый, на котором уже не говорили, а только читали первые летописи народа Островов. Но откуда этот человек знает мертвый язык Островов?!

— Ты фу-эйро? — спросил смуглый. — Понимаешь меня?

Ник кивнул.

— Откуда ты знаешь старый н-дотти?

Ник хотел ответить, но язык словно прилип к небу. Он издал какой-то невнятный звук.

Смуглый разочарованно вздохнул:

— Ты со-хофу? Впервые вижу со-хофу, сохранившего разум... Кто твой поводырь? Я накинул свой повод, но это неправильно, сам понимаешь...

Ник ничего не понимал: о чем вообще речь? Что за со-хофу? Поводырь?..

Кто-то вышел из-за спины незнакомца, блеснули знакомые янтарные глаза, непослушные пряди упали на лоб, и звонкий голос произнес на имперском:

— Два шага назад, и не дергайся.

«Таня», — вспомнил Ник. Это же Таня, как он мог ее забыть? Что вообще происходит?

— Я не со-хофу! Не знаю, кто это! — воскликнул он, с облегчением понимая, что речь вернулась.

— Так ты его поводырь, — с интересом сказал смуглый, оборачиваясь к девушке. — Фу-эйро не должны стрелять друг в друга, опусти арбалет! Рыжий! Переведи ей мои слова...

Больше книг на сайте - Knigoed.net